

1961

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

12

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1961

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания пятый

С О Д Е Р Ж А Н И Е

МУРМАН ЛЕБАНИДЗЕ. Моему народу. Стихи	3
МИХАИЛ ДЖАВАХИШВИЛИ. Судьба жен- щины. Роман. Окончание	5
КАРЛО КАЛАДЗЕ. Старый сад. Стихи	41
АЛЕКСАНДР СЫТИН. Ночь на озере Палео- стоми. Эюд	44
МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ. Баллада о солдате. В Чаргали. Стихи	49
ГЕОРГИЙ ГОЛЕТИАНИ. Первокурсники	51

ПУБЛИЦИСТИКА

МАТЭ МИРИАНАШВИЛИ. К вопросу о подго- товке научных кадров	75
---	----

РЕШЕНИЯ XXII СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНЬ!

Н. НОВИЦКИЙ. К новым свершениям	77
---------------------------------	----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

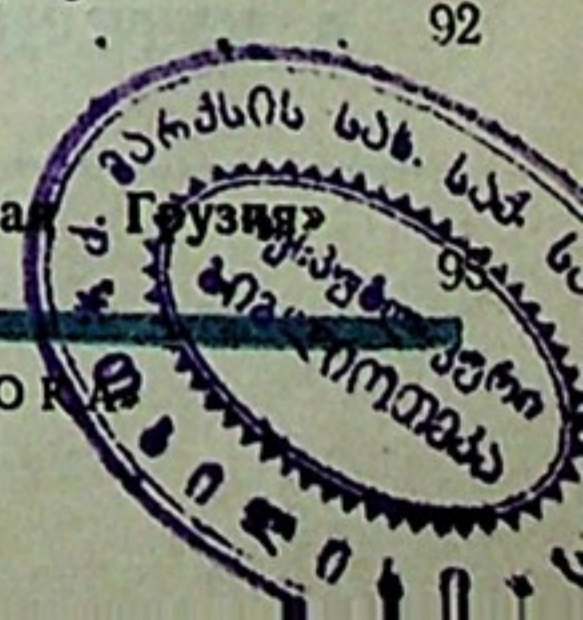
НАТАЛИЯ ЧХЕИДЗЕ. Художественный перевод и критика	82
--	----

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

В. ФРАНГУЛЯН. Первая классическая опера во Вьетнаме	91
И. ЕНИКОЛОПОВ. Неизвестные документы о Кюхельбекере	92

Содержание журнала «Литературная Грузия»
за 1961 год

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ «ЗАРЯ ВОСТОКА»

67.005

12

ДЕКАБРЬ
1961

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗАВЕРИН, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ,
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Заместитель редактора Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ.

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-44-08

Мурман Лебанидзе

Моему народу

Вечно удивленными глазами
Я смотрю уже который год
На красу осенней Алазани,
На величье крутолобых гор.

Мой народ,
Садовник и воитель!
Мой народ,
Создатель красоты!
Среди всех открытых мною истин
Самая большая — это ты.

Родина моя, моя награда!
Плод в саду, на поле сноп тугой!
Я целую гроздь винограда,
На коленях стоя пред тобой.

Как бы нас по свету ни бросало,
Верная любовь у всех одна...
Арало, Урмули и Цангала¹
Не умолкнут в сердце
Никогда.

¹ «Арало», «Урмули», «Цангала» — грузинские народные песни.

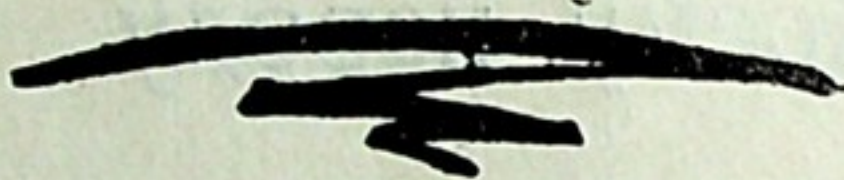
Полдень близок. Нету с солнцем
 слада,
 Зной течет, как огненный ручей.
 Свод небесный держит колоннада
 Золотистых солнечных лучей.

Марево дрожит над полем желтым,
 Алый мак подернут белизной,
 Черный дрозд из чаши криком
 желчным
 Жалуется на жару и зной.

И среди просторов полусонных
 С радостью расправив каждый
 лист,
 Тоненький, доверчивый подсолнух
 Смотрит прямо на слепящий диск.

Перевод с грузинского Р. Сефа

Михаил Джавахишвили

Судьба женщины

РОМАН

Перевод с грузинского
Э. Ананишвили

Окончание

Рис. И. Гурро

Кето стоит у стола в нерешительности. Что, если Авшаров оставил какую-нибудь метку? Запомнил, как что лежит? Она колебалась еще и потому, что не привыкла заглядывать в чужую душу. Наконец, она боялась обнаружить что-нибудь такое, что унизит ее женское достоинство, нанесет удар ее самолюбию. Как бы не пожалеть потом о своем любопытстве!

«Тайны супругов — скрытый огонь, — говорила Кето ее мать. — Не надо прикасаться к нему, разгребать жар. Он может обжечь обоих!»

Но сейчас эти материнские назидания представляются Кето отвлеченными, нежизненными. Она постигает их умом, но не чувствует сердцем. Нет, она не может удержаться, она должна прочесть эти письма, узнать все. Она прикоснется к огню, будет разгребать жар — пусть ее обожжет! Не велика беда! Зато она доберется до правды.

Кето заметила на столе несколько папок, забытых с утра Авшаровым. Кето раскрыла одну, перелистала вторую, третью... и вдруг наткнулась на фамилию Гургенидзе. Она прочла несколько строк и, потрясенная, внезапно обессилев, упала на стул. Потом подумала, что

глаза обманули ее, и еще раз перечитала это место. В подшивку бумаг, касающихся Зураба Гургенидзе, был вложен небольшой листок с карандашными заметками. Этот листок Кето видела и раньше, и почти все заметки были ей знакомы. Тогда она узнала, что Гургенидзе приказано пока не арестовывать и что за квартирой Марты устанавливается слежка. Но теперь на листке стало одной заметкой больше. Собственной рукой Авшарова было приписано: «Гургенидзе не трогать. Он оказывает нам важные услуги».

Нет, Кето не ошиблась. Точно так, слово в слово: «...оказывает нам важные услуги». Дрожь пробежала по всему телу Кето. Она тряслась, как в лихорадке.

Значит, и Зураб... Неужели и Зураб? Нет, нет! Невозможно! Неве-
роятно! Мой муж расставляет мне ловушку. Он хочет, чтобы я попалась на эту удочку! Ха, ха, ха! Он считает меня душой! Глупый! Пустоголо-
вый! И ведь постарался подготовить меня — нарочно завел утром раз-
говор: «Ты не знаешь, кто такой твой герой Зураб Гургенидзе! А когда узнаешь, будешь поражена!»

Ну вот, Кето и узнала... И что же, разве удалось Авшарову ее обмануть? Какая смешная уловка! Даже слепой заметит, что все это ши-
то белыми нитками! А Кето вовсе не слепая... Она сразу все увидела,
все поняла. Понемногу дрожь ее унялась. И только одно-единственное
облачко осталось на прояснившемся небе ее сознания: измена «Рыси»,
о которой было написано на этом же листке, подтвердилась. Но... так
ли на самом деле? Кем это проверено, расследовано, подтверждено?
Что, если этот несчастный пал жертвой уловок Авшарова?

Но возможно, что тот, кого звали «Рысью», в самом деле был из-
менником, и значит заметка на листке была ложью. А если так, то
не исключена вероятность, что и Зураб... Да, и Зураб... О низкий,
отвратительный жандарм! Зачем ты отравил душу Кето этим гнусным
подозрением? Яд сделал свое дело! Кето должна сейчас же, немедлен-
но, найти Зураба и узнать всю правду. Да, узнать правду и опроверг-
нуть, развеять эту клевету, а то завтра может оказаться поздно: слух
разнесется по всему городу, и Зурабу, возможно, не так-то просто бу-
дет оправдаться...

Пока Эки нет дома, Кето спешит привести все в порядок — рас-
пределяет бумаги и папки по своим местам, запирает ящики, одева-
ется и долго расхаживает по пустым комнатам, взволнованная, отрав-
ленная сомнениями, с бледным, измученным лицом. Но вот и Эка вер-
нулась с базара. Кето торопливо дает ей какие-то распоряжения и
впопыхах убегает из дому.

— Кето дура! Кето дура! — вопит ей вслед зеленый попугай.

* * *

Андро собрал у себя за завтраком сыновей и племянников. Кето
не была приглашена. Она зашла случайно и застала всех своих роди-
чей в столовой у отца. Рассеянно и почти холодно поздоровавшись со
всеми, она под села с подавленным видом к столу.

Отец ее тоже глядел невесело. Угрюмый и озабоченный, он беспо-
койно ходил по комнате и время от времени удрученно вздыхал, точ-
но готовясь к какому-то тяжкому испытанию. Никто не догадывался,
какая забота гложет штатского генерала Ахатнели.

Незадолго до того в поместье Ахатнели «без его ведома и согласия» явилась казачья сотня. Казаки разгромили деревню, ранили двоих крестьян, одного убили, посадили в тюрьму двенадцать главарей, силой собрали причитающуюся Андро Ахатнели арендную плату, «установили полный порядок», и перебрались в соседнее селение. Андро не выражал по этому поводу ни радости, ни огорчения. «Те, кто нарушил закон, ответили за это, вот и все», — говорил он.

Но разбушевавшаяся революция ширилась, нарастала и конца ей не было видно. Все «свободы», вырванные у самодержавия семнадцатого октября, были использованы ею полностью, чтобы укрепиться, умножить свои силы и приготовиться к последнему, решительному штурму. Это было одной из причин тревоги Ахатнели, но сегодня он созвал младших представителей своей семьи по другому поводу.

За столом, пока подавали кушанья, он не говорил ни слова, сидел, свесив голову, ел мало, беспрестанно вздыхал и с нетерпением ждал конца завтрака. Когда все кончили есть, Андро погладил рукой свою холеную бороду и начал запинаясь:

— Дети мои... Вашему наследственному достоянию угрожает новая, внезапно возникшая опасность. Всем вам известно, что поместье наше заложено, и к первому января нам предстоит внести в банк значительную сумму. Но это не беда, с этим я как-нибудь справлюсь. Скажем, добьюсь отсрочки платежа... Беда в том, что я выдал за последнее время ряду частных лиц бессрочные векселя, и кредиторы мои, как мне стало известно, собираются их опротестовать. Векселя уже переданы нотариусу. Я хотел бы выслушать ваше мнение, получить от вас совет: как нам быть, что делать?

— Кому выданы векселя? — спросил Григол.

— Цверадзе, Авшарову, Рахманову, Петросяну и Цейтлину, — ответил Андро, нервно хрустнув суставами пальцев.

— Целая акционерная компания ростовщиков! — шепнул Акакию с усмешкой Нико.

— Сколько всего долгу?

— Тридцать тысяч, — тихим голосом сообщил Андро.

— А какое обеспечение? — чуть повысил голос Григол.

— Наш общий дом и общее наше имение, — еле слышно ответил Андро.

— Дядюшка! — вскричал Григол. — Да вы собственной рукой резали меня с моей семьей и брата Мито!

Кровь бросилась в лицо Григолу. Слегка постукивая маленьким круглым кулаком по дубовому столу, он горячо жаловался: Ахатнели был опекуном своих племянников и, когда они достигли совершеннолетия, при окончательном расчете он остался им должен тысяч пятнадцать. Когда имение и городской дом закладывались в банке, Григол и Димитрий выдали Андро Ахатнели доверенность на свою часть имущества. Андро взял в банке значительную ссуду, и его долг племянникам возрос еще на десять тысяч. А теперь Андро, оказывается, снова воспользовался этой доверенностью, занял у ростовщиков тридцать тысяч под обеспечение общего имущества Ахатнели и один израсходовал всю эту огромную сумму!

— Что вы с нами делаете? Зачем вы нас губите, дядюшка? Откуда вы возьмете сорок тысяч, чтобы рассчитаться с нами? — спрашивал Григол, яростно бегая по комнате. — Объясните, что вы намерены предпринять? Какую можете дать нам надежду?

Димитрий, бледный, расстроенный, молча ожидал ответа. Но Андро не мог дать племянникам никакой надежды. Нервно постукивая пальцем по столу, он пробормотал:

— Замужество Кето обошлось нам в пятнадцать тысяч.

Все взглянули на Кето. Ей стало стыдно — неизвестно почему. Она покраснела, опустила глаза и проговорила про себя:

— Не моя вина... Я ничего не просила...

— Нет, нет, ты, конечно, не виновата, — успокоил ее отец. — Но твой муж и нас подвел, и сам остался в проигрыше: уступил Цверадзе десятидесятитысячный вексель за шесть тысяч. А Цверадзе, после того, как ты его отвергла, стал нашим заклятым врагом: скупает все мои векселя и собирается пустить нас по миру.

— Все это очень хорошо, но почему мы-то должны погибать? — снова воскликнул Григол. — В пятнадцать тысяч вам обошлось замужество дочери, еще пятнадцать тысяч промотал Илико...

— Меня не припутывай! — закричал вдруг, изменившись в лице, Илико и вскочил. — Оставь меня в покое, слышишь, а то я не ручаюсь за себя! Я ничего не промотал и не растранил. На нас ни копейки не истрачено. Но теперь я хочу потребовать свою долю. Не хочу больше мотаться, как неприкаянный. Надоело. Пора и мне устроиться. Нашел я себе невесту — да не получил родительского благословения. На дыбы встали — не впустим эту женщину в дом, да и только! Ну, а коли так, я никого и спрашивать не стану, женюсь без вашего согласия... А впрочем, чего скрывать, дело уже кончено, вчера я обвенчался!..

— Боже мой! — простонала Мариам.

Это она от своего имени и от имени Андро запретила сыну жениться «на этой женщине».

— Мне нужно расплатиться с долгами, обставить квартиру! — продолжал в лихорадочном возбуждении Илико, успевший уже приложиться к бутылке в этот утренний час. — Если завтра до полудня не вручите мне наличными пять тысяч, убью кого-нибудь, подожгу этот дом и покончу с собой! Да, да, покончу с собой! — повторил он взволнованно.

Все со страхом и изумлением смотрели на Илико. Наконец Нико спросил:

— На ком ты женился? Открой уж нам и это?

— На знаменитой Адель Гопкинс. Это тебе не кто-нибудь!

— Воды! Скорее воды! Маме дурно! — воскликнула Кето.

* * *

Кето стояла у окна и смотрела на пустынную улицу. Вдруг что-то необычное привлекло ее внимание. Из овражка за покосившимся домом высунулась чья-то голова и внимательно осмотрела все вокруг. Кето сразу узнала Зураба. В изумлении она спряталась за занавеской и стала следить за Гургенидзе. «Что ему понадобилось в этом овражке? Что он ищет? Кого выслеживает?» — спрашивала она себя, не сводя глаз со своего друга.

Через несколько мгновений Зураб, низко нагнув голову, пересек спокойным шагом широкий пустынный двор и скрылся в заброшенном доме. Кето сразу вспомнила, что Леван несколько месяцев тому назад тоже возился и что-то устраивал в этом дворе. Вспомнила и напрягла все силы своего ума, чтобы догадаться, что же может скрываться в

этом домишке? «Должно быть, там устроили подпольную квартиру Зурабу». Нашупав, таким образом, разгадку тайны, Юдифь почувствовала себя униженной. Почему Зураб ни разу не позвал ее? Если Кето хоть немного нравится ему, почему он ее сторонится? Почему постоянно прибегает к посредничеству Нико? Неужели он так скоро забыл пережитое ими вместе в тот страшный день? Кето пронесет воспоминание об этих нескольких часах через всю свою жизнь, до гроба!

Марта, Марта, неблагодарная Марта! Это ты встала на дороге у своей подруги и благодетельницы Кето, это ты околдовала Зураба! Чем же ты его так обворожила? Какой цепью приковала к себе? Неужели дело только в родстве душ?

Нет, Кето в это не верит. Разве для любви достаточно общих убеждений и общего дела? Разумеется, нет!

В окнах покосившегося домишка на другой стороне улицы вдруг опустились белые занавески. «Должно быть, Зураб сейчас один, — подумала Кето. — Но может быть, и Марта там, с ним?»

Нико подошел к сестре и остановился рядом с ней у окна.

— Почему ты так опечалена? — спросил он. — Принимаешь близко к сердцу затруднения семейства Ахатнели?

Кето промолчала. Через некоторое время она потянула Нико за собой в соседнюю комнату и тихо спросила его:

— Ты ничего не слыхал о Зурабе?

— Ничего. А что я мог о нем слышать?

— Совсем ничего не слыхал? — настаивала Кето.

— Ничего, говорю тебе.

— Дурного о нем ничего не говорят?

— Да что о нем могут сказать дурного? Куда ты клонишь?

— Ничего особенного... Ходят слухи, будто он страшный интриган, — мгновенно забила отбой Кето.

— Ну, это старая история. На свете много завистников. Зураб — великолепный борец, иные полководцы лишились из-за него своих войск... Вот о нем и сплетничают. Больше ничего?

— Больше ничего, — ответила сестра и ушла в гостиную.

Непреодолимое желание увидеть Зураба внезапно охватило Кето. Она сейчас же, немедля, спустится туда, к нему, поговорит с ним с глазу на глаз и окончательно узнает, кем же ее считает Гургенидзе — своей возлюбленной или шпионкой? Да, да, так она его и спросит — прямо, без обиняков:

«Скажи, Зураб, любишь ты меня или нет?» — «Люблю», — ответит Зураб сквозь зубы. — «Да какая же это любовь? За два месяца не сделал ни одной попытки встретиться! Хоть бы раз прислал мне слово привет!» Посмотрим, что на это скажет Зураб. О нет, Кето не даст себя Марте в обиду! Не так-то просто она уступит подруге Зураба Гургенидзе. Будь, что будет, — Кето сейчас же все узнает, все выяснит до конца. Довольно с нее — она не хочет больше ждать!

* * *

Узнав от Кето о тайных замыслах ее мужа, Зураб немедленно принял решение. Собираться, как прежде, на квартире у Марты или у Раждена было теперь опасно. И группа Гургенидзе на время свернула работу — члены ее разбрелись, затерялись в городе и, удвоив бдительность, на каждом шагу старались установить, не следят ли за ними аген-

ты охраны. Осторожнее всех следовало держаться Раждену, — так посоветовал ему Зураб — и он затаился, исчез без следа.

Леван пропал из виду. Он организовал среди ремесленников несколько революционных кружков и целыми неделями не являлся домой — разве что заглянет иной раз на часок...

Марта осталась одна. Вскоре она заметила, что за ней установлена слежка — кто-то неотступно, как тень, ходил за ней. Но Марта и бровью не повела. Еще прилежнее, чем прежде, принялась она за свое рукоделие и, как ни в чем не бывало, занималась с ученицами. Некоторое время она никуда не выходила — только, если ей нужно было в школу, — и целыми днями сидела дома, наблюдая потихоньку за приставленными к ней агентами. Через месяц у Марты создалось впечатление, что соглядатаям надоело слоняться около ее дома и что ее оставили в покое.

Не было видно и Зураба. Всего дважды за последние два месяца присылал он за Мартой, чтобы повидаться с ней. Однако больше он не давал ей поручений — напротив, велел оставить и ту работу, которую она выполняла раньше. «Когда опасность минует, я сам тебе сообщу, — сказал он девушке, — а пока держись в тени».

И Марта держалась в тени — а сам Зураб еще глубже ушел в подполье и при этом еще упорнее, еще настойчивее вел подкопы и закладывал мины под вражеский лагерь.

Но хотя Зураб и исчез, точно провалившись сквозь землю, на самом деле он был совсем недалеко от Марты — даже не выходил из пределов ее квартала. Здесь находилось и тайное жилье, и типография, и склад оружия — оторваться от этих мест он не мог...

За эти два месяца Зураб ни разу не показывался на улице, где стоял дом Ахатнели. Участок, где притулился покосившийся домишко, служивший убежищем Зурабу, граничил сзади с оврагом, по которому сбегал ручей. Гургенидзе незаметно пробирался в дом по этой балке. Тревожило его только одно: то, что и домишко и прилегавший к нему двор были видны, как на ладони, из окон верхнего этажа Ахатнели. Зураб был осторожен и старался не проходить по открытому месту в дневное время. Но дело есть дело — обстоятельства не всегда подчинялись ему и не раз заставляли среди дня являться на тайную квартиру и выходить оттуда.

В тот день Ражден был свободен с утра. Еще на рассвете проскользнул он в пустой дом, быстро спустился через тайный ход в подвал и принялся набирать газету.

Зураб явился после полудня. Он отпер дверь собственным ключом, заперся изнутри, задернул белые занавески на окнах и тоже спустился в типографию — нужно было передать Раждену новую статью для газеты. Через полчаса Зураб вылез обратно наверх. Поправив в камине плиту, которая закрывала тайный ход, он поставил на нее зажженный примус с чайником, подсел к столу и принялся за правку корректур. Просмотрев несколько статей, он дошел, наконец, до своей собственной и внимательно перечитал ее.

Гургенидзе писал: еще не высохли чернила на октябрьском манифесте, а правительство уже принимается за боевые приготовления — сколачивает черносотенные отряды, производит «чистку» в войсках, подбирает надежных офицеров и устраивает камарилью. Новая Государственная Дума будет обладать ничтожно малой властью. Собранию депутатов предоставлено право совещаться и обмениваться речами, не выходя, однако, за рамки основных законов. Сверху на Думу взирает Государственный Совет, который может отменить любое негодное ему постановление. А над обоими — и над Думой и над Государственным

Советом — стоит вооруженное до зубов царское правительство. Ему ничего не стоит обратиться к своим покорным рабам — а если они посмеют оказать сопротивление, распустить их, разогнать, как провинившихся слуг, и набрать новых, более послушных. По мнению Гургенидзе прежде всего необходимо было созвать Учредительное собрание и упразднить, развеять по ветру старые основные законы — а эту задачу мог выполнить только победоносный восставший народ. В заключение автор обращался к народу с пламенным призывом — вооружаться, формировать отряды, сплотиться вокруг красного знамени и вступить в решительный бой, который вот-вот должен начаться.

Гургенидзе дочитал статью до конца. Внезапно раздался негромкий стук в дверь. Зураб вздрогнул, вскочил, схватившись за револьвер, на цыпочках подошел к окну и осторожно выглянул во двор. Там никого не было. Зураб почти успокоился. Будь это враги, они прежде всего оцепили бы дом. Значит это просто какой-то неожиданный посетитель...

В дверь снова постучали — уже смелей. Ясно, что это не полиция и не охранка, но и не кто-нибудь из товарищей Зураба: те знают, что надо отчетливо постучать три раза. А этот незванный гость стучит без толку, как попало...

— Кто там?

Из-за двери послышался дрожащий голос:

— Это я, Зураб!.. Я — Кето... Открой!

Гургенидзе отпер дверь, впустил молодую женщину, снова тщательно замкнул все запоры и, нахмутив брови, засыпал гостью вопросами:

— Ты одна? Как ты меня разыскала? Кто тебя прислал сюда?

Кето окаменела. Она ждала, что Зураб будет на седьмом небе от счастья... А между тем он не удостоил ее даже обычного приветствия и продолжал холодно и раздраженно:

— Говори же! Как ты меня нашла? Кто дал тебе адрес? Ну, что ты молчишь?

Кето всю передернуло. Некоторое время она молчала, изумленная, ошеломленная, потом сказала:

— Ты даже не поздоровался со мной!

— Какие пустяки! До того ли сейчас? Я тебя спрашиваю, как ты сюда попала?

— Ну, если ты не хочешь удостоить меня даже простого «здравствуй», я сейчас же уйду. Извини за беспокойство.

— погоди, Кето! Никуда ты не уйдешь. Дверь заперта. Сядь и послушай меня!

Зураб схватил ее за руку, усадил на тахту. Потом прошелся раза два по комнате, сел рядом с нею.

— Милая моя Кетино, не обижайся и не сердись на меня. Если бы ты знала наши обстоятельства, то не пришла бы сюда и тем более не стала бы обижаться.

И Зураб коротко рассказал ей: сейчас — самая горячка приготовлений. Через несколько дней разгорится сражение — это будет бой не на жизнь, а на смерть. Надо ли удивляться, что он ни разу не мог урвать минутку для свидания с ней? У него и сейчас совсем нет времени. Пора уходить. Товарищи ждут его.

— Так я пойду. До свиданья, — сказала Кето сухо и встала.

— Постой, Кетино! Сначала скажи, кто показал тебе дорогу сюда. Я очень этим обеспокоен — и пока не узнаю, не дам тебе уйти.

— Когда ты входил во двор, я глядела вон из того окна — видишь, там, наверху, — и случайно заметила тебя.

Зураб почти успокоился. Он вздохнул с облегчением.

— А как ты вошла во двор?
— Я уже целый час хожу вокруг этого дома. Наконец я догадалась — спустилась в овраг и пробралась сюда.
— Никто за тобой не следил?
— Не беспокойся! Я все время оглядывалась. Никто меня не приметил — даже птицы! Перестань тревожиться, слышишь? Я наверное знаю, что за мной не было слежки, — уверяла Кето и положила руку на руку Зураба.

Наступило молчание. В этой внезапной тишине откуда-то, как бы издали, донесся приглушенный стук. Зураб стоял задумавшись. А Кето насторожилась.

— Зураб, ты слышишь?
— Что такое? О чем ты? — смутился Зураб.
— Ну-ка, прислушайся — снизу доносится стук. Как будто там, под полом, работает какая-то машина...

— Откуда там, внизу, быть машине? Тебе просто померещилось. Должно быть, стучат где-нибудь по соседству.

— Да нет, ты прислушайся!
— Говорю тебе — ничего не слышу...

Он не закончил фразы. Из камина внезапно послышался глухой стук. Зураб вскочил, как ужаленный. Вслед за ним, побледнев, вскочила и Кето. Стук повторился громче, отчетливей.

— Это вон там... там!.. — прошептала молодая женщина и бросилась к камину. Потом с улыбкой взглянула на Зураба: — Понимаю. Теперь мне все ясно. Когда Леван работал в этом дворе, я видела его из окна и сразу решила — здесь что-то кроется.

— Иди сюда! Не твое это дело, — проговорил Гургенидзе сквозь зубы и резким движением оттащил Кето в сторону.

Зураб понял, что секрет его открыт — запереться дальше было бесполезно. Он сгреб со стола корректуру, снял примус, отодвинул плиту и сунув Раждену кипу листков, шепнул в ярости:

— Недотепа! Разиня! Не мог потерпеть, пока я сам спущусь?

Не дожидаясь ответа, Зураб задвинул плиту, поставил примус на место и, заложив руки за спину, стал ходить с озабоченным видом по комнате. Наконец он остановился перед улыбающейся Кето.

— Ну, ничего не поделаешь... Что уж скрывать: мы тут устроили маленькую типографию... Чего ты смеешься?

— Это ты меня смешишь, — ответила Кето. — Засуетился, заволновался — точно я тебя в воровстве уличила! Почему ты злишься? Неужели не доверяешь мне? Не таись, не будь таким скрытным... А я-то надеялась — Зураб поможет мне вступить в партию!

— В партию! Тоже, сказала! Не для тебя это дело! — прервал ее Зураб. — С Мартой ты себя не равняй! Марта работает уже пять лет. Она вынослива, опытна, преданна...

— Я предана не меньше, чем Марта, — воскликнула Кето, уязвленная до глубины души, — и делаю более опасное дело. Так чего же ты еще хочешь? Почему обижаешь меня?

— Успокойся, Кетино, — внезапно смягчился Зураб. — Садись и послушай меня. Ты совершенно права, и все-таки...

Да, Кето совершенно права, но нужно взглянуть на дело и с другой стороны. Кето — жена жандарма. Она расставила своему мужу ловушку — но часто бывает и так, что в капкан попадает не зверь, а сам зверолов.

И Гургенидзе дал молодой женщине множество обстоятельных советов, а в заключение спросил:

— Да, кстати... Ты не узнала ничего нового?

Кето смущенно молчала. Ведь она бросилась искать Зураба именно для того, чтобы сообщить ему новость, которая так взволновала и потрясла ее в это утро. Но, успокоившись и хорошенько подумав, она решила ничего пока не говорить Гургенидзе. «Сперва осторожно расспрошу мужа, «моего агента» и всех друзей, — думала Кето, — а потом поступлю сообразно обстоятельствам». Но прямой, неожиданный вопрос Зураба застал ее врасплох, и она пробормотала запинаясь:

— Нового?.. Да ничего... То есть ничего особенного...

Но Зураб заметил ее колебание и то, как она изменилась в лице.

— Ты что-то скрываешь! Говори, что ты узнала?

— Да ничего, говорю тебе!.. Так, мелочи, не имеющие значения, — повторила Кето, еще больше смутившись.

— Ты и со своим мужем так разговариваешь? — улыбнулся Зураб. — А хвалилась, будто сумеешь солгать так, что сам дьявол ничего не заподозрит! Зря хвалилась — даже малый ребенок заметил бы сейчас: ты что-то скрываешь!

Внезапно осмелев, Кето начала сбивчивой скороговоркой:

— Мужу я говорю неправду так, что даже бровью не поведу... Но ты — другое дело... Нет, тебя я не могу обманывать... Не буду ничего скрывать! Дело в том, что и Авшаров обманывает меня. Ты сказал — он плетет сети, чтобы меня поймать. И ты был прав. На одну такую ловушку я наткнулась сегодня утром, но напрасно он надеялся, что я запутаюсь... Любой другой на моем месте непременно угодил бы в нее, но я издалека заприметила западню и... Сначала я была ошеломлена, но потом мне стало смешно... Да, да, право, смешно!

— Да объясни толком, что случилось?

— Случилось то, что... Не стоило бы даже говорить об этом, но раз уж я начала, расскажу тебе все, как было... Сегодня утром Артемий забыл на своем столе несколько папок с бумагами.

— Сделал вид, что забыл! — вставил Зураб.

— Как ты сразу догадался! — обрадовалась Кето. — Среди этих папок было и твое старое дело. Я просмотрела его и нашла тот листок, на котором было написано, чтобы следили за квартирой Марты, чтобы тебя пока не арестовывали, и... что «Рысь» — агент «охранки». Кстати, скажи, ты хорошенько проверил эти сведения? Ты твердо убежден, что «Рысь» в самом деле был шпионом?

— Я там не присутствовал и вообще в такие дела не вмешиваюсь... Но тебе все же следует знать, что наши ребята человека зря не осудят. Я вернулся в Тбилиси сегодня утром, и мне сообщили, как было дело. За «Рысью» следили и застigli его в ту самую минуту, когда он вел приятную беседу со шпиком в одной из тайных квартир охранки. «Рысь» получил свое, а шпик успел выскочить в окно и скрыться.

— Значит, заметка Авшарова относительно «Рыси» была правдой? — спросила Кето, бледнея.

— По-видимому, да. А теперь говори, что же ты еще обнаружила?

— Что еще?.. А вот что: мой муж приписал на том же листке: «Не трогайте Гургенидзе, он оказывает нам большие услуги». Ну, вот я и сказала, — и Кето вздохнула так, словно с плеч у нее свалился огромный камень.

Немного помолчав, она подняла взгляд на Зураба.

А Зураб даже не шелохнулся — словно то, что он услышал, ни-

сколько не смутило и даже не удивило его. С улыбкой поглядел он на молодую женщину и спросил спокойно:

— Ну, а дальше?

— Больше ничего. Я положила папку на место и отправилась тебя искать.

Зураб продолжал улыбаться и не говорил ни слова. А Кето удивлялась: почему он не спрашивает, поверила ли она, могла ли допустить, что он — предатель. Удивлялась и все ждала, ждала, когда же Зураб спросит об этом? И вместе с тем восхищалась его молчанием, восхищалась спокойствием и выдержкой.

— Зураб, милый, родной мой! Не надо печалиться! Разве я могла поверить, что ты изменник... Клянусь, я ни на минуту не усомнилась...

— Правда? В самом деле? — сказал Зураб.

— Умереть мне на этом месте, если я лгу!

— Довольно, верю! — прервал Зураб молодую женщину и ласково обнял ее. — Верю, говорю, верю! Слышишь?.. Спасибо тебе, Кетино, благодарю! Вот теперь я убедился, что ты в самом деле верный мой друг.

* * *

— Принесли. Ну вот и дело с концом, — сказал Леван и положил перед Зурабом четыре револьвера системы «бульдог». Вошедшие вслед за ним Ражден, Тедо и еще несколько рабочих завалили стол ружьями и патронами.

Зураб удивленно, с огорчением взглянул на них.

— Это все, что было? — проговорил он задумчиво, как бы про себя.

— Больше там ничего нет. Мы все забрали.

Один из рабочих сказал, невесело улыбнувшись:

— Значит, с этим оружием мы собираемся выйти на поле боя? Этим рассчитываем победить Николая? И больше у нас ничего нет за душой?

— Как нет? У нас есть самое могучее оружие — твердая вера в победу и львиные сердца. Разве этого недостаточно? — ответил ему Зураб.

На столе и на стульях были сложены в беспорядке берданки, охотничьи ружья, самодельные бомбы и револьверы допотопных систем. Большая часть этого оружия могла пригодиться разве что для музея. Но товарищи Зураба не поленились перетащить весь этот груз с горы Давида на другой конец города, в Надзаладеви.

Переброской оружия занимались всю ночь напролет. Часть тащили на себе, часть навьючили на осла с переметной сумой. Леван оделся крестьянином-угольщиком и вымазал себе лицо сажей. Оружие, доставленное ночью, роздали утром. Люди рвутся в бой, готовы идти на врага с дубинами, вертелами, кирками — а обветшалый арсенал Левана захватывают с радостью...

— Значит, больше там ничего не осталось? — повторил Зураб свой вопрос.

— Вот, что тут есть — то и есть. Пушки я тебе достать не могу! — воскликнул Леван.

— Послушайте меня — тогда и пушки достанем! — сказал Тедо, наклонившись через стол к Зурабу. — Говорю тебе, Зураб, надо напасть на арсенал!

— Не бубни ты одно и то же, Тедо! — отозвался Зураб. — Сказали тебе — все уже обдумано и решено. Взятие арсенала под силу только регулярным войскам. На днях прибудет из Ганджи саперный батальон, на который мы можем рассчитывать. Вот тогда мы возьмем и арсенал, и дворец, и главный штаб. А пока мы должны удержать то, что уже завое-

вано. Железная дорога — жизненный нерв самодержавия, это — горло врага. Оно уже сжато нашей стальной хваткой, и его ни в коем случае нельзя выпускать, иначе мы потерпим поражение. Враг задыхается. Он понимает, что мы держим его за горло — потому и растянул свои войска вдоль железнодорожной линии в надежде отбить, вырвать ее из наших рук. Всеобщая забастовка парализовала царскую бюрократию, но она еще поднимет голову, еще попытается спастись от гибели. А пока что она заползла в нору, затаилась и лихорадочно готовится к бою. Скоро она бросится на нас. Но мы готовы отразить любой натиск. Мы должны грудью встретить врага. Так вот, раздайте и это оружие, товарищи, и ступайте, отдохните, восстановите свои силы. Вечером возвращайтесь сюда.

* * *

Город был погружен во мрак. Он словно пытался укрыться от опасности, натянув на себя безбрежное снежно-белое одеяло. Затаившись под ним, ожидал он рокового приговора, который выносили в эти часы на баррикадах охваченной восстанием Москвы.

Ветер лениво слонялся по улицам, застилая город волнами тумана и засыпая его снежной крупой.

В ту ночь Тедо вел маленький отряд — их было девять братьев, связанных нерушимой клятвой. Все они знали, что далеко-далеко, за девятью горами и девятью морями, куется в пламени битвы судьба свободы, — знали и с готовностью несли на общий жертвенник девять пылких сердец, девять чаш горячей крови.

Знали названные братья, что в эту ночь или на следующее утро черное чудище готовилось нанести удар по железной дороге. Но никому не было известно, где, с какой стороны надо ждать нападения. Удар мог поразить вокзал, депо, пешеходный мост над путями или короткий железнодорожный мост, под которым проходила дорога в Надзаладеви. Именно этот мост и было поручено охранять группе Тедо. Отправляя названных братьев на пост, Зураб сказал им: «Это самый опасный участок. Будьте осторожны, товарищи, не смыкайте глаз всю ночь, не то погибнете сами и делу нашему нанесете непоправимый вред!»

Отряд поднялся на мост, протянувшийся, как огромное белое полотнище. Давно уже здесь не проходили поезда. Сторож много дней не подметал путей, и поэтому снежный покров был не тронут. Только по обоим концам моста виднелись разметенные и лишь слегка запорошенные снегом площадки. Судя по этим площадкам, здесь совсем недавно несла охрану другая группа, которая, по-видимому, ушла, не дождавшись смены.

Тедо поставил в каждом углу моста по двое бойцов, а сам принялся расхаживать по полотну, осматривая окрестность. Он не отбывал воинской повинности и не знал караульной службы. Но он обладал здравым смыслом, и расчет у него был правильный. «Враг не может подкрасться по линии ни с той, ни с другой стороны, — думал Тедо, — мы его увидим издалека. Не может он подобраться и со стороны Надзаладеви. В этой части города все — наши сторонники и доброжелатели. Надзаладеви — как бы наглухо запертая крепость; чтобы пробраться в нее, враг должен перешагнуть через наши трупы. Значит, нападения можно ждать лишь со стороны города; враг должен подойти по короткой, неширокой улице, которая ответвляется от Авчальской, ныряет под мост и выходит посреди Надзаладеви». Обычно эта улица бывала слабо освещена, а сейчас утопала в сумраке, и с трудом можно было различить, что на ней делается. В каждом из четырех углов моста горело по керосиновому

фонарю. Они озаряли окрестность шагов на двадцать — в тусклом свете прохожие вырисовывались смутными тенями.

— Кто идет? — окликал их время от времени Тедо, сам похожий на тень, и брал ружье на изготовку.

— Свои!.. Это мы... Революционные рабочие... — доносился снизу негромкий отзыв.

— Проходите! — бросал Тедо, и тени исчезали под мостом, чтобы еще на мгновение вынырнуть с другой его стороны и снова затеряться во мраке.

— Слушай, Тедо, надо бы выставить передовые посты — по одному часовому шагах в двухстах с той и с другой стороны, — сказал один из бойцов, слесарь Датико, командиру отряда, когда тот проходил мимо.

— Незачем! — буркнул Тедо, поворачивая назад.

Датико побывал в солдатах и знал порядок несения караула. Но он подумал, что командир отряда, должно быть, лучше знает, как поступить, потому что учитывает все обстоятельства. А если так, то зачем ему, рядовому бойцу, вмешиваться в распоряжения старшего? И Датико не сказал больше ни слова.

Ветер крепчал, поднималась метель. Мороз стал ощутимее. Некоторые из названных братьев были в бурках, другие пришли в легких пальто; никто не захватил рукавиц или перчаток. Руки у бойцов быстро заоченели. Прислонив ружья к парапету, они старались согреться, топая ногами и размахивая руками. Было уже полночь. Тедо созвал названных братьев и сказал:

— Товарищи, нет никакой надобности всем нам мучиться, не смыкать глаз. Завтра нам предстоит весь день быть на ногах. Если проведем ночь без сна, ни на что не будем годиться. Давайте лучше дежурить по очереди. Двое будут стоять на часах, а остальные тем временем пусть прикорнут, подремлют немного.

— Да, так будет лучше... Правильно!.. — отозвались бойцы.

Поблизости валялась метла, должно быть оставленная предыдущей группой. Бойцы размели снег на небольшом пространстве и расположились на отдых. Одни сели, прислонившись к парапету, другие прилегали. Все закутались в пальто и бурки, натянули их на голову. Кто задремал, кто заснул крепким сном.

Первыми стали на часы Тедо с Ражденем. Они стояли поодаль друг от друга и всматривались в темноту, тщетно пытаясь различить что-нибудь. Улица внизу вся словно вымерла; не было видно и тех смутных теней, что недавно мелькали под мостом.

Много ли, мало ли прошло времени — из Надзаладеви донесся пугающий крик.

— Пора и нам с тобой подремать часок, — сказал Тедо и разбудил двух других своих товарищей.

Те встали и, медленно расправляя плечи, направились к своим постам. А Ражден и Тедо уселись на их места, прислонились к перилам и тотчас же погрузились в дремоту.

Город в глубоком сне. Он окутан туманом, в котором тонут обступившие его горы. Ни звука, ни шороха. Метель улеглась. Временами оживает под мостом ветер — то свистит, то шепчет, то шамкает по-старушечьи. Часовые стоят недвижно на своих постах и всматриваются в тьму. Время плетется, точно калека на костылях, — оно никуда не спешит. А к часовым подкрадывается сон, глаза у них слипаются...

Усталость берет свое, сон наваливается свинцовым грузом, подкашивает колени... Часовые борются с дремотой, но невидимый противник.

пригибает их к земле. Они опускаются на корточки, давая себе зарок, что не заснут — только посидят немного... Вот они уже сидят... Но еще удобнее, еще спокойней — лежать... Немного полежать — только полежать, не смыкая глаз... Но когда лежишь, так легко задремать... А дремота так легко переходит в глубокий сон...

На мосту никто уже не замечает, тащится ли время на костылях или мчится, как сказочный Мерани.

Город, закутавшись в туман, спит крепким сном. Вокруг — мертвое молчание. Стих, умолк и ветерок. А под мостом по-прежнему слышится слабый шепот — словно там совещаются тайные заговорщики...

По белому склону насыпи ползет из-под моста вверх черная змея. Вот змеинная голова высунулась снизу у одного из углов моста; змеинный взгляд окинул железнодорожное полотно — и змея скользнула вниз, затерялась во мраке.

Под мостом что-то происходит, а здесь, наверху, все спят. Нет ни одного бодрствующего — никто не вскочит на ноги, не выпрямится во весь рост, не разбудит братьев грохотом выстрела и громовым призывом: — Откройте глаза, товарищи! Смерть подкрадывается!

Сладок сон усталых людей — сладок и глубок! Крепко спят они и сладко грезят.

С обеих сторон моста ползут по насыпи вверх черные змеи...

Хоть бы кому-нибудь из названных братьев приснился страшный, тяжелый сон! Хоть бы навалился на него кошмар, пробудил его!

А смерть все подползает, подкрадывается.

Крепок сон в ненастье, и грезы приятны...

Эй, братья, названные братья! Встрепенитесь, вскочите на ноги! Схватитесь за ружья, взведите курки, цельтесь во врагов, не то...

Не то худо придется вам! Враги уже взобрались на насыпь. Кинжалы у них вытянуты из ножен, и курки их ружей взведены... Вот они распрямились... Прицелились вам прямо в сердце...

И вдруг грянули вместе двадцать выстрелов... двадцать кинжалов тускло блеснули в сумраке... Двадцать теней бросились на спящих...

Сладок сон и приятны грезы в ненастье. А смерть во сне — самая легкая, самая блаженная из всех смертей...

* * *

— Итак, вы убедились теперь, товарищи, что мы были правы! — говорил с апломбом Акакий на заседании комитета. — Слава богу, что восстание в нашем городе было подавлено в самом начале, без крови.

— Без крови? Ты говоришь—слава богу? — крикнул с места Зураб.

— Почти без крови. На мосту убили восемь наших товарищей. На базаре сожгли один дом и застрелили в разных местах примерно сотню прохожих. Среди них наших людей — не больше двадцати. Я и мои друзья с самого начала заявляли, что восстание погубит все наше дело.

— Ничего вы не заявляли — только шептались по темным углам! — воскликнул Ражден, который чудом спасся в ту ночь на мосту.

Акакий пренебрежительно улыбнулся и, не устаивая Раждена ответом, продолжал:

— Мы говорили: войска не поддержат нас, а без этого восстание неизбежно будет разгромлено. Поражение восстания вызовет разгул реакции, и октябрьский манифест останется клочком бумаги. Большин-

ство партии разделяло эту точку зрения, но меньшинство все же добилося своего...

— Как же оно сумело добиться? Скажи нам! — спросил с насмешливой улыбкой Ражден.

— Упрямством и дерзостью! — грубо ответил Акакий.

— Упрямством и дерзостью? Нет! Самоотверженностью и отвагой! — воскликнул Барс.

Акакий смутился, но лишь на мгновение, и продолжал с прежней развязностью. Он пытался доказать, что теперь необходимо встать на путь политических маневров, объединиться со всеми демократическими партиями и общими усилиями спасти завоевания октябрьского манифеста.

— Не манифест мы должны спасать, а революцию! Вот в чем сейчас задача, — снова возразил ему Зураб.

Акакий побагровел. На этот раз он не смог сдержаться и крикнул в ярости:

— Тебе-то уж во всяком случае следует молчать, Зураб!

— Почему же так? — спросил с простодушным видом тот.

— Потому, что все это случилось по твоей вине. Ты одурачил этих несчастных людей, ты формировал отряды, ты бунтовал народ и привел его к поражению. По справедливости, тебя надо бы привлечь к ответу, посадить на скамью подсудимых!

— А в прокуроры, верно, метишь ты сам, не так ли? Нет, брат, руки коротки! — с той же спокойной, насмешливой улыбкой бросил Зураб.

Единомышленники Гургенидзе вскочили с мест, и завязалась перепалка.

— Труссы! Изменники! Иуды! Предатели революции! — горячились сторонники Барса. Больше всех кипятился Ражден, присутствовавший на заседании комитета вместо Тедо, чье мертвое тело он вчера перенес к себе домой.

Председатель, не сумев утихомирить спорщиков, бросил на Зураба беспомощный взгляд, как бы прося его навести порядок. Барс поднял руку и, дождавшись тишины, обратился к своим друзьям:

— Товарищи, не мешайте Акакию! Чем дольше он будет говорить, тем больше нагородит глупостей.

Несколько членов комитета встало на сторону Акакия. Речи их были теперь гораздо смелей. Они называли восстание бессмысленной затеей, указывали на большевиков как на единственных его зачинщиков и на них же возлагали ответственность за поражение. Они осыпали группу Зураба язвительными упреками, а сами били отбой, умывали руки, подобно Пилату. Резкие слова и взаимные обвинения сыпались с обеих сторон.

Наконец Гургенидзе медленно поднялся с места. Сразу воцарилась полная тишина.

— Товарищи, я вынужден завладеть на одну минуту полномочиями председателя.

Все изумленно глядели на Барса. Помолчав несколько мгновений, он продолжал:

— За минувшую неделю немало наших товарищей пало в бою. Среди убитых — один из лучших членов нашего комитета. Наш незабвенный, любимый Тедо погиб от пули врага. Товарищи, я прошу вас встать и почтить память Тедо и всех остальных самоотверженных бойцов революции минутой молчания.

Все поднялись, с минуту стояли, опустив головы, и снова сели. Зураб продолжал:

— Господин Акакий Ахатнели — да, я сказал: господин Акакий — на этот раз изменил своему правилу. Он многому и многим уже изменил, но сейчас я хочу поговорить об этой последней его измене. До сих пор Акакий беззаботно раскачивался, как на качелях, между правыми и левыми. А сегодня он решительно подался вправо, да так далеко скакнул, что перемахнул за черту, отделяющую демократию от реакции. Господин Ахатнели проболтался и высказал то, что иные, может, и думают, да держат про себя. Тайная мысль сорвалась у него с языка, и Акакий предстал перед нами в своем натуральном виде. Этот господин, видите ли, радуется и благодарит бога за то, что восстание было подавлено в самом начале, как он сказал — без крови.

— Я радуюсь тому, что мало крови пролилось, — пролепетал Акакий.

— Ну, а если бы крови пролилось много, и мы победили? Тогда бы вы, верно, руки на себя наложили от горя! — с уничтожающим сарказмом бросил ему Зураб и продолжал: — Товарищи, пусть вас не обманывают все эти уловки и хитросплетения! Взглянем правде в глаза и отметим очевидный факт: наше поражение обрадовало Акакия Ахатнели так же, как наших заклятых врагов...

— А следовательно, Акакий и сам из их лагеря! — закончил Ражден.

— Да, он повернулся лицом к ним, идет в ту сторону, — подтвердил Зураб и продолжал: — Акакий выразил взгляд довольно многочисленной группы. Он и его друзья думают: большевики разбиты наголову и пора свести с ними счеты. Вот почему так осмелел Акакий, вот почему у него вырвались эти бесстыдные слова! Но напрасно тешит себя надеждами господин Ахатнели — мы еще не побеждены! — решительно закончил Зураб и ударил кулаком по столу, точно вбил в него гвоздь.

— Правильно! Верно! Мы не разбиты! Нас нельзя победить! — закричали со всех сторон.

— Что тут скрывать, — продолжал Зураб, — наши московские товарищи потерпели поражение, и это многих сломило и расслабило. Враг полностью завладел нашим городом и теперь продвигается вдоль линии железной дороги. Но как? Генерал Алиханов прокладывает себе путь огнем и мечом, и всюду его встречают огонь и меч. Вся Грузия по-прежнему в наших руках. Враг не овладел еще даже железной дорогой, а вы советуете нам сложить оружие, убежать в кусты и спасти вашу куцую конституцию! Позор тому, кто дает такие советы!

— Позор! Позор! — слышалось с мест.

— Так может говорить только трус и изменник! И ему нет места среди нас!

— Правильно! Верно!

— Почтеннейший Акакий до сих пор молчал, словно набрав в рот воды, и как будто даже поддерживал восстание — правда, поддерживал только тем, что кивал, как китайский болванчик. А теперь он вооружился топором и кистенем и выступил в поход — против кого? Да против меня! Слыхали — грозит посадить на скамью подсудимых! Вот что, господин Ахатнели! Советую вам впредь не болтать глупостей, сидеть дома и помалкивать, не то мы сами вас на такую скамью посадим, что даже Николай Второй вместе со всем своим бесчисленным войском не сможет вас выручить!

А сам Акакий, бледный и испуганный, пролепетал:

— Я вижу, здесь не гарантирована даже неприкосновенность моей личности! Меня оскорбляют! Я не могу больше здесь оставаться!

И с трагическим видом направился к двери. Вслед ему полетели язвительные возгласы:

— До свиданья!

— Скатертью дорожка!

— Удерживать не будем!

* * *

Зимняя ночь. Зураб сидит у колченогого расшатанного стола и пишет статью для газеты. На плечах у него легкое старое пальто, вытертая фетровая шляпа надвинута до ушей. На дворе мороз. Студеный ветер завывает в каминной трубе, свистит, задувает в комнату.

Перо то и дело выпадает из окоченевших рук Гургенидзе. Он потирает руки, дышит на них, топает ногами, чтобы согреться, и снова пишет. Стрелами гнева и сарказма осыпает он трусов и двоедушных — всех тех, кто вознамерился сложить оружие, кто заигрывает и шепчется с врагами революции.

Но последним строкам статьи не хватает сдержанной силы и логического пафоса. Автор чувствует это, делает над собой усилие, перечеркивает написанное и пишет заново целые абзацы — словом, пытается придать крепость стали своей статье. Но это плохо удается ему: мысли рассыпаются, следствие убегает от причины, мелочи выпирают на первый план, а важное мельчится. И в результате прямая и крепкая ось его мысли оказывается на этот раз искривленной и слабой.

Все это — по вине Кето. Сегодня она опять неожиданно-негаданно ворвалась к Зурабу и рассердила его. Он резко пробрал молодую женщину, чуть было даже не выгнал ее, но горячие слезы Кето смягчили его сердце.

Кето принесла Зурабу свежие новости и осыпала его горячими упреками. Гургенидзе оправдывался, как школьник: не мог встретиться — дела, недосуг. Но для влюбленной женщины такие слова, как «дела» и «недосуг», — китайская грамота.

Наконец Кето успокоилась и обещала Зурабу больше не приходить сюда без его разрешения. И добавила, зябко псежившись:

— Боже мой, здесь даже ворона замерзнет! Почему ты не зажигаешь огня?

— Потому, что у меня слишком много дров; боюсь тронуть свои запасы! — ответил с улыбкой Зураб.

— И ты, наверно, голоден! — сказала Кето и сунула руку в сумочку: — Вот тут у меня немного денег...

— Не надо! Не смей! — резко прервал ее Зураб.

Кето так и застыла с рукой в сумке. Изумленно глядя на Зураба, она бормотала:

— Почему не надо? Что тебя обидело? Разве мы с тобой не друзья? Почему же ты сердишься? Что значит «не смей»? Значит, мой друг может отказывать себе во всем ради революции, может мерзнуть и голодать, а мне запрещается даже оказать ему помощь?

— Ладно, Кетино, ладно! — успокаивает ее Зураб. — Это я сказал, не подумав. Нечаянно вырвалось. Не сердись!

Кето положила на стол две бумажки по двадцать пять рублей и ушла. Зураб снова принялся за писание. Потом пришел Ражден и опять прервал его. За разговором протекло немало времени. Наконец Ражден исчез в камине. Гургенидзе задвинул плиту над потайным ходом и вернулся к прерванной работе:

Какое-то беспокойство овладело Зурабом. Он перечитал статью от начала до конца, вычеркнул все, что написал после ухода Кето, потом оперся локтями о стол, сжал ладонями лоб и задумался.

Утомленный, не спавший несколько суток Барс задремал... Потом сон его стал крепче, и он незаметно очутился в мире грез.

Чистое, пустынное поле. Посреди поля, поодаль друг от друга — Кето и Марта. Зураб — посередине между ними. Кето одета, как сказочная царевна; она улыбается Зурабу и манит его рукой. А Марта такая же, как всегда: одета просто, стоит, чуть отвернув лицо, и грустно поглядывает на Зураба, точно спрашивая: пойдешь со мной или я должна идти одна? А Зураб мечется между двумя женщинами: то рванется к Кето, то потянется к Марте. Ему хочется схватить, обнять обеих, завладеть обеими, но обе убегают от него и требуют без слов: выбери одну из нас! Зураб мучается, бросается то к одной, то к другой, умоляет их: не уходите, не оставляйте меня одного в этой пустыне! Но молодые женщины разгневались на него, взмахнули внезапно выросшими за спиной крыльями и улетели.

Они взлетают все выше, кажутся все меньше: сначала, как два ястреба, потом, как две ласточки, и вот, наконец, исчезли в безбрежной синеве. Зураб стоял, огорченный, и всхлипывал, как ребенок. Вдруг небо потемнело, стало цвета сажи, низко нависло и с ужасающим грохотом обрушилось на голову Зурабу.

Зураб открыл глаза, вскочил... И сообразил, что случилось только тогда, когда в грудь ему уперлось несколько револьверов.

— Ни с места, или вам конец! — вороном прокаркал над ним Авшаров, приставив дуло револьвера к его виску.

Зураб стоит, безоружный, у стола и спокойно, с улыбкой разглядывает жандармов и полицейских, которые рыщут по комнате, переворачивая все вверх дном. Выломанные ими раньше дверь и две оконницы валяются тут же, на полу.

Авшаров хищно набросился на рукопись статьи, пробежал глазами первую страницу и злорадно усмехнулся.

— Этого достаточно, чтобы вас погубить... Теперь уж вы от меня не уйдете!

Он собрал листки рукописи, сложил их и вцепился в валявшиеся там же двадцатипятирублевки.

— А, так вот где они! Я и за ними охотился. Вот, смотрите! — и он показал Зурабу пометки в углах кредиток: «А. А.» — Артемий Авшаров. — Ненавидите жандармов лютой ненавистью, а между тем, липнете к их женам и живете на их деньги. Что, не так?

— Довольно! Делайте свое дело, а деньги эти спрячьте — сами ведь осрамитесь! — сухо отрезал Зураб и присел на разломанную тахту.

Авшаров в ярости забежал по комнате, потом снова остановился перед Зурабом:

— Не тяните зря эту канитель. Знаете ведь — мы до всего докопаемся. Так уж лучше скажите сами: где типография?

— На Авлабаре, — ответил Гургенидзе.

— Так пойдём туда, покажите!

— Пока я хорошенько не выплюсь, никуда не пойду! — ответил Зураб.

На мгновение в нем вспыхнула надежда: до утра посплю, потом повожу жандармов по Авлабару, протяну время до полудня — а тем временем наши успеют все припрятать...

— Да вы за дурака, что ли, меня считаете? — сказал Авшаров и приказал своим людям: — Взламывайте пол! Типография должна быть где-то здесь.

«Кончено!» — подумал Зураб и, схватив сухую краюху хлеба, валявшуюся на столе, принялся с аппетитом жевать ее.

* * *

Кето проснулась поздно. Накинув капот, она пошла умываться, потом принялась за завтрак. Мужа ее все еще не видно. Вот уже месяц, как он работает в Кутаиси и в Батуме—сажает в тюрьмы сотни и сотни людей, свирепствует... Кето уже привыкла к одиночеству и живет, как ей заблагорассудится. Вчера она получила телеграмму: муж извещал, что будет в отсутствии еще месяц. Кето воспользовалась свободным вечером: навестила Зураба.

Эка убрала со стола. Кето глянула на попугая, улыбнулась:

— Как поживаешь, попка?

— Кето дура! — крикнула птица.

Перед домом остановился экипаж. Кето выглянула в окно и увидела своего мужа, который как раз в эту минуту поспешно соскочил с подножки фаэтона. Сопровождающий его телохранитель остался сидеть на козлах.

Авшаров вошел хмурый, мрачный, как туча, бросил портфель на стул и отрывисто сказал Эке, подметавшей комнату:

— Ступай на кухню и не возвращайся, пока тебя не позовут.

Он не только не поцеловал Кето, но даже не заговорил с нею; заложив руки за спину, нервно шагал он по комнате. Обычно, если у него бывали неприятности по службе, он возвращался домой грустный и рассказывал обо всех своих огорчениях Кето, ожидая от нее утешения и совета. Сегодня же он был угрюм, метался по комнате и явно собирался ссориться. Кето сразу догадалась, что надвигается буря, и внутренне подготовилась к ней. Сев у окна, она собрала все свое мужество и после недолгого молчания смело ринулась в бой:

— В чем дело? С тобой что-нибудь случилось?

Авшаров остановился, дрожащими руками достал и зажег папиросу, судорожно затянулся, выпустил дым и молча уперся в лицо жене пристальным, тяжелым взглядом. Долгое молчание и сверлящие, стальные глаза мужа отняли у Кето всю ее храбрость, расслабили ее волю. Она пожалала плечами, отвернулась и стала глядеть в окно.

Авшаров сел против жены, схватил ее за руку выше кисти и, поставив молодую женщину повернуться, сказал ледяным тоном:

— Говори — виделась ты с Гургенидзе после того, как спрятала его у себя в комнате?

— Нет! — ответила Кето твердо.

— Ни разу?

— Ни разу!

Авшаров достал из портфеля томик Ильи Чавчавадзе, раскрыл его и показал жене надпись, сделанную Барсом.

— А вот и дата — день, когда хоронили убитого рабочего. И в тот самый вечер мы с Илико затащили тебя в шантан. Помнишь — я однажды уже говорил, что ты присутствовала на этих похоронах... Тогда ты отрицала это наотрез. Ну, а теперь, что скажешь?

— Ничего особенного, — улыбнулась Кето. — Тогда ты был для меня всего лишь жандармом, а я...

— Понимаю. Все ясно! — прервал жену Авшаров и закончил за нее сам. — А ты была преданной слугой, рабыней революции и считала своим долгом солгать жандарму... Но потом, когда ты стала моей женой, и двадцать первого октября... на другой день после нашей свадьбы... Помнишь, когда меня вызвали ночью на службу, а ты вышла погулять... — Авшаров говорил сдавленным голосом; он рванул на себе воротничок и закончил хрипло: — Там, в подвале ресторана «Хлеб-соль»...

— Неправда! — крикнула Кето, бледнея.

— По голосу чувствую, что лжешь! Но лучше замолчи — больше меня не обманешь! Поздно я узнал о твоей отвратительной измене, а не то... Ты сказала тогда, что пряталась в номере у Кипиани. Опять ложь! Кипиани не живет и не жил в этой гостинице.

— Неправда! Неправда! — простонала Кето и закрыла лицо руками.

— Сейчас выяснится, я говорю неправду или ты, — жестко продолжал Авшаров: — Ты вдвойне опозорила меня — и как мужа, и как царского слугу! Ты стала шпионкой Гургенидзе... Постой, дай мне сказать, а потом уж отвечай! Ты, слабая, неопытная женщина, вообразила, что можешь обмануть меня! Меня, кому ты и в ученицы не годишься! Заметив, что ты ведешь двойную игру, я расставил ловушку, и ты немедленно попала в нее. Благодаря твоему легковерию Гургенидзе и его друзья сами расправились с «Рысью», который никогда не был провокатором и не думал изменять революции! Но вчера, в два часа ночи,

эти господа отплатили мне — убили беднягу Ивана Ивановича. Ты знала его — это высокий блондин, которому ты подарила кольцо и деньги. Вот они!

Авшаров швырнул кольцо чуть ли не в лицо жене, зажег новую папиросу и долго молча курил.

— Знаешь, кто убил бедного Ивана Ивановича? — начал он снова. — Впрочем, откуда тебе знать! Я и сам только что узнал. Это сделали твой брат Нико и его приятель Леван Довлаташвили. Да, Иван Иванович убит ими. Но они от меня не уйдут! Обоих скоро вздернем на виселицу. Из хорошей же ты семейки, однако! Моя жена оказалась сестрой убийцы!

Кето была охвачена ужасом. Дрожь прошла по всему ее телу. Она глядела на мужа широко раскрытыми глазами, чувствуя, что последние силы покидают ее и что слезы вот-вот хлынут из глаз.

— Ты провалила мне несколько важных операций, я чуть не потерял службу по твоей милости, — продолжал Авшаров. — Но я все терпел, потому что искал типографию. Как изменницу и шпионку тебя ожидает виселица, но как наводчица, ты заслужила награду. Пора положить этому конец! Срам, позор! Молодая, красивая женщина платит любовнику по пятьдесят рублей за каждое посещение! Черт знает что! Вот твои деньги! — Авшаров швырнул Кето в лицо вчерашние кредитки и снова вскочил. — Но теперь все кончено. Твой Зураб сидит сейчас в подzemелье и дожидается тебя. Типография тоже в наших руках. Вставай, одевайся!

Итак, Зураб арестован, типография обнаружена, Нико убил человека! Авшаров сказал, что Кето заслуживает награды: она навела жандармов на след. Значит, Кето — предательница. Невольная, но все же — предательница. Кровь застыла у нее в жилах. Она встала, ошеломленная, кольцо и деньги свалились с ее колен на ковер. Кето и не заметила этого. Она шевелила губами, силилась закричать, но не могла издать ни звука. Закрыв руками глаза, она снова упала на стул. А муж ее, разъяренный, полный мстительной злобы, мерил шагами комнату, повторяя:

— Одевайся!.. Одевайся скорей! Поедешь со мной!

Кето не могла понять, зачем ей нужно одеваться, куда она должна ехать.

— Одевайся, слышишь? Иначе увезу тебя так, как есть, в капоте! — пригрозил Авшаров.

— Куда ты хочешь меня везти, Артемий? — еле сумела выговорить Кето.

— Нетрудно сообразить! Ты арестована как изменница царя и отечества.

Кето чувствовала себя, словно спросонок. Она как будто понимала и в то же время не понимала того, что говорил ей муж. Уши ее слышали, но разум отказывался постичь. В изумлении взирала она на Авшарова, ожидая дальнейших разъяснений. Авшаров не заставил ее долго томиться:

— Чему ты удивляешься? Ты — изменница и должна понести наказание. О чем ты думала, когда позорила меня и предавала государя? Может, надеялась, что как жена жандарма избежешь кары? Получишь прощение и даже награду? Одевайся, говорю!

— Артемий, опомнись! О моей измене знаешь ты один: А теперь она станет известна всему свету, и сам же ты будешь опозорен!

— Зато государь узнает о моей преданности. Тот, кто покрывает изменника царя и отечества, — сам изменник! Все равно, я больше тебе не муж. Зачем же мне быть соучастником твоих преступлений? Ты пустоголовая женщина и меня, видно, тоже считаешь за дурака! Ошибаетесь, сударыня! Одевайтесь скорей, повторяю вам, а не то — следуйте за мной в чем вы есть. Ну, скорей! — грубо крикнул Авшаров, подбирая с ковра деньги и кольцо.

Кето вдруг упала на колени перед мужем, обняла его ноги и взмолилась со слезами:

— Артемий, что ты со мной делаешь!? Пожалей, прости меня!... Не увози туда... Не отдавай в руки палачам!..

Ей уже чудилась в туманной дали виселица, на которой болтается ее собственное тело. Картина эта поразила Кето ужасом и исторгла из ее сердца мольбу и слезы.

Авшаров стоял недвижно, как каменный, глядел на нее сверху с дьявольской улыбкой и повторял:

— Напрасно стараешься... Перестань! Разве ты пощадила меня? Почему же от меня ждешь пощады? Вставай, не унижайся понапрасну...

Тогда Кето быстро и решительно встала, тряхнула головой, отерла слезы и сказала твердым голосом:

— Ты прав. Что ж, не щади и ты меня. Беру назад свою просьбу. Забудь о ней... Навсегда... Сию минуту я буду готова.

Она захлопотала, наспех сунула в чемодан белье, одеколон, платки, гребенки, мыло и другие мелочи, надела теплое пальто, шляпу...

— Я готова. Идем.

Авшаров сидел понурившись. Услышав голос Кето, он поднял на нее глаза, полные слез. Потом глубоко вздохнул, медленно встал, надел в передней пальто и последовал за женой, которая тем временем уже успела выйти на лестницу...

— Кето дура! — донесся до них сзади пронзительный крик попугая.

Садясь в фаэтон, Кето заметила неподалеку, в подворотне, Нико и Левана. Молодые люди внимательно наблюдали из своего укрытия за тем, что делалось на улице. Кето вздрогнула. Она хотела крикнуть, предостеречь их — но было уже поздно.

Как только Авшаров вышел из подъезда, оба они высунулись из подворотни, и грянули один за другим два выстрела. Жандарм ударился спиной об стену, судорожно выхватил револьвер, спустил курок. На помощь к Авшарову бросился его приспешник. Все произошло так быстро, что Кето едва успела опомниться; она увидела только: Авшаров упал ничком на тротуар; Леван лежит лицом вверх и тщетно пытается приподняться. Жандарм погнался за Нико, настиг его и принялся рубить с плеча огромным кинжалом. Кето спрыгнула на тротуар, перескочила через тело своего мужа и побежала к брату, зовя на помощь:

— Нико!.. Помогите!... Нико!..

Но она опоздала. Обливаясь кровью, Нико повалился, бездыханный, на мостовую.

Кето отчаянно закричала и упала без сознания на труп своего брата.

* * *

В Метехской тюрьме — «счастливый день».

Старший надзиратель Журба — могучий, смуглый украинец грозного вида, выходит на середину обширного тюремного двора и возглашает густым басом:

— Выпускай певчих!

В коридорах, на балконах, в политическом корпусе младшие надзиратели повторяют за ним:

— Певчие, выходи!

С разных сторон появляются певчие. Все они, без исключения, политические заключенные. Среди них — ни одного верующего. Тем не менее, в церковный хор записывались охотно: ведь спевки — это только повод для того, чтобы трижды в неделю выбраться из тесных камер, провести в обществе товарищей час-другой, поделиться своими радостями и печалью, послать на волю весточку, посоветоваться с другом... Ну, а в промежутках между церковными песнопениями, можно спеть под сурдинку «Марсельезу» или же — громким голосом «Черную ласточку», «Семерых гурджаанцев» и даже лихую «Цангала».

Спевки происходили в маленькой темной комнате. Однажды Журба подкрался снаружи к дверям и стал прислушиваться. Певцы заметили слежку и в этот раз не запевали «Марсельезы», но зато грянули во весь голос плясовую и застольную. Журба слушал, слушал, наконец не вытерпел и спросил: «Скажите, вы, грузины, ходите в церковь, чтобы молиться, или, чтобы плясать?» В ответ раздался взрыв хохота. Тогда улыбнулся и Журба. «Я в ваших песнях ничего не понимаю, — сказал он. — Пойте, что и как вам заблагорассудится, но только смотрите — ничего революционного, не то...» — и, грозно выкатив черные, как уголь, глаза, удалился.

Через короткое время певчие собрались во дворе. Последним появился их регент Гургенидзе. На нем была землисто-серая одежда каторжника, сшитая для него по мерке. На голове у Зураба красовалась тушинская шапочка, право на ношение которой он завоевал ценой упорной борьбы с Журбой. Восьмифунтовые кандалы, в которые его заковали только вчера, звенели у него на ногах. Густые, черные борода и усы Гургенидзе были аккуратно подстрижены и расчесаны. Из-под грубого ворота холщевой куртки виднелся кусочек белой полотняной рубашки, сшитой для него Мартой.

Вечно угрюмый, неразговорчивый Журба на этот раз не выдержал и при виде улыбающегося Зураба осклабился сам:

— Такого бравого жениха и на воле не сыщешь! Ну, идем!

Он отпер огромным ключом маленькую дверь, прошел узким коридором, спустился по каменной лестнице в полтора десятка ступеней и вступил во главе группы певчих в старую, источенную временем церковь, фундамент которой был заложен в шестом веке, а стены восстановлены из руин в тринадцатом.

Певчих сопровождали четыре надзирателя. Журба оставил арестантов на их попечении, а сам вышел во двор. Хористы рассматривали знакомые им до последней выбоины щербатые стены и шептались между собой. Тем временем вернулся и Журба. Следом за ним шла с опущенной головой Марта. Девушку сопровождали ее шафер, священник и дьякон.

Учительница рукоделия была в трауре — она горевала о погибших геройской смертью Леване и Нико, да и о Зурабе, которого не сегодня-завтра должны были отправить на каторгу. Черное шелковое платье, гладко причесанные волосы — наряд ее был прост, чуть ли не будничен... И только белоснежный воротничок да кружевные манжеты как бы свидетельствовали, что для Марты забрезжил отблеск надежды, появился призрак далекого счастья...

Пока священник облачался в алтаре, а дьякон, расстелив коврик,

устанавливал на нем аналой, Марта стояла у стены и печально глядела на Зураба, как бы пытаясь измерить взором темную пропасть его будущего. О, она прекрасно знала, что упорство и несгибаемая стальная сила Зураба могли противостоять хоть каменному граду. Но известно ей было и то, что морозные просторы Сибири усеяны костями ссыльных и каторжан... И сердце Марты ныло и трепетало в тяжком предчувствии...

Священник поманил Марту и велел ей стать перед аналоем. Потом позвал Зураба и поставил его рядом с невестой. Зураб прижался плечом к плечу Марты и крепко стиснул ее руку. Марта ответила ему тем же.

Священник служил, дьякон читал псалтырь, хор пел. Древние лики святых грустно глядели со стен.

Священник благословил кольца, заставил жениха и невесту обменяться ими, трижды обвел новобрачных вокруг аналая... Хор спел «Ликуй, Исайя». Служба была окончена.

Священник скрывается в алтаре. Дьякон уносит ковер и аналой. Зураб и Марта стоят неподвижно, как бы в ожидании. Певчие застыли на месте. Изумленно-печальные святые глядят на новобрачных со стен — словно ждут, что сейчас что-то произойдет. В замшелом храме воцарилось долгое молчание. Наконец топот тяжелых сапог Журбы нарушил тишину. Старший надзиратель подошел к новобрачным, сдернул с пальца Зураба кольцо (каторжник не вправе иметь при себе ни крупинки золота) и передал его Марте. Потом прогудел хриплым басом:

— Чего вы задумались? Поцелуйтесь и ступайте каждый своей дорогой. Ну, смелей!

Марта бросилась на шею Зурабу и горько зарыдала. А Барс стиснул ее в объятиях, спрятал лицо в густых ее волосах и, ласково поглаживая ее по спине, тихо повторял:

— Моя Марта!.. Милая моя Матико!.. Довольно, успокойся!

Кое-кто из заключенных утирал слезы. Остальные тоскливо взирали на полустершиеся лики святых. А те по-прежнему глядели со стен, как бы ожидая, что будет дальше?

Конец этой сцене положил опять-таки Журба. Он схватил Зураба за плечо и потянул его к себе. Но не так-то просто было оторвать новобрачных друг от друга. Тогда Журба просунул между ними обе руки и развел молодоженов в стороны.

— Довольно! — сказал он со смехом. — Остальное — через двенадцать лет в Сибири!

И увел Марту из церкви. Она вся вздрагивала, закрыв лицо руками...

Святые изумленно переглядывались, как бы спрашивая друг друга: «Вспомните — разве случалось что-либо подобное в наши дни?»

Заключенные, выходящие из церкви один за другим, тоже были изумлены: не думали они, что увидят когда-нибудь слезы на глазах у Зураба.

* * *

Мой единственный, незабываемый, вечный друг!

Как долго искала я эти пять слов, и с каким трудом нашла их! Я хотела было написать: «Единственный мой, свет моих очей, желанный, любимый!», но не осмелилась — зачем обманывать себя? И я предпочла правду, суровую правду. Ты теперь свет не моих очей, ты избрал себе другую любимую и желанную супругу... Но я еще вернусь к этому. А пока начну издалека.

Я содрогаюсь при мысли о том страшном дне. Да, он чуть было и

меня не унес в могилу! Лишь понемногу, шаг за шагом, припомнила я все, что случилось, — и только поэтому сумела выдержать весь нахлынувший на меня ужас. Я знаю, что Марта уже обо всем сообщила тебе, и не буду повторять ее рассказ. Но воспоминание об этом утре, мучительное и жестокое, все еще живо во мне — наверно, я так и не избавлюсь от него до самой смерти. Явственно вижу перед собой моего несчастного брата Нико и его убийцу. Тусклый блеск клинка и сейчас слепит меня, глухой звон стали больно отдается в моих ушах. Бедняге Левану пуля попала прямо в сердце, и он сразу умер. Помню еще, что я перескочила через тело моего мужа и побежала к Нико. А потом я точно провалилась в черную яму, и все исчезло...

Еще одно жгучее воспоминание преследует меня. Муж объявил, что я арестована, и собирался везти меня в жандармское управление. На мое счастье, он не успел оформить дело. Акакий и Мито сказали, что иначе меня непременно бы повесили. Бедные Леван и Нико отомстили Авшарову за наш провал, но не знали, что при этом спасли меня от виселицы. (Несчастных, оказывается, похоронили врозь. Узнав об этом, я не успокоилась до тех пор, пока не добилась согласия моих родных и не уговорила Марту. Мы перенесли останки Левана, и теперь он покоится рядом с Нико...)

Но я хотела рассказать о другом. Когда Авшаров сказал мне: «Ты арестована», я вдруг пала духом, бросилась на колени и стала молить его о пощаде... О, я рада, что у него не хватило великодушия, чтобы простить меня — иначе я сама бы себе не простила и страдала бы несказанно. Но Артемий стал насмехаться надо мной. Его издевательства пробудили мою гордость, я вспомнила о своем человеческом достоинстве. Но этот запоздалый взрыв самолюбия — плохое утешение для меня. Я не могу забыть, как унижалась перед Авшаровым. Я валялась у него в ногах, плакала, умоляла его. О, какой позор!

Никогда, никогда Марта не поступила бы так, как я. Два месяца провела она в заключении — в темной камере, полной крыс, мучаясь от голода и жажды. И выдержала эту пытку, не склонилась перед палачами. Ни одного слова не смогли добиться от нее! Когда вам устроили очную ставку, она не призналась даже, что знакома с тобой. В конце концов ее отпустили — больше им ничего не оставалось... Когда Марта рассказала мне об этом, я вспомнила свой позор, и слезы хлынули у меня из глаз. Вот когда мне стало ясно, что Марта — одно, а я — другое... Я ведь и раньше понимала, что Марта — достойная подруга для тебя, а я... Знала, но по малодушию играла с собой в прятки, боялась отдать себе в этом отчет, боялась потому, что любила тебя (любила и люблю даже больше, чем прежде) и не хотела, не могла отказаться от тебя — да и сейчас не хочу, не могу и не знаю, что делать, — головой, что ли о стену биться?

Придя в себя, я долго рассматривала комнату, в которой лежала, но не могла ее узнать. Ничего, ничего я не помнила — память совсем отшибло. Около моей постели сидела пожилая женщина, вся в черном, с белой головой. Я не узнала мою бедную мать — как быстро она поседела!

Мама прижала меня к груди, разрыдалась... И все приговаривала: «Это я, твоя мать. Девочка моя, неужели ты родной матери не узнаешь?»

Едва очнувшись, я спросила у матери, где мы, чья это комната? Мама обманула меня, сказала, что у нас в доме ремонт, что все наши на время разъехались по разным квартирам и мы с нею поселились отдельно. Я поверила. А дело, оказывается, обстояло совсем иначе. Я од-

нажды говорила тебе, что отец мой запутался в долгах. С юных лет он твердил всем и каждому: «Будьте бережливы, не растрачивайте дедовского добра, всякий раз, как получите пять рублей, израсходуйте четыре, а рубль отложите!» И вот оказалось вдруг, что сам Андро поступал как раз наоборот: когда у него заводилось пять рублей, он тратил десять. И промотал не только свое собственное наследственное богатство, но и все имущество своих племянников. Не знаю в точности, как именно все произошло, но в одно прекрасное утро мы оказались на мели. Банк вернул себе взятую отцом ссуду, торгош Цверадзе забрал свою долю, а все наши наследственные владения перешли к какому-то Арамянцу, который отнял у нас также и городской дом. Недавно заходил к нам Григол. Он такой большой и сильный — и вдруг расплакался, как женщина. «Хоть бы революция победила, — говорил он, утирая слезы, — тогда все наши земли достались бы крестьянам, для них не жалко! А мои дела совсем плохи — до сих пор я был хозяином, теперь же Арамянц взял меня из милости на службу, поставил управляющим моего же собственного имения, и я еще сказал ему спасибо... На другой день Григол вернулся в деревню, чтобы при помощи казацких нагаек окончательно водворить там спокойствие и запрячь крестьян в ярмо, еще более тяжелое, чем раньше...

Мито запретил мне читать и писать. Вот и сейчас — заметил это письмо, задал мне взбучку... Потом внимательно осмотрел меня, сказал, что нашел улучшение, посидел, рассказал какие-то безобидные новости и ушел.

Оказывается Димитрий остался на Мтацминде один. Он зарабатывает врачебной практикой и благодарит свою судьбу за то, что не женился и не обзавелся детьми. Перед выборами в Государственную Думу он был полон надежд. Но его постигло разочарование — ни один федералист не попал в Думу. И Мито часто повторяет с грустью: «Грузинский народ предпочел нам социал-демократию — что ж, посмотрим, много ли он выиграет!»

Зато Акакий на седьмом небе от радости. Ведь он теперь депутат Государственной Думы! Пыжится так, словно назначен премьер-министром, и открыто, без стеснения, провозглашает на всех перекрестках: «Мы с самого начала знали, каков будет конец большевиков. Вышло по-нашему — они разгромлены, сидят под замком, а нас народ выбрал в депутаты и вручил нам судьбы государства». Однажды он совсем уж обнаглел и помянул тебя недобрым словом. Я сказала: «Что бы ты ни проповедывал, Зураб как был, так и останется героем пролетариата. Ты же, Акакий, всегда был трусом и прятался в кустах. От тебя геройских дел не приходится ожидать!»

«Уж ты бы молчала! — ответил мне Акакий. — Никогда ни одна женщина не натворила столько бед и не наделала столько глупостей! Если бы не ты, разве арестовали бы Зураба и Раждена? Разве не из-за тебя погибли Леван и Нико? И не твое ли легкомыслие привело к тому, что обнаружили тайную типографию? Ты стала притчей во языцех!» — отрезал мне мой старший брат и встал. «Да, это правда, — весь город только о тебе и говорит», — подтвердила его жена и удалилась вслед за ним с надутым видом. Мне сразу стало хуже. Несколько дней я, не переставая, плакала. Перед отъездом в Петербург Акакий заглянул, чтобы проститься, но мама непустила его ко мне. И хорошо сделала — я просто вытолкала бы его.

Представь себе, наш купчина Цверадзе ужасно обрадовался тому, что я овдовела. И объявил: «Если Кето по-прежнему будет мне нра-

виться, я ничего не пожалею, вылечу ее и женюсь!» Я этого не знала — иначе не пустила бы его к себе. В один прекрасный день он явился, вошел с самоуверенным видом, сел и стал разглядывать меня, как лошадь на ярмарке. Так он сидел, бормотал что-то себе под нос и наконец удалился — по-видимому, нашел, что я слишком подурнела.

Помнишь поручика Климашвили, который преследовал тебя в тот день, когда ты скрывался в моей комнате? Он тоже навестил меня и присматривался, оценивал и тоже разочаровался. Он теперь ходит в героях — видно, отличился при усмирении восстания, перебил много людей. Во всяком случае, его вернули в гренадерский полк и повысили в чине — на нем капитанские нашивки.

Заходил ко мне и Шукураули. Этот оказался порядочнее всех. Уселся, поглядел на меня, уронил голову на грудь и заплакал. Потом, всхлипывая, заговорил: «Я же умолял тебя, Кетеван, не покидать хрустальной башни! Ты не послушалась, и вот что вышло... Что же мне теперь делать? Как тебя спасти?» Я поблагодарила его и сказала: «Если ты на что-нибудь годишься, спасай самого себя». Наконец-то он понял, что стихами в Грузии нельзя прокормиться. Он решил вернуться в Москву, чтобы окончить университет. И обещал, если я согласна ждать, после этого на мне жениться. Я засмеялась. «Не смейся, из-за тебя я чуть было не пустил себе пулю в лоб», — сказал он искренне.

Последнюю неделю я чувствую себя лучше. Голова болит гораздо реже, и лицо уже не так перекошено. Я полностью отдалась в руки докторов, и они делают со мной, что хотят. Мы с мамой остались совсем одни. Живем мы все в том же районе, под горой Мтацминда. Из нашей маленькой квартирки весь город виден, как на ладони. По вечерам мама сажает меня на извозчика и вывозит на прогулку в город. Днем я расхаживаю по широкому балкону. Отсюда мне хорошо видны и наше прежнее жилище, и тот маленький, старый домишко, где я провела с тобой несколько счастливых часов, и где на тебя обрушилась по моей вине беда. Иной раз я целыми часами гляжу сверху на эту хижину и думаю: что же случилось? И почему это должно было случиться? Кто виноват?

Что у меня было общего с Авшаровым? Ничего. Так зачем же я связалась с этим человеком? Зачем так безрассудно пожертвовала своей молодостью? Для того, чтобы послужить делу свободы... Но почему же я выбрала именно этот путь? Да потому, что вы не указали мне другого, лучшего. Вы не доверяли мне, и я не имела выбора: оставался один лишь этот путь. Вот почему я вступила на него.

Пока я болела, по городу распространился слух, будто я была агентом своего мужа, помогла жандармам найти типографию и выдала Зураба Гургенидзе. Какой позор! Какая отвратительная клевета! Из-за этой лживой сплетни я чуть было не наложила на себя руки. Но ты и Марта спасли меня — вовремя вмешались! Ты заявил — и твои слова, переданные из Метехи, стали всем известны — что в этих рассказах нет и крупинки правды. Марта же, выйдя из тюрьмы, обегала весь город, всюду яростно защищала меня и, кажется, сумела спасти мое доброе имя. Спасибо, друзья мои, спасибо! Я никогда не забуду, чем вам обязана, и надеюсь, что смогу отплатить добром за добро. Но мое легкомыслие причинило слишком много зла, и этого я тоже до самой смерти не забуду. О, я хорошо помню совет, который ты и Марта дали мне перед самым моим замужеством; Марта пришла ко мне и сказала: «Тяжелую ношу хочешь ты взвалить на себя. Подумай хорошенько —

не свалишься ли под нею?» Я тогда не поверила ей, я положила на свои силы, очертя голову кинулась в водоворот и чуть было не утонула... О, пока я еще жива, но никак не могу выбраться из этого омута, беспомощно барахтаюсь и кое-чего так и не могу решить для себя...

На днях Григол приезжал в город и навестил меня. Вскоре после него пришла Марта.

Когда Григол удалился, Марта ласково погладила меня по волосам и сказала, точно отвечая на мои тайные мысли (казалось, она читает в моей душе):

«Отгони прочь свои черные думы! Мы ни в чем, ни в чем не обвиняем тебя — слышишь? Да разве ты виновата, что Авшаров перехитрил тебя и натворил бед? Зато раньше ты оказывала нам неоценимые услуги, спасла множество наших товарищей и не раз расстраивала планы жандармов. Не думай больше об этом? Ты настоящая героиня. Успокойся, и не надо больше печалиться».

Я знала, что Марта — великодушная женщина, но на этот раз была особенно поражена ее благородством. Из-за моего легкомыслия погиб ее единственный брат, тебя арестовали, типография попала в руки жандармов — а она не только не упрекает меня, но ищет мне оправдание, ободряет меня — и притом совершенно искренне, от чистого сердца! Да, ободряет — но о тебе ничего не хочет рассказать. Раз или два я спросила ее, как твои дела. Она сообщила, что тебе присудили двенадцать лет каторги. Я чуть не потеряла сознание от ужаса, но постаралась успокоить себя тем, что каторга все же лучше виселицы, что ты останешься жив... Спросила я Марту, что она сама намерена предпринять? «Да ничего», — ответила она. Но я не отставала от нее. Тогда Марта отвернула лицо и тихо сказала:

«Что же я еще могу предпринять? Буду жить, как жила до сих пор».

Теперь я знаю, что она утаила от меня правду. Но я не осуждаю ее. «Пусть каждый идет своим путем», — подумала я. Но когда Марта ушла, тоска охватила мою душу. Марта хотела убедить меня, что я вела себя, как героиня, но я не могу этому поверить. Ну, право, велика ли доблесть — копаться в бумагах своего мужа, подглядывать, выведывать в разговоре какие-то его секреты и сообщать их возлюбленному? А мне с давних пор, с детства, хотелось «геройских дел». Но вы не доверяли мне, вы предоставили меня самой себе...

Что же мне теперь делать? Как восстановить свое доброе имя? Как очистить себя от ужасного, позорящего подозрения? Долго думала я, думала и вспомнила давний наш разговор, вспомнила твой доклад — тот, в котором ты говорил о героических женщинах, о Вере Засулич, о Юдифи, о женах декабристов... «Юдифь из меня не получилась, — подумала я. — Что ж, последую за Зурабом в Сибирь». Эта мысль пустила корни в моей душе, и скоро я была вся полна ею. Хотела было я пойти к какому-нибудь адвокату, чтобы узнать, какие на этот счет существуют законы, но не решилась — зачем раньше времени сообщать кому бы то ни было о своем намерении? Наконец я собралась с духом и отправилась к прокурору. Пока я дожидалась в приемной, дверь кабинета отворилась, и оттуда вышла — кто бы ты думал? — Марта. К счастью, она не видела меня. Изумленная и испуганная, я отвернулась к стене и замерла.

— Пожалуйте! — обратился ко мне секретарь.

Я сделала вид, что замешкалась, и через минуту осторожно огля-

нулась. Марты уже не было. Прокурор принял меня учтиво и предупредительно. Я не стала называть себя и сразу перешла к делу.

«Жених моей горничной осужден на двенадцать лет каторги, — сказала я. — Девушка вбила себе в голову, что должна обвенчаться с ним и уехать в Сибирь. Сколько я ни убеждала ее, она все стоит на своем. Наконец я обещала ей узнать соответствующие законы. За этим я к вам и явилась».

«Отговорите вашу горничную, сударыня. Вы сделаете доброе дело, — ответил страж закона. — Это просто навязчивая идея. Вашей девушке надо лечиться. Жены каторжников неизменно кончают тем, что горько раскаиваются».

«А жены декабристов? Они тоже раскаивались?» — невольно воскликнула я.

«Да, я глубоко убежден, что и они испытывали раскаяние, но было уже поздно. Удивительно то, что в последнее время случаи браков с осужденными чрезвычайно участились. Женщина, которая только что вышла отсюда, приходила по такому же поводу. Она вышла замуж за известного социал-демократа Гургенидзе. Венчание состоялось вчера в тюрьме... Сударыня, что с вами?»

Я пришла в сознание на диване в том же кабинете. Прокурор брызгал мне в лицо водой, тер мне мочки ушей и читал наставление:

«Ну, разве Сибирь и каторга — место для вас? Да вы совсем больны, вам лечиться нужно. Опомнитесь! Вам пришлось бы ждать двенадцать лет! Постарели бы в берлоге у белых медведей. Гургенидзе вам не пара. Да и вы не годитесь ему в жены. А вот женщина, на которой он женился вчера, — словно из стали отлита, она выдержит. Итак, сударыня, лучше ищите убежище под крылышком у вашей матери и живите себе без забот».

Я испуганно взглянула на него: неужели он узнал меня? А прокурор помог мне встать, усадил в кресло, подал стакан воды и продолжал:

«Я знаю вас издалека. Вы — вдова покойного ротмистра Авшарова, не так ли?»

Секретарь прокурора вывел меня из кабинета. Я шла шатаясь, держась за стены. С трудом спустилась я по длинной лестнице, села в экипаж и, доехав до дому, с неменьшим трудом поднялась к себе. Все кончилось для меня в этот день, все иссякло: и мое новоявленное героичество, и надежда стать твоей женой, и последние жизненные силы. Черный занавес упал передо мной, закрыв будущее, а сзади оставались только горчайшие воспоминания. Было к ним примешано и несколько капель счастья, но я не чувствовала их сладости...

С тех пор прошло десять дней. За эти дни я удивительно поправилась и окрепла. Вернулся здоровый цвет лица, я стала крепче держаться на ногах, понемножку читаю, занимаюсь рукоделием и хожу одна на прогулки.

Мама уговаривает меня бежать от тбилисской жары — в Боржоми, по ее мнению, я окончательно приду в себя... Но я не уеду из города, пока не увижусь с тобой еще раз. Вчера Марта сообщила мне, что вас отправляют через неделю. Я дожидаюсь этого дня: приду на вокзал, хоть издали, хоть мельком взгляну на тебя...

Я сказала своей подруге и сопернице:

«Матико, я узнала, что ты обвенчалась с Зурабом. Дай вам бог удачи! От души желаю вам счастливой жизни, детей, внуков...»

Марта закрыла лицо и беззвучно заплакала... Я обняла ее за плечи, стала успокаивать:

«Бедняжка! Вам предстоит ждать друг друга двенадцать лет!.. Но может быть, Зурабу сократят срок или он убежит из тюрьмы, или выйдет манифест. А может быть, произойдет революция...»

Письмо пересылаю через надежного человека. Этот человек сказал мне, что у каторжников время от времени устраивают обыск, и письма так же, как многое другое, отбирают. Я не хочу, чтобы это письмо потерялось — думаю, и ты этого не захочешь. Поэтому советую, если заметишь, что есть такая опасность, — верни его мне. Я сохраню его, — возможно, когда-нибудь тебе захочется перечитать эти строки...

Зураб, милый, родной мой! Ты всегда у меня перед глазами. Вот и сейчас ты стоишь передо мной и улыбаешься. Твои черные глаза искрятся, блестят — и мне хочется плакать. Дорогой мой, любимый, не сломись, не поддавайся тоске, не впускай печаль в свои ясные глаза! Я знаю, знаю, что тебя мучают бесчеловечно, знаю и часто плачу при мысли об этой пытке. Ты заметишь следы слез на этом листке; видишь — кое-где чернила размыты... Но довольно! Очень уж длинное получилось письмо. Прощай! И я, как ты, не верю в бога, но в последнее время я утратила силу духа и часто молилась за тебя — прошу, чтобы он сократил твои муки, чтобы ты был здоров и вернулся скоро — вернулся с победой...

Прощай, мой возлюбленный!

Прощай, единственный мой!

До свиданья, свет очей моих!

Целую твои глаза, целую украдкой, сознавая, что не имею больше на это права. Ты теперь принадлежишь только Марте, но глаза твои она, может, позволит мне расцеловать...

Тысячу раз твоя, всегда твоя и только твоя

Кетино.

* * *

Кето и Марта, побывав на вокзале, возвращаются домой по Авчальской улице. Марта узнала из тайных источников, что сегодня отправляют по этапу в Сибирь партию заключенных и что в этой партии находятся Зураб с Ражденем. Молодые женщины надеются встретить эту партию на вокзале и хоть издали взглянуть на своего любимого.

Марта уже давно решила последовать за Зурабом в Сибирь. Она могла бы подождать, пока Зураба доставят в предназначенную ему каторжную тюрьму, и отправиться прямо туда. Это обошлось бы дешевле, да и мучений было бы меньше. Но Марте не раз приходилось слышать, что путь на каторгу страшнее самой каторги. И она решила проделать весь этот путь вместе с Зурабом, чтобы по возможности облегчать ему все тяготы, пока его будут гонять из одной пересыльной тюрьмы в другую.

Марта заблаговременно стала готовиться к путешествию. Она продала все, что у нее было лишнего: постель, мебель, старинные ткани и вышивки, посуду и вообще все, что было трудно увезти с собой. Кето узнала об этой распродаже и однажды нежданно явилась к подруге. Отобрав лучшие из тканей, вышивок и старинных вещей, она заплатила Марте за все двойную цену и добавила еще двести рублей.

— Мне хотелось бы по мере сил помочь тебе и Зурабу, — сказала она. — Не отказывайся, разве мы с тобой не подруги? Постарайся

обойтись пока этим, а потом сообщи свой адрес, и я буду присылать рублей по тридцать в месяц.

Марта и в самом деле стесняла эта помощь, но она подумала о Зурабе, о страданиях, предстоящих ему в Сибири, о могуществе денег и заколебалась. Зурабу необходимо было усиленное питание — на казенных харчах он неизбежно заболел бы чахоткой. На каждом шагу необходим был подкуп, чтобы Зурабу предоставляли разные мелкие поблажки, — а для всего этого нужны деньги, деньги, очень много денег. А если Зураб предпримет побег с каторги, деньги окажутся тем ключом, который распахнет перед ним двери тюрьмы...

И Марта, поступившись своим самолюбием, горячо поблагодарила Кето. Она попросила Кето, чтобы та, присматривая за могилой Нико, не забывала могилу Левана.

И вот настал день, когда должны были увезти Зураба. Марта отправлялась тем же поездом. Кето с утра поехала вместе с ней на вокзал. Подруги сдали багаж и теперь шли назад, чтобы встретить арестантов, среди которых находился Зураб.

Вдруг вдали, на повороте улицы, поднялась суматоха. Прохожие разбежались в стороны, прятались в подворотнях. Улица мгновенно опустела. Лавочники закрывали ставни. Пролетки возвращались назад. Небольшая группа солдат, растянувшись цепью по всей ширине улицы, продвигалась вперед, разгоняя людей криками и угрозами:

— Запирай лавки! Закрывай окна! Разойдись! Переходите на другие улицы! Живей, а то будем стрелять!

Перепуганные люди запирали двери и окна, разбежались, прятались кто где. Кето и Марта отстали от бегущих и вскоре увидели партию арестантов, двигавшуюся на некотором расстоянии следом за цепью солдат. Довольно большая группа заключенных, окруженная сотней конвойных с винтовками наперевес, направлялась в сторону вокзала. Конвойные глядели во все глаза, готовые уложить на месте всякого подозрительного прохожего. Каторжники, в одежде из грубой коричневатой материи, медленно брели, звеня кандалами. Лязг их оков был слышен чуть ли не за полверсты. У каждого заключенного висел на спине сундучок или узел с убогим имуществом, которое закон разрешал ему иметь при себе.

— А вон и Зураб, — сказала Марта подруге. — Видишь — там, в первом ряду. И рядом с ним — Ражден.

Марта несколько раз ходила в Метехи на свидание к Зурабу. Она уже привыкла к его новому облику каторжника. Но Кето видела Зураба после ареста впервые. Она побледнела и изменилась в лице. Эта шапка, похожая на опрокинутый горшок, этот бесформенный балахон — не одежда, а простой мешок — этот нищенский узел, эти тяжелые, лязгающие цепи на ногах... Кето содрогнулась и застыла на месте, словно окаменев. Зураб увидел молодых женщин, улыбнулся им — белые зубы сверкали на лице, заросшем густой черной бородой, — и приветственно поднял руку.

— Назад! Назад, говорю! — уже во второй раз крикнул подругам офицер, командовавший конвоем, и угрожающе поднял револьвер.

Марта схватила Кето за руку и потащила ее за собой.

— Пойдем, милая! От такого зверя всего можно ожидать.

Они снова повернули к вокзалу. Время от времени они оглядывались на Зураба, шагавшего с гордым видом, и печально улыбались ему.

Но вот они дошли до вокзала. Заключенных увели куда-то напра-

во. Там, вдали, виднелись два арестантских вагона с окнами, забранными решеткой. Вагоны были окружены другим отрядом конвойных — эти должны были проводить арестантов до Баку. Заключенных выстроили на деревянной платформе. Офицер, который привел их, передал список командиру ожидавшего на станции отряда. Потом оба офицера обошли шеренгу арестантов, осмотрели и пересчитали их и, построив рядами, повели в вагоны.

Шагах в двадцати от вагонов цепь солдат, выставив вперед штыки, с трудом сдерживала толпу людей, рвавшуюся к арестантам. Это были родные и близкие заключенных. С проклятиями и причитаниями напирали они на солдат; по вокзалу разносились отчаянные крики:

— Прощай, сынок!

— Прощай, брат!

— Прощай, отец!

У Кето и у Марты глаза были застланы слезами. Кето казалось, что она присутствует на похоронах полутора сотен покойников, оплакиваемых собравшимися вместе их родными.

Зураб еще раз оглянулся, еще раз взмахнул рукой, крикнул с подножки: «До свиданья, Матико! До свиданья, Кето! До свиданья, товарищи!» и скрылся в вагоне.

«До свиданья! Держись! Будь молодцом!» — слышались со всех сторон голоса товарищей Зураба. У Кето же застрял в горле комок, и она не смогла даже ни разу крикнуть «до свиданья!» Вдруг она заметила Климиашвили, стоявшего поодаль и равнодушно наблюдавшего за этой картиной. Тот в свою очередь заметил Кето и направился к ней. Молодая женщина собрала все свои силы, подавила подступившие рыдания и встретила капитана любезной улыбкой.

— Вы появились как раз вовремя, Сандро!

— Что вы здесь делаете, Кетеван? — спросил, целуя ей руку, капитан. — Я вижу, вы совсем выздоровели и стали еще прекрасней, чем прежде.

— Сандро, дорогой, помогите мне! Сегодня увозят мужа одной моей подруги. Бедняжка убивается, готова руки на себя наложить. Я пришла вместе с ней, думала, что смогу помочь, дам им возможность проститься... Но нас не пускают.

— Это нетрудно устроить. Идемте со мной! — сказал Климиашвили и направился к арестантским вагонам.

Кето и Марта пошли за ним. Солдаты пропустили капитана и сопровождавших его дам. Климиашвили поздоровался, взяв под козырек, с начальником этапа, сказал ему несколько слов и повернулся к Кето:

— Сейчас его приведут.

Кето вдруг испугалась. Она схватила капитана за рукав, поспешно отвела его в сторону и сказала:

— Не уходите без меня, Сандро! Проводите меня домой!

— С удовольствием! — обрадовался Климиашвили.

— Только прошу вас, обождите где-нибудь там, — Кето показала глазами на здание вокзала.

— Как вам угодно, — ответил Климиашвили и ушел.

Кето облегченно вздохнула и вернулась к Марте. Зураб уже спускался с подножки вагона — спокойный, улыбающийся, беззаботный с виду. Он схватил Марту в объятия, расцеловал ей щеки, шею, уши и никак не мог от нее оторваться. Наконец он повернулся к Кето, по-

жал ей руку и вопросительно глянул на жену. Марта, взволнованная прощанием, отозвалась дрожащим голосом:

— Поцелуй ее, не стесняйся!

Зураб приложился губами к щеке Кето. Поцелуй показался Кето холодным, но она не подала виду.

— Зураб, мы с тобой бесконечно обязаны Кето, — сказала Марта. — Она снарядила нас в дорогу, дала денег и впредь обещала помогать. А если надумаешь бежать, она еще нам поможет...

Лицо у Зураба просветлело. Он еще раз поцеловал Кето и сказал:

— Друзья познаются в беде! Я на каторге долго не останусь. Скоро снова увидимся! Я на товарищей наших рассчитываю. Возможно, что ваша помощь вовсе не понадобится. Но в случае надобности буду надеяться, что она не замедлит прийти. Я получил твое письмо, Кетино. Сегодня или завтра тебе принесут его назад. Оно перевернуло всю мою душу! Я запомнил его почти наизусть. Я с самого начала знал — и даже говорил тебе — что ты свалишься, не выдержишь до конца. Ты — не нашей породы, но не будь у нас таких друзей, дело наше хромало бы на обе ноги. Ты считаешь себя виновницей нашего провала и всего, что случилось тогда...

— Да, я виновата! — прервала его Кето.

— Успокойся, я ни в чем тебя не виню, — утешил ее Зураб. — Я многое еще хотел бы тебе сказать, да нет времени: сейчас нам придется расстаться.

— Довольно! Заходи в вагон! — грубо оборвал Зураба приставленный к нему солдат.

— Ну, до свиданья, Марта, милая моя! Прощай и ты, Кето! Будь тверда; не сгибайся перед судьбой; не проявляй слабости, — подбодрил Кето тот, кто, казалось бы, больше всех нуждался в ободрении и поддержке.

Наспех поцеловав еще раз обеих молодых женщин, он поднялся в вагон.

Неподалеку, поджидая Кето, стояли Климиашвили и Шукураули. Оба насмешливо улыбались. Когда Кето подошла ближе, поэт круто повернулся и исчез в толпе. Климиашвили же преградил молодой женщине путь и сказал ледяным тоном:

— Так вот, оказывается, зачем вам нужна была моя помощь! Вы попросту хотели поцеловаться с каторжником Гургенидзе.

Кето нахмурила лоб и ответила так же холодно:

— Да, батано Сандро, именно для этого вы мне и понадобились.

— Значит, все, что мне говорили о вас, — правда?

— Да, по-видимому, вам сказали правду. Что еще?

— Больше ничего. Прощайте!

— Всего хорошего!

Капитан повернулся на каблуках и, разозленный, звеня шпорами, удалился быстрым шагом.

— Слышала? — спросила Кето Марту, стоявшую рядом.

— Слышала. Ты огорчена? — отозвалась та.

— Напротив, я очень рада! Теперь он и близко ко мне не подойдет.

Арестантские вагоны прицепили к пассажирскому поезду.

Марта поднялась в вагон третьего класса и разыскала свое место.

Кето вошла вместе с нею и села рядом. Дали второй звонок. Общим еще многое оставалось сказать друг другу, но именно в эти последние минуты все вдруг вылетело из памяти. По вагону прошел кондуктор, объявил:

— Провожающих прошу выйти!

Кето и Марта одновременно встали.

— До свиданья, Марта! — Кето бросилась на шею подруге. — До свиданья, милая... Моя Матико!..

— До свиданья, Кето... Дорогая... Единственная моя...

— Береги себя в дороге... Не простудись... Смотри, чтобы тебя не обокрали... И за Зурабом хорошенько присматривай, — бормотала Кето. Казалось, она вовсе не собирается уходить.

Марта чуть ли не силой повела ее к выходу.

— И ты береги себя! Ступай, уже третий звонок.

— Пиши!

— Не беспокойся, буду часто писать. Да, кстати, совсем забыла... Утром мне передали от Зураба письмо для тебя. В этой суматохе я чуть было не увезла его с собой.

Кето взяла у подруги сложенный листок без конверта, сунула его в сумочку и сошла на перрон. Поезд тронулся. Марта высунулась из окошка. Кето шла некоторое время за поездом, махала Марте платочком и то и дело украдкой оглядывалась на арестантские вагоны, надеясь, что Зураб покажется в окне. Но Зураб и его товарищи сидели, запертые наглухо, под крепчайшими замками.

Поезд ускорил ход. Два белых платка еще некоторое время мелькали в воздухе. Потом Марта, ее платок и поезд, увозивший ее, исчезли вдали.

Кето прижала платочек к глазам и стала бороться с подступившими к горлу рыданиями. Долго стояла она так, силясь успокоиться. Потом прошла по перрону до самого конца, повернула назад и вошла в просторный зал ресторана. Там было полно народу. Одни обедали, другие сидели за бутылкой. Кето подсела к одному из столиков, достала из сумочки письмо и стала читать.

«Моя добрая Кетино, — писал ей Зураб. — Твое длинное письмо очень обрадовало меня. Но здесь, в тюрьме, трудно писать длинные письма, поэтому я буду краток. История наша кончилась несчастливо — и для тебя, и для меня, и для Марты, и для многих других. Не вышло из тебя библейской Юдифи. Если бы ты слушалась меня, была поосторожней и не навела жандармов на наш след, не случилось бы всего этого несчастья. Но оставим это. Что пользы сейчас разбирать, кто прав и кто виноват? Левана и Нико уже не воскресить, нам с Ражденем не сбросить своих цепей и не вздохнуть свободно. Ты хочешь верить, что мы непременно свидимся опять. Это все мечты. Они уже причинили тебе немало вреда — пора бы наконец спуститься на землю. С каторги удастся бежать разве что одному из тысячи. И если даже я окажусь таким счастливецом, то все равно мне нельзя возвращаться в наш город. Здесь все меня знают, и я недолго пробуду на свободе. Нет, самое лучшее поле деятельности для меня — большой промышленный город. Там среди рабочих я найду тысячи и тысячи товарищей, там мне будет легче вести подпольную работу. А кроме того, вспомни о Марте. Она теперь — мой друг на всю жизнь, моя жена. Помнишь, мы однажды беседовали с тобой о женах декабристов? Марта ради меня впряглась в железное ярмо и будет тянуть его до самой смерти. Вот кто настоящая героиня. Не надо, Кетино, не жди меня, не хори себя заживо!

Я ведь говорил тебе неоднократно, что ты не нашей породы и свалишься где-нибудь на пути. Перед твоим замужеством я просил Марту еще раз предостеречь тебя. Как видишь, вышло по-моему. Ты свалилась. Сделай же вывод — хватит с тебя одного такого крушения,

второго ты не перенесешь. Ты пишешь, что не могла бы поехать за мной в Сибирь, так как не надеешься на себя, боишься сломиться. Ты даже рада, что Марта впряглась в это ярмо вместо тебя. Жертва, которую приносит Марта, меня далеко не радует, но я доволен, что не ты, а она едет со мной. Ну, а раз мы все трое — я, ты и Марта — довольны и рады, значит все в порядке.

До свиданья, наш добрый друг! Желая тебе поскорее забыть все злое, что осталось позади, и найти на своем пути много-много счастья.

Твое письмо я отдал Марте. У меня теперь нет тайн от нее. Она прочтет и пошлет тебе его обратно.

Твой верный друг Зураб».

Письмо выскользнуло из пальцев Кето и упало на стол. Некоторое время она сидела неподвижно, словно одеревенев. Она ничего и никого не замечала, не слышала шума, царившего вокруг. Потом вдруг перед глазами ее возникли Цверадзе и Шукураули. Они сидели за одним из соседних столиков и потягивали пиво. Оба смотрели на Кето, нагло улыбались и, должно быть, судачили о ней. Встретив взгляд Кето, Цверадзе вдруг повернулся к ней спиной. Потом схватил Элизбара за плечо, заставил его тоже отвернуться и при этом сделал презрительный жест, как бы означавший: «О такой женщине и разговаривать не стоит!»

На Кето словно выплеснули ушат грязи. Она порывисто вскочила, скомкала письмо и выбежала с пылающим лицом из зала, наткнувшись на встречных, ничего не видя вокруг себя. Очутившись на площади пе-

ред вокзалом, она бросилась в первый попавшийся фаэтон и крикнула кучеру:

— Поезжай прямо!

Извозчик хлестнул лошадей. Кето по-прежнему ничего не видит, кроме черной бездны, зияющей впереди и затягивающей ее. Итак, все кончено. Порвалась последняя нить. Сломан последний зыбкий мост, перекинутый через пропасть. И Юдифь летит в темную бездну. Кето оторвалась от своего привычного мира и не смогла пристать к противоположному берегу. Элизбар, Сандро, родные, знакомые и незнакомые считают ее изменницей и шарахаются от нее, как от зачумленной. А Зураб и Марта отделились, ушли навсегда и советуют: забудь, никогда больше не вспоминай нас. Зураб не хочет даже принять помощь от Кето — значит, и он отвернулся от нее...

— Сударыня, куда вы желаете ехать?

Кето не слышит. Кето старается вспомнить слово за словом письмо Зураба. Скомканное, измятое письмо зажато у нее в кулаке, но она не сознает этого, она забыла, куда дела его: оставила на столике ресторана, выбросила или сунула в сумочку.

— Куда ехать, сударыня?

Кето не ответила и на этот раз. Она остановила экипаж, сунула кучеру рублевку и пошла пешком. Она и сама не знала, почему отпустила извозчика и куда держит путь.

Кето огляделась. Она была на Воронцовской площади. Перед ней протянулся Кукийский мост. Ах да, кстати, — вот в этом доме, возле моста, живет Сандро Климиашвили.

Давеча на вокзале Сандро обиделся. Он ведь не знает, что творится в душе у Кето. Иначе он не бросил бы ей в лицо тех горьких слов. А Кето не осталась в долгу — и они разошлись, досадуя друг на друга. И Кето вдруг захотелось увидеться с Климиашвили, рассеять недавнее недоразумение. Она поднялась по лестнице и нерешительно, боязливо позвонила у дверей. «Не надо! Уходи!» — говорил ей внутренний голос, но было уже поздно: горничная открыла дверь. Мать Сандро выглянула из комнаты в переднюю и снова скрылась. Потом показался сам Сандро. Он остановился в дверях с изумленным видом.

— Не удивляйтесь! Выслушайте меня, и вам все станет понятно, — сказала с виноватой улыбкой молодая женщина.

Климиашвили молча засунул руки в карманы летнего кителя. Он не поздоровался с Кето и даже не пригласил ее в комнату.

— Там, на вокзале, я обидела вас... Вышло недоразумение... Я хочу, чтобы вы знали...

— Напрасно беспокоились, сударыня, — сухо прервал ее Климиашвили. — Я и не думал обижаться.

— Я хочу сказать... Это недоразумение...

— Никакого недоразумения нет. Повторяю — вы напрасно беспокоились.

— Нам необходимо поговорить, чтобы...

— Нет, сударыня! — перебил ее жестко Сандро.

— Ну, так... Тогда до свиданья...

— Всего хорошего! — заключил Сандро и захлопнул дверь перед носом у Кето.

Несколько мгновений Кето стояла, ошеломленная, на площадке лестницы, силясь осознать, уразуметь все, происшедшее с нею за по-

следние час-полтора. Потом, шатаясь, спустилась по лестнице. Сандро не пожелал даже выслушать ее извинения. Значит, и здесь порвалась последняя нить..

Что же еще пишет Зураб? Ах да, вот что: «У меня нет тайн от Марты, и твое письмо я передал ей». Вот что пишет Зураб. Значит, Марта, зерно, уже прочла ее письмо. Кето умоляла Зураба ничего не говорить Марте. Но Зураб не пощадил, выдал ее. Ах, какой стыд! Удивительная женщина Марта! Ничего не дала почувствовать Кето, и лишь в последнюю минуту передала ей письмо Зураба.

Кето и сама не знала, как и почему вдруг очутилась на берегу реки. Она стояла, застыв на месте, и не сводила неподвижного взгляда с мутных волн.

Кому она еще нужна? И кто ей нужен? Никому... Никто...

Что же у нее еще осталось на свете? Ничего! Все кончилось, уплыло, ушло. Ну, так — сейчас! Тут же... Сразу...

«Боже, прости и помилуй!..»

Раз... Два... Три...

Мелькнуло в воздухе легкое платье, и расступившиеся волны сомкнулись снова.

Умер Акакий Белиашвили. Из грузинской литературы ушел один из больших мастеров художественного слова, автор широко известных и любимых читателем романов «Бесики», «Золотой шатер», «Перевал», «Рустави», многочисленных рассказов и статей. Смерть вырвала из рядов грузинских писателей чуткого и проникновенного творца, который находился в расцвете творческих сил. В этом году в журналах «Мнато-би» и «Литературная Грузия» печатался новый роман А. Белиашвили «Швидкаца». И пусть писателю не удалось довести до конца свой замысел, в романе все же чувствуется живое биение пульса нашей жизни, с большим мастерством рисуются представители замечательной грузинской молодежи.

Акакий Белиашвили был полон творческих замыслов. Его перо верно служило народу. Память о нем всегда будет жить в наших сердцах.

Кто вас подстриг? Убивший столько сил,
Кто тут корпел? О, кто мольбам не внял?
Кто тень, как коврик, в ноги подстелил?
Кто вас подрезал, кто вас подровнял?

Вот лестница.

Наверх бежит она,
Своим бездушным мрамором маня.
А кедр откуда? Где его страна?
О чем спросить? Поймет ли он меня?

Мне сад чужой! Да и всего скорей
Покажется дворец мне, как и сад,
Чужим! Чужим! Хоть у его дверей
Колонны, как придворные стоят.

Бокалы все расколоты! Вино
Разлито — я и следа не сыскал!
А платья белоснежные давно
Исчезли, как виденья, из зеркал.

Я не хочу из глубины времен
Их вызвать. Я не знаю их судьбы
И кто они! Брожу я. Удивлен:
Деревья, а застыли, как рабы!

Сын труженика, глянув в вышину,
И вовсе не мечтая о дворце,
Навстречу солнцу утром распахну
Свои объятия, стоя на крыльце.

Дрожит на ножке тоненький цветок.
Вся в щелях тень на травке у плетня,
А с неба, с неба рушится поток
Листвы, листвы зеленой на меня.

А здесь под небом, дальним и чужим,
Сам дуб, властитель сумрачных держав,
Подстрижен, раболепно недвижим,
Меня встречает, ветки вверх подняв.

Я знаю, знаю: тропочка в саду
Посыпана толченым кирпичом.
Нет, это путь не мой. Я не пойду
По тропочке подобной нипочем.

Вот сад — как на ладони. Тут он весь.
Отмерена длина и ширина.
Однообразие! Я огорчаюсь: здесь
Не за нее ли воля отдана?

Сердиты на садовника дубы.
Едва вошел я в неподвижный сад —
Заметил сразу: наклонили лбы,
Молчат деревья и отводят взгляд.

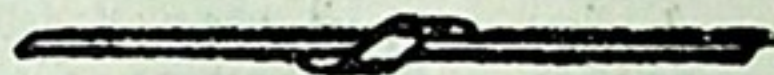

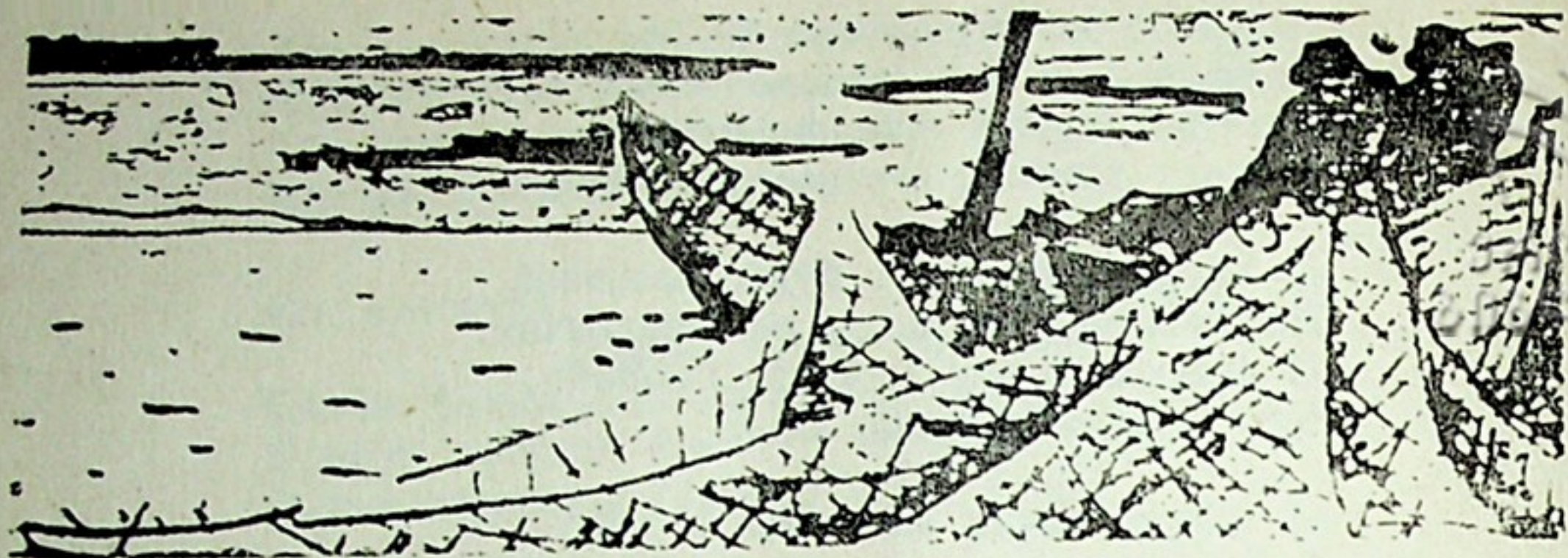
И пруд застыл, как будто неживой.
Не кашляни — воды не всколыхни.
И свесились кусты вниз головой:
Как мученики тощие они.

И только плющ хозяином в дому.
Бежит все вверх, все вверх, не удержать.
Уж вон он где!

Кто знает, почему
Один сумел он ножниц избежать.

Вон лес. И он бы вам рукоплескал
За ваш рассказ. Он не бежит родства.
Стоят дубы у черноморских скал.
Течет с дубов могучая листва.

Александр Сытин

Ночь на озере Палеостоми

Э т ю д

1

На вечерней заре по всему озеру, до самого горизонта, расстилаются цветные зеркала.

Вот направо, далеко-далеко, все пространство ярко-серебряное, на лево холодно-голубоватое, а неотступно, следом за нами, словно стремясь поглотить наши лодки, следует сумрачная темная зелень.

Ветерок, который можно почувствовать только подставив щеку, тянет по озеру рябые полотнища.

На западе, над самой водой, напоминая какую-то старинную картину, пылает малиновая заря, над ней узкой полосой — синие облака, а в вышине, в чистом небе одиноко повисла вечерняя звезда. На востоке небо бледно-зеленое, почти ночное, и разбросаны ярко-белые облака.

Тихое бездумье разлито вокруг над сонной водной гладью. Пулеметный грохот нашего тщедушного моторчика катится вперед к еле видимому берегу.

— Хитрая рыба! Очень хитрая рыба! — говорит бригадир Андро. Это всегдашние самые первые слова любого рыбака, которого вы спросите про кефаль.

Голова у бригадира серебряная от седины. Сам он коричневый и толстый от мускулов. На широкой, открытой нараспашку груди — серебряная густая шерсть. Он родился и состарился на берегу этого озера, но сейчас поглядывает по сторонам так, словно никогда тут не был. По многим одному ему известным приметам (увы, часто обманчивым!) он выбирает место для лова.

Озеро Палеостоми уже давно соединилось с морем, и через узкий рукав сюда из моря косяками заходит кефаль.

Кефаль! Серебряная с лазоревым отливом рыбка, не поддающаяся никаким соблазнам, равнодушная ко всяким приманкам. О промысловой ловле кефали крючками даже нечего и мечтать! По полдня на берегу моря на солнцепеке томится десяток любителей, чтобы хлебным мякишем или морским червячком соблазнить и подцепить пару рыбешек на крючок.

Однако в характере этой серебряной рыбки имеется слабость: кефаль — слишком впечатлительная, нервная рыбка.

У любителей во время ловли не

позволено не только шуметь, а даже разговаривать. Стоит только вам произнести слово, как сосед-любитель, застывший над своей удочкой, злобно зашипит.

Хитроумные приспособления рыбаков рассчитанно, обдуманно «бьют по нервам» серебряной нежной кефали.

Рыбаки не пользуются приманками, они охотятся за кефалью!

2

Бригадир поднял руку. Моторчик чихнул и заглох. Ближайшая к нам пара лодок разъединяется. Рыбаки гребут, сгибаясь в дугу, другие выбрасывают невод, но вся работа протекает удивительно бесшумно, без единого всплеска. Невод большой, длиной метров триста, но обе лодки, расходясь в разные стороны, быстро описывают огромный, очень правильный полукруг. Какая сработанность! (А ведь ни на одной лодке нет рулевого!) Так же дружно они расстилают невод в глухую ночь, когда перед самым лицом еле различаешь свою руку.

Бригадир снова подает сигнал, и моторчик оглушительно грохочет. Наша лодочка срывается с места и описывает огромную дугу перед разверстой пастью невода.

Рыба воспринимает звук всем телом. Нежная, нервная кефаль, услышав пулеметную стрельбу нашего чахлого моторчика, мчится прочь, стремясь уйти как можно дальше, и влетает в пространство, охваченное сетью. Однако шум мотора считается недостаточным. Мы с мотористом хватаем гаечные ключи и, как сумасшедшие, колотим ими по обитому железом носу нашей лодки.

Мы загоняем рыбу в сеть. Рыбаки гребут изо всей силы. Дорого каждое мгновение. Как можно скорее надо свести концы и замкнуть невод. Иначе рыба успеет добежать до самого конца длиннейшего мешка, которым заканчивается невод, и быстрее птичьей стаи вся до еди-

ной вернется назад и выпорхнет из нашей западни.

Невод сомкнулся. Бригадир засученным рукавом вытирает потный лоб.

Поверх бортов двух лодок рыбаки закрепили широкую доску с двумя отверстиями. Бригадир просунул два длинных шеста в отверстия, глубоко воткнул шесты в дно озера и закрепил лодки на месте.

На носу каждой лодки уселись гуськом по два рыбака. С ритмичностью большого маятника четверо сильных мужчин одновременно склоняются вперед до отказа и, медленно откидываясь назад, выбирают невод.

От лодок, вдоль поплавок невода, разостлана по воде широкая тростниковая дорожка метров в семьдесят длиной.

Напротив дорожки, бортами вдоль сети, пристроились остальные три лодки.

Уже несколько минут выбирают в лодки невод. Исполволь, медленно, осторожно. Сети не видно, но мы догадываемся, что сейчас происходит там, внизу, в темно-зеленой воде.

На кефаль стеной двинулась сеть. Спасаясь от нее, рыба бежит в нашу сторону. Вверху, вдоль сети, она видит широкие длинные тени.

Кефаль—сильная рыба! Ей ничего не стоит выброситься из воды и перемахнуть через опасный предмет, который дает эту тень, и уйти на свободу! Но кефаль — нервная рыба и потому часто прыгает не столько вперед, сколько вверх, как только может выше.

Шлеп! Наши расчеты правильны. Крупная серебряная рыбина взвилась над сетью и грузно бухнулась на золотистую цыновку. Рыба трепещет, сверкает и пробирается к краю дорожки, но края вдоль дорожки коварно загнуты внутрь. Рыба забирается под этот край и громко бьется. Крупная рыба обычно более осторожна и решительна и потому первой пытается вырваться из западни.

Сети не видно. Кругом полная тишина. По молчаливому приказанию бригадира временами даже перестают тянуть сеть, чтобы кефаль спокойно подошла к лодкам. Но кажется, что рыба выпрыгнула сама, случайно.

Бах! Бах! И еще две крупные рыбины затрепетали на дорожке.

Вот выпрыгнула небольшая рыбка и далеко поскакала по воде, как плоский камешек, запущенный сильной ловкой рукой.

— Дуй! — сочувственно кричит кто-то из рыбаков.

Теперь каждую секунду из воды десятками выпрыгивают рыбешки и мчатся вприпрыжку по воде в разные стороны. Очень многим удается перепрыгнуть через веревку невода и спастись. Иные рыбки, выпрыгнув из сети, еще долго продолжают свой шлепающий бег по воде.

Вдруг у меня перед самым лицом мгновенно возникает что-то огромное, серебряное.

Не отдавая себе отчета, бью рукой по этому серебряному. Крупная рыба в несколько килограммов с грохотом проваливается в дыру, где внизу установлен моторчик. Эта часть нашей лодочки называется «машинным отделением». Рыбина жестоко бьется о железо и вся покрывается кровью. Даже смотреть жалко!

— Это — лобан! — тихо объясняет рыбак, который сидит совсем близко в соседней лодке и тянет невод.

— Опасная рыба! Пересядь сюда, выше! — говорит рыбак. — Ты на плохом месте сел! Рыба на свет прыгает. Нехорошо! Лобан ударить может! Двигайся сюда! Ближе!

Рыбак вполголоса повествует об увечьях, которые причинил лобан его товарищам.

Один рыбак уже год лежит в госпитале. Лобан влетел в лодку и раздробил ему голень. У бедняги начался туберкулез кости. Другого лобан так ударил в живот, что здоровенный парень часа полтора был

в обмороке, а потом навсегда отказался от рыбной ловли. Третьего лобан ударил в грудь и выбросил из лодки. Конечно, все эти случаи произошли не подряд, не сразу, а за несколько лет, но все же осторожность никогда не мешает. Лобан под водой делает сорок километров в час, а когда вырвется на воздух, наверное, и все шестьдесят!

— Один раз ко мне в лодку влетел лобан, — вспоминает рыбак, — так ударился о борт, что у него глаза вылезли. Хорошо, что в ногу мне не попал. Опасная рыба! Сиди здесь, тут не попадет!

Моторист, перегнувшись через высокий борт лодки, низко склонился над водой, держится рукой за сеть, чтобы лодка не отходила от невода. Небольшая кефаль вырвалась из воды и ударила моториста в лицо. Звук получился громкий, как от мужской затрещины. Оттолкнувшись от лица моториста, рыбка, как акробат, перевернулась в воздухе, шлепнулась тут же, но уже по ту сторону невода, и ушла!

И вдруг, словно ни с того ни с сего, на всех нас сверху сыплется рыба. Она падает на дорожку и в лодки. Рыба стучается о грудь, о руки, о ноги, глухо стучит о борта и трепещет в лодках.

Хитрить больше незачем. Напрягаясь из последних сил, рыбаки быстро подтягивают мотню невода и вытаскивают ее на доску. Оглушительный треск трепещущей рыбы наполняет воздух.

3

На лодке бригадира горит дымный факел. В небе ярко сияют крупные теплые звезды. Бригадир молчит, рыбаки молчат.

Лодка берет на буксир всю нашу маленькую флотилию и с грохотом устремляется куда-то в кромешную тьму. Бригадир подает команду. Снова заводят невод. За каждым ударом весла в воде клубится мутновато-зеленое пламя.

Ночью пространство, окруженное

неводом, кажется огромным. Сейчас оно во всю глубину вспыхивает огненными зелеными извивами и зигзагами. Это мечется окруженная рыба!

Невод охватил целый косяк! Сеть в воде при каждом колебании то вся горит зеленым огнем так, что видна каждая ячейка, то гаснет и исчезает.

На дорожку из темноты валится столько рыбы, что кажется, она вот-вот перевернется или вовсе утонет под тяжестью.

Глухой удар. Крупная рыба прыгает рядом со мной на крыше нашего «машинного отделения». Борт здесь очень невысокий. Лобан подпрыгнул. Каждую секунду он может упасть в воду. Я хватаю его обеими руками. Скользкий лобан весь покрыт слизью. Он очень толстый и сильный. Я жестоко наколол ладонь, до крови распорол пальцы об его острый гребень и невольно выпустил рыбу. Однако лобан не успел прыгнуть за борт. Я сорвал с головы шляпу и накрыл ею лобана.

Подходит лодка, в которую сваливают улов. Я бросаю в лодку две крупные рыбины.

Это мой пай! Если я и был когда-нибудь еще так счастлив, так только в далеком детстве. Правда, вся моя шляпа облеплена крупной чешуей и вымазана слизью. Но черт с ней, со шляпой!

У нас половина лодки кефали, а улов в сто килограммов уже считается хорошим!

— Сейчас прямым сообщением домой, — хвастливо выкрикивает моторист.

Моторчик чихает, стреляет и тут же глохнет.

Усталые и продрогшие люди почти все спят кто где попало, даже на мокрых сетях.

Скоро рассвет. Стало очень холодно. Лодка течет. Ботинки давно промокли. От холода начинает трести противной мелкой дрожью. Моторист банкой вычерпывает воду, недобрым словом поминает плотников, которые именуют себя корабельщиками, и вновь бросается к мотору.

Из темноты кто-то с иронией говорит, видимо, обращаясь к мотористу:

— Мы все знаем и все можем, но только у нас ничего не получается. Моторист молчит. Он стоиче-

ски переносит насмешку, жжет бумагу и сушит свечи.

Ветерок усиливается. Появились небольшие волны. Лодки стучат одна об другую.

Кто-то неспеша рассказывает, как в прошлом году внезапно сорвался такой шторм, что временами озеро расступалось, и даже вдали от берега бывало видно обнаженное дно. В тот раз рыбаки бросили сети и лодки, перебрались на моторный бот и пошли под ветер к чужому берегу. Через два дня вылавливали перевернутые лодки и плавающий невод.

Наконец все разговоры затихли, и огоньки сигарет погасли. Рыбаки спят...

4

Неширокая река Кабарджа, по которой мы возвращаемся домой, вся, от берега до берега, загромождена отражениями.

По обоим берегам, у самой воды, сплошной зеленой стеной стоят пышные кусты, а за ними высокие кудрявые деревья. В предрассветных сумерках их отражение достигает середины зеркальной реки. Кажется, лодка сейчас сходу разобьется вдребезги о бревно, которое лежит на воде поперек нашего пути!

Нет! Это только призрак! Отражение с берега... Лодка уверенно режет зеркальную гладь, всю словно заваленную стволами деревьев и зелеными ветвями.

Рыбаки спят непробудным сном. Трудно каждую ночь подряд проводить в такой работе.

Как много требуется от охотника за кефалью! Как всякий рыбак, он должен обладать терпением хорошей модистки, чтобы чинить бесконечные сети, уметь вязать новые с такой скоростью, что челнок мелькает в руках, вить канаты, насаживать сети и грести, как спортсмен.

Охотник за кефалью умеет из срезанного высушенного тростника сплести очень плотную цыновку, метра в два шириной и в семьдесят длиной, и при этом без малейшей кривизны.

А листья тростника остры, как бритва, и иногда так сильно и глубоко ранят руки!

Мы останавливаемся у причала.

Бригадир отказывается от корзинок, которые вмещают только по тридцать килограммов рыбы, и требует ящики. Произносит он это с таким видом и таким тоном, словно в дорогом ресторане заказывает несколько дюжин шампанского.

Нет! Он не кажется смешным, этот седой бригадир, босой, коричневый, весь толстый от мускулов. Приносят ящики.

— Пять по сто! Полтонны! И еще три корзины по двадцать пять!

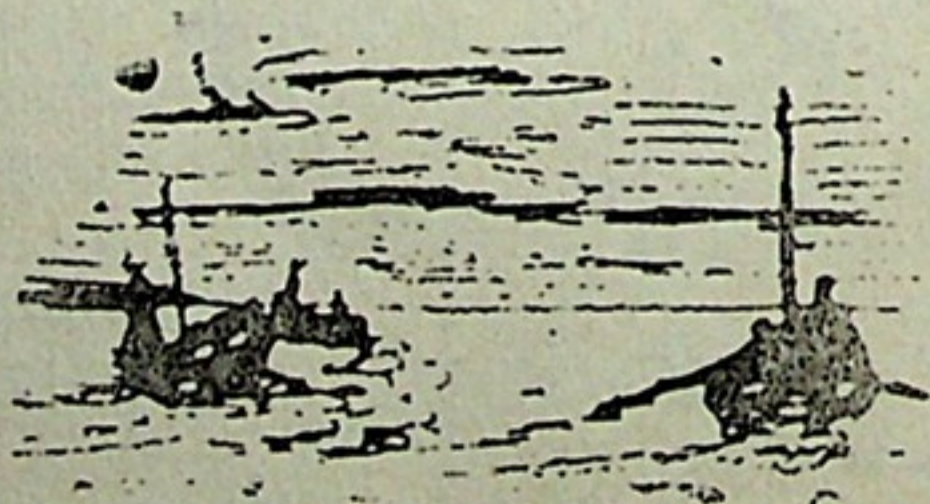
Бригадир бережно поднял с весов среднего размера кефаль самого дорогого сорта и обратился ко мне:

— Слышал сказку про золотую рыбку?

— Слышал, — отвечаю я.

— Вот эта рыбка не золотая, а только серебряная, зато настоящая!

И бригадир широко взмахнул рукой в сторону сверкающей серебром груди кефали.

Михаил Квливидзе

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

Когда семнадцать было мне,
меня убило на войне...

И слово, бывшее в начале,
я не успел произнести.
Друзьям последнее прости
в прощальной не сказал печали.

И через двадцать лет стою
на месте старого свиданья,
седую голову свою
воспоминаньями туманя...

Как сократить к былому путь,
чтоб юности рукой коснуться?!
Вернуться — проще, чем вернуть,
вернуть — труднее, чем вернуться.

Пусть коротка моя рука
и глубока былая рана, —
смеяться надо мной пока,
жалеть меня, пока что рано.

Не остудив душевный пыл,
люблю земно, люблю крылато,
все то, что недоощутил,
не прожил, не познал когда-то.

Свободно сердце от обид,
и зависть вырвана, как жало...
Но кто из вас мне возвратит
все то, что мне принадлежало?!

В ЧАРГАЛИ

На пульс природы
руку положа,
к биению недр прислушался устало.
А имя, как могучее «ваша!»¹
над горным краем
гордо нарастало.

Важа!..² Как хлеб насущный мы берем
прославленное имя в путь далекий.
В Чаргали, опаленный сентябрем,
опять брожу и повторяю строки.

Нет! Ни одно доньше не мертво
из слов, когда-то им произнесенных...
От каламани³ стоптанных его
ищу следы за хижинкой на склонах.

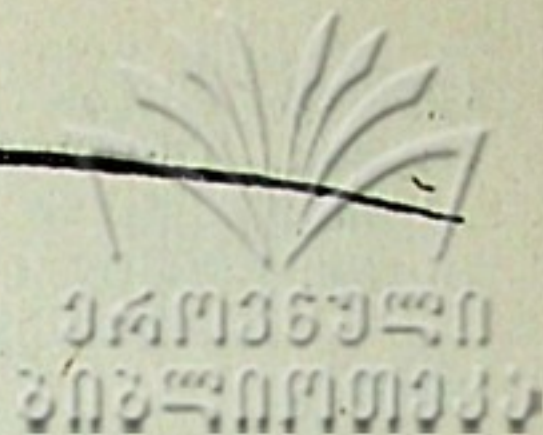
Перевод с грузинского А. Межирова

¹ «Ваша!» — «Ура!»

² Важа — великий грузинский поэт Важа Пшавела.

³ Каламани — обувь из сыромятной кожи.

Георгий Голетиани

Первокурсники

«Поговорите со студентами, которые пришли в техникумы и институты с производства. Какие это замечательные люди! Упорные, волевые, жадные до знаний, они приобретают знания, чтобы лучше трудиться на благо общества, а не в качестве свадебного приданого, не для успокоения некоторых родителей, считающих «трагедией», что их сын или дочь не имеют диплома».

(Н. С. Хрущев. «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы»).

Небо долго хмурилось, грозясь разразиться дождем. Но вот потянуло свежим ветром, листья на деревьях дрогнули и затрепетали; их мягкий и робкий шелест почти не был слышен среди грохота, скрежета и гула, которые день и ночь стояли на строительной площадке Ладжанурской ГЭС. Ветер разорвал серую пелену, нависшую над землей, обнажив голубой лоскуток неба.

Рабочий день на стройке в разгаре: по шоссе мчатся нагруженные стройматериалами машины, на пригорке натужно урчит мощный трактор с бульдозером, на крышах новых зданий кровельщики громяют железом, из неглубокого тоннеля слышен непрерывный дробный стук отбойных молотков.

— Ты бы, Тариэл, отдохнул маленько. Себя не щадишь и нас вогнал в пот, — с упреком сказал чумазый парень своему товарищу.

— А я думал, вы крепкие ребята, — ответил Тариэл Твилдиани.

юноша двадцати лет, среднего роста, с высоким открытым лбом и черными кустистыми бровями, под которыми блестели живые карие глаза.

Другой юноша, опираясь всем корпусом на лопату, поправил фонарь и тихо сказал:

— Ты, Тариэл, обязательно напиши, как тебя в институте встретят. Мне это интересно. Через год-два и я поеду в Тбилиси. Только я в политехнический хочу. Мне твоя филология ни к чему.

— Конечно, напишу, — серьезно ответил Твилдиани.

— Выходит, в последний раз отбойный молоток держишь, Тариэл?

— Кто его знает — вот провалюсь на экзаменах...

— Брось шутить! С твоим упорством горы можно сдвинуть.

Твилдиани усмехнулся и ожесточенно налег на инструмент. Снова застрекотал отбойный молоток. Обломки породы с шумом посыпались вниз.

Друзья, обливаясь потом, стали

грузить вагонетку. Вскоре заревела сирена. Твилдиани посмотрел на товарищей, легко поднял отбойный молоток, улыбнулся:

— Шабаш, ребята! Теперь отдыхайте.

У центральных мастерских их догнал веснушчатый мальчик в бескозырке и полосатой тельняшке.

— Товарищ Твилдиани, вас начальник просит, — сказал он.

Тариэл попрощался с товарищами и, шагая широко и уверенно, направился к зданию канцелярии.

Начальник строительства, худой сутулый мужчина, не спеша приладил очки к горбтому носу и протянул Тариэлу характеристику:

— Мы тут написали все, что ты заслужил. Надеюсь, не уронишь чести нашего коллектива.

— Не подведу, Мирон Степанович. Я хочу учиться. И буду хорошо учиться, — сказал Твилдиани.

— Ну что ж, дело это хорошее, — согласился начальник. — А в бригаде ты себе смену подготовил?

— Иван Челидзе вполне может стать бригадиром. Парень он боевой, инициативный.

— Посмотрим, — покачал головой начальник. — Ты, Тариэл, крепко знамя держал. Шутка ли, десять месяцев подряд. А теперь?

— Удержат! Наши ребята удержат, Мирон Степанович, — уверенно произнес Тариэл и, бережно сложив характеристику, спрятал ее в карман гимнастерки.

* * *

Полуторатонка, доверху нагруженная мешками с пшеничной мукой, петляла по извилистой ухабистой дороге, вздымая тучи пыли. Сидевшие прямо на мешках в кузове сваны затянули любимую хоровую. Внизу, теснясь меж прибрежных валунов, лениво текла Цхенисцкали, сверху, прямо над головой, грозно нависали голые скалы. Куда ни кинешь взгляд — всюду неприступные горы, одна выше другой.

Обогнав несколько арб, машина проскочила мост и стремительно въехала в Лентехи. Тариэл раза два стукнул ладонью по крыше кабины, полуторатонка заскрипела колесами, остановилась неподалеку от дома. Тариэл

спрыгнул на землю, степенно огляделся, зашагал к знакомой калитке.

— Ни пуха ни пера, — дружно пожелали ему попутчики, успевшие в дороге разузнать о его планах.

Из приоткрытого окна двухэтажного деревянного дома, утопающего в густой зелени, выглянула женщина лет пятидесяти. Увидев Тариэла, она обрадованно всплеснула руками, вмиг сбежала по лестнице, встретила юношу у порога, обняла, поцеловала, прижала к груди.

— Уволился? — спросила она, заглядывая сыну в глаза.

— Уволился, мама, и завтра уезжаю...

— Хоть на недельку останься, отдохни немного, — сказала она.

— Не могу, никак не могу, мама, скоро экзамены.

Зашли в комнату. Тариэл скинул запыленный комбинезон, майку, умылся до пояса.

Раздался стук в дверь и, не дожидаясь приглашения, в комнату вошел дядя Алпез, председатель лентехского колхоза.

— Так, значит, едешь, Тариэл? — спросил он, хлопнув парня по плечу.

— Завтра, дядя Алпез.

Алпез прошелся по комнате, насупился и сказал, вздохнув:

— Знаешь что, Тариэл? Махни-ка ты рукой на этот институт. Неучей он выпускает.

— Что ты, дядя!

Алпез подошел к окну, распахнул его настежь.

— Вот полюбуйся, Тариэл, наш агроном Ломидзе битый час мучается, а трактора завести не может. Чему его там, в институте, учили?

Тариэл обиженно посмотрел на дядю. Не вытерпев, сорвался с места, стрелой сбежал по лестнице, перемахнул через забор, подбежал к агроному, давнему своему приятелю.

— Что, туго приходится?

Ломидзе отер рукавом пот со лба и горько сказал:

— Как не будет туго, когда корову и быка здесь впервые увидел, а трактор лишь по картинкам в институте изучал. Порой мне хочется бросить все и бежать, бежать без оглядки. Какой я агроном, когда любой здешний парнишка уму-разуму меня учит, а я только ушами хлопаю. Тео-

рией я овладел неплохо, а вот с практикой не в ладу.

— Люди наши помогут тебе, Ираклий, обязательно помогут, — успокаивал Тариэл. Он взялся за ручку, резко повернул. Мотор кашлянул раз, другой и тут же заглох. Тариэл крутил ручку изо всех сил, но все без результата. Тогда он полез в мотор и принялся копать там.

— Ну-ка, Ираклий! — показал он глазами на ручку.

Ломидзе крутнул ее, трактор вздрогнул, дал несколько гулких очередей, и потом равномерно застучал, вздрагивая, как норовистый конь.

— Золотые руки у тебя, парень, — благодарно взглянув на Тариэла, произнес Ломидзе. — Жаль, что ты уезжаешь! Будь другом, зайди в Тбилиси к нашим, передай отцу это письмо. Живут они в центре, на проспекте Руставели.

— Хорошо, обязательно зайду.

Тариэл пересек двор, поднялся в комнату и сказал дяде, как бы между прочим:

— Об одном прошу тебя, дядя: пока Ираклий не освоится с новым делом, помоги ему. Ведь практики и опыта у тебя хоть отбавляй.

Алпез отер платком лысину, растегнул ворот сорочки и только затем, словно нехотя, ответил:

— Да, у других занимать не приходится.

* * *

Твилдиани с трудом протиснулся сквозь встречный поток хлынувших в вагон носильщиков, соскочил на перрон, спустился по лестнице в тоннель и вышел на привокзальную площадь.

Так вот он, Тбилиси — город, с которым связаны его юношеские мечтания и надежды на будущее.

Тариэл подошел к милиционеру и нерешительно спросил:

— Скажите, пожалуйста, как мне добраться до пединститута?

— Трамваем.

Через час Тариэл сдал документы секретарю приемной комиссии и получил ордер в общежитие студгородка.

Район Ваке — детище советской Грузии. На склонах невысокой горы вырос новый район Тбилиси с ансамблем многоэтажных домов. Здесь

находился и студенческий городок — комплекс общежитий студентов высших учебных заведений. Двенадцать длинных двухэтажных корпусов, как близнецы, похожие друг на друга, выстроились в безукоризненную шеренгу. Перед ними раскинулись цепочкой ветвистые красавцы-платаны с широкими лапчатыми листьями.

Тариэл оставил чемодан в комнате, на которую ему указал комендант, и вышел. Трамваем доехал до Верийского базара, дальше решил пройти пешком. Проспект Руставели, всегда живой, шумный, многолюдный, утопал в зелени. Тариэлу некуда было спешить. Он с любопытством осматривал витрины, заглядывал в магазины. Наконец, юноша вспомнил, что надо отнести письмо отцу агронома. Разузнав, как легче добраться до улицы, где живет Ломидзе, он вскоре очутился перед его дверьми.

Замок щелкнул, дверь чуть-чуть приоткрылась, показались испуганные глаза пожилой женщины с рыхлым круглым лицом.

— Кого вам?

— Максима Максимовича.

— Он занят, освободится к пяти, — строго ответила женщина и захлопнула дверь перед самым носом Тариэла.

Он недоуменно пожал плечами, спустился по лестнице.

Долго слонялся Тариэл по улицам Тбилиси. В половине пятого он вернулся, устало присел на скамейку во дворе.

В квадрате окна второго этажа показалась полная круглолицая женщина. Она закричала так, словно звала кого-то в дремучем лесу:

— Котик, Котик, где ты?

Под навесом, в углу двора, увлеченно играли дети. На зов женщины никто из ребятишек не откликнулся. Она закричала еще громче:

— Котик! Котик! Я тебе покажу, паршивый мальчишка! Я тебя...

Котик, шустрый светловолосый мальчик лет четырех, с круглым лицом и тонкими ручонками, капризно скривил губы и плаксиво ответил:

— Не мешай, мама, я играю!

Через несколько минут женщина вновь появилась в окне и ласково, словно ничего не произошло, позвала:

— Котик, дорогой, посмотри, что я тебе купила, — и она показала две плитки шоколада.

— Мама, мамуся, кинь! — Мальчик подбежал к окну.

Женщина оперлась левой рукой о подоконник, приподнялась. Котик решил, что она закрывает окно, протестуяще завизжал и принялся топтать ногами.

В это время Тариэл увидел, как одна плитка шоколада выпала из рук женщины и шлепнулась у ног мальчугана.

— Поднимись, Котик, получишь и вторую, — мать старалась задобрить сына.

— Пока хватит, — крикнул Котик и побежал к детям.

Ровно в пять Тариэл поднялся на второй этаж и нажал на кнопку звонка. Английский замок щелкнул, дверь отворилась.

— Я к Максиму Максимовичу, — сказал Тариэл. Но не успел он договорить, как его оттеснил юноша лет восемнадцати, с черными, искусно подбритыми усиками и гривой давно не стриженных волос.

Тариэл удивленно пожал плечами и вошел вслед за ним в комнату. Юноша подскочил к высокому зеркалу и поправил галстук. На нем были узкие, в обтяжку, брюки и коричневые туфли на толстой подошве, мешком висел на худых плечах серый однобортный пиджак. Отойдя от зеркала, юноша снял пиджак, швырнул его на диван и зашагал по комнате, будто не замечая ни гостя, ни хозяйку. Потом достал папиросу, как-то захватски взмахнул рукой и, описав полукруг, зажег спичку, прикурил.

Со двора слышались детский крик, ругань и отчаянный плач. Хозяйка бросилась вниз. Тариэл подошел к окну.

Окруженные со всех сторон детьми Котик и какой-то мальчик кричали изо всех сил, визжали и кривлялись, передразнивая друг друга.

Мать стремглав бросилась во двор и с разбега разорвала круг ребятшек. Схватив одного мальчика за шиворот, она дернула его за ухо.

— Тетя Лида, он не виноват, Котик его первый задирает, — сказал какой-то мальчик, боязливо выглядывая из-за лестницы.

— Я тебе покажу, — резко обернулась к нему женщина.

— Заодно и Котику всыпьте, — не унимался малыш.

Наведя во дворе порядок, она поднялась домой и сердито сказала Тариэлу:

— Максим Максимович сейчас занят, печатается его новый перевод, каждая минута дорога.

— Я из Лентехи. Ираклий Максимович просил передать письмо.

— Дайте, дайте скорее, — воскликнула женщина. — Я — мать Ираклия — Лидия Петровна.

— Нет, не могу, оно — личное.

— Что за фокусы! — возмутилась Лидия Петровна.

Она тотчас привела из соседней комнаты полного мучжину с двойным подбородком, бледным, усталым лицом, на котором морщины выткали затейливую сеть, и мутными, как бы заспанными глазами.

— От Ираклия? Ну, как он там поживает? — спросил Максим Максимович, взяв письмо. — Не одумался еще? Мы здесь нашли ему местечко, а он наотрез отказывается: должен, говорит, навозу понюхать, иначе какой из меня агроном. В кого он таким уродился, не пойму, — покачал головой Максим Максимович.

— А вы надолго приехали в наши края? — обратилась к Тариэлу Лидия Петровна.

— Не знаю, думаю поступать в институт.

— Шалва, дорогой, иди-ка сюда. Полюбуйся, человек из Сванетии приехал сюда учиться, а ты... — она подтолкнула сына к гостю: — Знакомьтесь, мальчики.

Шалва безразлично, неохотно протянул руку. Тариэл шагнул ему навстречу и приветливо поздоровался.

— Ты в какой институт поступаешь? — спросила Тариэла Лидия Петровна.

— В педагогический. А ты, Шалва?

— Мне все равно, — ответил он безразлично.

— Ты будешь филологом, филологом-переводчиком. Шалва должен продолжить дело своего отца, — с достоинством произнесла Лидия Петровна, обнимая за плечи сына.

— Значит, вместе будем, — сказал Тариэл.

— Ерунда какая-то, — буркнул Шалва и пожал плечами.

Лидия Петровна предложила сыну:

— Наш гость не знает города, погуляй с ним.

Шалва, который на этот раз не высказал никаких признаков недовольства, и Тариэл вместе вышли на улицу.

Всю дорогу до площади Шалва то и дело громко отпускал шутки, задевал встречных девушек. Тариэл, краснея от стыда, старался удержать его:

— Зачем ты так, это же нехорошо!

— Эх ты, деревенщина! Девчонки только для приличия огрызаются, а на самом деле до чертиков рады, что мы задеваем их.

— Перестань, прошу тебя, — наконец решительно сказал Тариэл.

Впереди показалась залитая солнцем площадь. Перед витриной парфюмерного магазина со скучающим видом стоял длинный, как жердь, юноша, в клетчатой сорочке и коротких полосатых брюках.

— Гуляем? — спросил он, дымя сигаретой.

— Гуляем! — ответил Шалва. — Познакомься, Николай, это гость из Лентехи. Тоже к нам поступает.

— Сван, значит? — спросил тот, улыбнувшись Тариэлу.

Они пожалали друг другу руки.

— Коля, одолжи десять рублей, — попросил Шалва.

Николай поморщился, молча порылся в карманах.

— Может ты, дружок, раскошелиться? — обратился Шалва к Тариэлу.

Тариэл потер переносицу, достал две хрустящие пятирублевки и протянул их своему новому товарищу.

* * *

Приемные экзамены сближают абитуриентов. Так же, как в поезде дальнего следования у попутчиков возникает желание узнать поближе друг друга, так и поступающие в институт за короткий срок порой становятся закадычными приятелями.

Среди новых знакомых Тариэла, тоже сдающих экзамены на филологический факультет, особенно нрави-

лись молодому свану Гиви Кечхуашвили и Светлана Чиковани.

Гиви пять лет прослужил матросом на торговом судне, избородил весь Тихий океан. Весельчак, большой любитель затей, он вечно улыбался, пряча в углах рта озорную хитринку. Новые друзья прозвали Гиви «морским волком», и он, не обижаясь, принял это прозвище. За годы службы на корабле Гиви успел многое забыть из приобретенных в школе знаний, но он умел упорно работать и хорошо подготовился к экзаменам.

Что же касается Светланы Чиковани, то о ней мы расскажем несколько позже.

В саду института на длинной, выкрашенной в темнозеленый цвет скамье сидели Тариэл Твилдиани, Шалва Ломидзе, Светлана Чиковани, Гиви Кечхуашвили, Николай Цнобиладзе. Молодые люди сначала шутили, балагурили, затем раскрыли конспекты. Они засыпали друг друга вопросами, наперебой давали ответы. Порой загорался спор. Каждый хотел блеснуть знаниями и тем самым защитить честь своей школы.

Спор поначалу заинтересовал Николая Цнобиладзе, но вскоре иные мысли завладели им: завтрашнее футбольное состязание — вот о чем думал Николай, вот что волновало, мучило его. Тбилисскому «Динамо» нанесли три поражения подряд. Горечь неудач последних состязаний испытывали многочисленные болельщики. Точно так же, как эхо в стесненном скалами ущелье звучит более раскатисто и гулко, чем самый крик, так и Цнобиладзе сильнее, мучительнее, чем сами игроки, переживал их неудачу. Он самоуверенно размышлял сейчас над планом очередной встречи, намечая игроков, которых непременно следовало вывести завтра на поле, чтобы одержать победу.

* * *

Члены приемной комиссии, страдающие от жары и духоты, не могли в один присест справиться с множеством поступающих в институт. Приходилось экзаменовывать в две смены: утром и вечером.

Твилдиани попал во вторую группу, однако все же не выдержал — пришел утром, когда сдавали Кечхуа-

швили, Чиковани, Ломидзе и Цнобиладзе.

Дверь аудитории широко распахнулась, и доцент Гургенидзе, окинув усталым безразличным взглядом стоящих у подоконника с книгами и конспектами абитуриентов, пригласил двоих.

Ломидзе и Цнобиладзе нерешительно вошли в аудиторию и сели за первую парту. Дверь аудитории закрылась за ними.

Вскоре, победоносно улыбаясь, Ломидзе вышел в коридор и обратился прямо к Светлане:

— Погляди на мою отметку и перестань задирать нос, не только тебе пятерки получать.

— Везет тебе, Шалва, — с улыбкой ответила девушка.

Шалва взглянул на часы, взял Светлану за руку и сказал:

— В честь такой победы не мешало бы погулять.

— А ребята?.. Подождем всех, Шалва.

— Да ну их, — отмахнулся Шалва и почти силой потащил за собой Светлану.

— Нет, не пойду, — сказала она и вырвала руку.

Когда в экзаменационную комнату пригласили новую группу, Тариэл медленно, словно подкрадываясь, подошел к столу председателя и нерешительно потянул билет. Вдруг он вспомнил, что включен в списки второй смены, и замер от страха. Но сразу смекнул, что отказ мог навлечь на него подозрение, и овладевшее им чувство робости вскоре исчезло.

— Скорее берите билет и садитесь, — сказал с кислой улыбкой Гургенидзе. Он небрежно подал Тариэлу мятый лист бумаги и продиктовал несколько предложений.

Вскоре к ним подошли и остальные экзаменаторы.

— Вы какую школу кончали? — спросил Гургенидзе.

— Школу рабочей молодежи в Лентехи.

— Когда?

— В 1951 году.

— Чем занимались эти три года?

— Работал на строительстве ГЭС.

Тариэла смутила явная недоброжелательность, которая слышалась в голосе Гургенидзе. Отвечать начал

он робко, неуверенно, но, встретив чей-то внимательный, дружеский взгляд, подумал: «Да не в лесу же я, а среди людей». И юноша собрался, справился с волнением. Теперь он отвечал бойко, речь лилась ровно, плавно. Гургенидзе задал дополнительный вопрос:

— Расскажите о грамматике грузинского языка Антона Первого.

— Этого вопроса в программе нет, — смутился Тариэл.

— Кто претендует на хорошую оценку, должен знать многое и вне программы, молодой человек, — назидательно сказал Гургенидзе и вписал ровным почерком в экзаменационный лист Тариэла: удовлетворительно.

— Зачислишь таких, а потом хлопот не оберешься, — ни к кому не обращаясь, произнес Гургенидзе, когда Тариэл вышел. — О какой науке можно говорить с таким медведем? Пусть возвращается к себе на стройку, ему лопату держать сподручнее, чем книгу.

— Вы не правы, Савле Поликарпович, — решительно вмешался доцент Камушадзе. — От таких парней больше толку. Они знают жизнь, овладели практикой, приобрели навыки — учиться будут лучше. Рука, привыкшая держать лопату, не уронит и книгу.

* * *

Просторный актовъ зал института заполнен до отказа. Здесь царит какая-то особенная, напряженная тишина.

Директор педагогического института Циклаури поднялся на кафедру и в торжественной обстановке огласил результаты приемных испытаний. Абитуриенты поочередно подходили к кафедре, Циклаури пожимал каждому из них руку, поздравлял и тут же вручал студенческий билет.

У кафедры уже успели побывать Светлана Чиковани, Гиви Кечхуашвили, Ломидзе, Цнобиладзе. Тариэл Твилдиани терпеливо выжидал, поглядывая то на Циклаури, то на билеты, которых все меньше и меньше оставалось у того под рукой. Вскоре Циклаури вручил последний студенческий билет. Поднялся невообразимый шум. Зачисленные, ликуя, поздравляли друг друга. Кто-то, при-

крыв платком лицо, горько плакал. Тариэл Твилдиани, мрачный и насупленный, сидел, плотно сжав губы. Он вспомнил товарищей, заранее поздравлявших его с победой, вспомнил своих школьных учителей, которые считали его умным, способным, прилежным учеником, вспомнил своих друзей на стройке ГЭС, твердо веривших в его силы, и то молодое, ликующее чувство, с которым он приехал в Тбилиси, меркло, исчезало, уступая место изнуряющей душевной боли и разочарованию.

Шалва вскочил со стула и, схватив Светлану за руку, крикнул на весь зал:

— Это событие надо отметить. Поехали, Света, на фуникулер.

— Никуда я не пойду, — решительно ответила Светлана, показывая глазами на Тариэла.

— Это что за новости?

— Обидно за Тариэла...

— Может траур наденешь?

Светлана нахмурилась:

— Бессердечный ты человек, Шалва.

— А ты больно добрая! Что ж, ступай, утешь неудачника, а я лучше кружку пива опрокину!

Светлана, бледная от волнения, села возле Тариэла.

— Пойди к директору и объясни ему все. Циклаури должен понять, что это несправедливо, — с жаром заговорила она.

Тариэл упирался, отказывался, но она настояла на своем.

— Хорошо, попробую, — неуверенно сказал он и, пожав Светлане руку, вошел в битком набитую посетителями приемную директора.

Наконец подошла очередь Тариэла. Учащенно дыша, он вошел в кабинет и заговорил — страстно, взволнованно, отчеканивая каждое слово.

— Приехал я, Ираклий Бахвович, из отдаленного уголка Лентехского района. Шесть лет был на производстве. Строил Ладжанурскую ГЭС. Я хорошо работал — пять благодарностей имею. Три года работал и учился. Сдал экзамены, имею проходной балл. Зачислите меня, даю слово, честное слово комсомольца, быть примерным студентом.

— Работал, говоришь?

— Шесть лет подряд.

— Ну и что же? За работу ты деньги получал.

Циклаури взял у Тариэла экзаменационный лист, повертел его в руках, прочел вслух оценки.

— Вот так, — сказал он решительно, — позаимтесь еще, может, в будущем году вам больше повезет.

Обескураженный приемом директора Тариэл молча прошел длинный коридор и вдруг, словно решив для себя что-то очень важное, сбежал по лестницам. Уже внизу он решительно тряхнул головой. «До свиданья, Тбилиси, до свиданья, институт. Через год опять вернусь», — шептали его губы.

— Здравствуй, Тариэл! — вывел его из задумчивости голос Гиви Кечхуашвили.

— Здравствуй, Гиви, и до свиданья. Через год увидимся снова.

— Послушай, не рано ли ты складываешь оружие? Вот что, давай-ка сходим мы к профессору Чиковани.

— К отцу Светланы?

— Да, он же декан факультета.

— Ну и что с того? Нужен я ему больно, — в сердцах сказал Тариэл.

— Это ты напрасно. Человек он хороший, чуткий. К тому же — попытка не пытка.

Через час Тариэла и Гиви принял профессор Чиковани, пожилой мужчина среднего роста.

Чиковани выслушал Тариэла с интересом, задавал вопросы, касающиеся не только приемных экзаменов, но и всей его жизни.

Разговор затянулся до ночи. Тариэл и Гиви, сами того не замечая, выложили все, что думали о приемных экзаменах...

— Ну, вот что, дорогой Твилдиани. Вас непременно должны зачислить, — сказал Чиковани.

В темных глазах Тариэла зажглась искорка надежды, но тут же погасла:

— Директор мне категорически отказал.

Чиковани в задумчивости барабанил пальцами по столу. Затем решительно взял телефонную трубку, набрал номер.

— Ираклий Бахвович, я по поводу Твилдиани. Ведь у него проходной балл и к тому же — производственный стаж. Этого просто нельзя не учесть... Что вы говорите — институт не рабфак? Поверьте мне, Ираклий Бахвович, чем больше будет у нас студентов с производственным стажем, тем лучше будет для института.

Директор что-то долго говорил. Профессор Чиковани возражал, пытался вставить слово. Но как видно, все было безуспешно. Наконец он сердито бросил трубку.

— Не отчаивайся, парень, мы еще поборемся, — сказал он Тариэлу.

На следующий день Чиковани был в Министерстве просвещения и попросил министра принять его по неотложному делу.

Министр дружески пожал ему руку:

— Садитесь, Андрей Степанович, садитесь. Чем могу служить?

Чиковани подробно рассказал ему о Твилдиани.

— Абитуриента, проработавшего на производстве шесть лет, окончившего школу рабочей молодежи, имеющего проходной балл, не зачислить — это просто самоуправство, — запальчиво сказал он.

Министр обещал профессору выяснить положение и оказать содействие Твилдиани. Они поговорили об институтских делах, и Чиковани, простившись, вышел из кабинета.

Так Тариэл Твилдиани стал студентом педагогического института.

* * *

Наступило первое сентября. Начался новый учебный год.

Шумно и весело было в это солнечное и ясное утро во дворе института.

Раздался первый звонок. Студенты поспешно направились в аудитории, которые теперь походили на огромные гудящие ульи.

У первокурсников филологического факультета первой была лекция доцента Гургенидзе по введению в языкознание. Дав полный перечень пособий, необходимых для усвоения курса, коротко охарактеризовав их, Гургенидзе более подробно остановился на учебнике Чиковани.

— Хотя, — сказал он, — его труд вышел в свет всего несколько месяцев тому назад, он скоро будет запрещен и изъят. Так что за книгу эту не беритесь, запутаетесь в ней... Никакого отношения к настоящей науке она не имеет. Теория Чиковани — результат бесплодной фантазии. Она должна быть отброшена. Отмечу, кстати, что Чиковани оди-

нок. Его никто не поддерживает. За книгу его не беритесь, только запутаетесь в ней и больше ничего.

Светлана, сидевшая за первой партой, порывисто вскочила. Она даже приоткрыла рот, чтобы крикнуть что-то, но усилием воли сдержала гнев и тяжело опустилась на место.

— Нет, я ни за что не скажу об этом отцу! Не буду его расстраивать! — думала Светлана, возвращаясь домой после лекций.

Она даже не поздоровалась с отцом, прошла в свою комнату и легла на кровать.

Андрей Степанович, которого беспокоило необычное поведение дочери, осторожно приоткрыл дверь в ее комнату.

— Что случилось, Света? Не больна ли ты?

— Нет, я здорова.

Андрей Степанович внимательно посмотрел ей в глаза. Не выдержав его взгляда, Светлана всхлипнула и со слезами на глазах бросилась к отцу на шею.

— Па... пап..., что я слы... слышала, — произнесла она, не в силах удержать слезы.

— Успокойся, девочка! Успокойся!

— Папочка, доцент Гургенидзе оскорбил тебя, оскорбил перед всей аудиторией, перед всеми студентами, — и зарыдала так горько, что у Чиковани больно сжалось сердце.

— Света, дорогая моя, напрасно ты расстраиваешься, напрасно. Выступление Гургенидзе полностью подтверждает его бессилие, растерянность и беспомощность, — сказал Чиковани и ласково улыбнулся дочери.

Увидев улыбку на лице отца, Светлана почувствовала облегчение.

Андрей Степанович еще долго сидел у кровати Светланы. Он даже пытался шутить, хотя на душе у него было тяжело... Но разве есть что-либо на белом свете, чего не сделал бы Андрей Степанович ради своей дочери.

Чиковани невольно вспомнил сейчас тот памятный день, когда он с женой пришел в детский дом на одной из окраинных тбилисских улиц.

Директор детского дома обратил их внимание на смуглую черноволосую девочку. Андрея Степановича

поразили тогда глаза ребенка. В них словно застыл ужас.

Андрей Степанович подошел к девочке и, нагнувшись, поцеловал ее в голову. Девочка вдруг заплакала не по-детски горько, почти беззвучно. Казалось, что никакими словами ее невозможно утешить.

Пригласив профессора и его жену к себе в кабинет, директор сказал:

— Девочку эту зовут Светланой. Она украинка, из-под Полтавы. Отец девочки погиб в первые годы войны, а мать недавно умерла здесь, в Тбилиси. Я часто беседую со Светланой, и всегда у меня такое ощущение, будто сердечко ее заледенело от горя и ужаса. Понимаете — заледенело. И вот я спрашиваю вас: сумеете вы его отогреть? Если беретесь за это — тогда мы отдадим вам нашу Светлану.

Андрей Степанович посмотрел на жену и та, утирая слезы, кивнула головой.

— Дайте нам Светлану! — решительно произнес он.

* * *

После курсового комсомольского собрания студенты долго не расходились, ожидая, пока кончится первое заседание вновь избранного бюро. Всюду шутили, смеялись.

— Уже полчаса заседают, — сказал Шота Георгадзе, толстый медлительный парень с черными глазами, со вздохом захлопнув толстую книгу.

— Ничего удивительного! Новый секретарь свой правительственный кабинет составляет. Распределяет портфели. А в таком деле спешить нельзя. Целый год с этим кабинетом придется работать — курсбюро все-таки не французское правительство, — пошутил Кечхуашвили.

В это время в коридор вышел секретарь факультетской комсомольской организации Дзяпшипа и громко объявил:

— Поздравьте Тариэла Твилдиани. Единогласно избран секретарем курсбюро.

Кечхуашвили первым подбежал к Тариэлу, расцеловал его.

— Качать, качать его, — крикнул он.

— Тише, тише, ребята, уроните, — испугалась Светлана.

* * *

Тариэл Твилдиани энергично взялся за дело. На заседании бюро было решено шире вовлекать молодежь в работу спортивных секций. Тариэл вместе с Гиви Кечхуашвили и Светланой Чиковани обратились за помощью к заведующему кафедрой физкультуры.

Тот просмотрел их списки, улыбнулся и сказал неторопливо:

— Не выйдет. Директор иначе рассудил. Он ставку делает на мастеров и перворазрядников.

— Сборная института играет здорово, но масса остается в стороне, вот в чем беда, — возразил Тариэл.

— Программой предусмотрено для физкультуры два часа в неделю. И хватит с вас.

Никто не ожидал, что первое же начинание студентов будет столь неудачным. Однако они не отступили, пошли к секретарю комитета комсомола, затем в партком. «Слово Циклаури — закон, — сказали им коротко. — С директором нашим спорить бесполезно».

— Ну что ж! Раз так, я пойду к директору, — решительно заявил Тариэл.

Циклаури был не один, за столом сидели его заместитель, доцент Кавтарадзе, и завкафедрой физкультуры.

Тариэл вкратце изложил суть дела. Циклаури нахмурился.

— Какой в них толк? Мне нужны спортсмены, которые смогут постоять за честь института, а не новички...

Завкафедрой физкультуры рассмеялся:

— Это верно, Ираклий Бахвович, на них и время тратить обидно.

После минутного молчания заместитель директора сказал негромко:

— Ираклий Бахвович, юноша без спорта — огородное чучело. Сами знаете, в здоровом теле — здоровый дух. Поддержать надо ребят.

Циклаури сдвинул брови.

— Все для лучших команд. Это мой принцип. Мне первое место нужно, а не разговорчики о спорте и здоровом духе.

— Ираклий Бахвович... — начал было Тариэл, но не договорил.

— Все, все, вопрос исчерпан, — отрезал Циклаури.

* * *

Тариэл не пал духом, он был уверен, что правда на его стороне. Значит, надо действовать. Но как? Весь вечер он не покидал институтского двора, исследуя его вдоль и поперек. У гаража Тариэл наткнулся на Чиковани и Кавтарадзе.

— Мечтаете? — спросил Кавтарадзе.

— За этим гаражом есть небольшая площадка. Разрешите, и мы сами построим себе спортплощадку, — горячо заговорил Тариэл.

— Неплохая идея, — поддержал его Кавтарадзе.

— Циклаури откажет, и идея повиснет в воздухе, — Чиковани безнадежно махнул рукой.

— Завтра он уходит в отпуск, и мы сами уладим это дело.

* * *

Воскресник начался рано утром. Работа спорилась. Тариэл и Гиви скинули майки, их мускулистые тела блестели на солнце. Отдыхая, Тариэл тайком, словно боясь быть уличенным в чем-нибудь недостойном, то и дело бросал взгляды на Светлану.

Андрей Степанович не мог скрыть своего удивления размахом работы. Он с уважением смотрел на Твилдиани и Кечхуашвили.

— Какие молодцы!

Кавтарадзе незаметно подмигнул Чиковани, указал на небольшую группу юношей, покачал головой. У худенького студента с засученными по локоть рукавами лопата буквально вываливалась из рук, хотя паренек и старался не отставать от других.

Тариэл подошел к нему, сказал с улыбкой:

— Так у тебя ничего не выйдет.

Студент смутился:

— В первый раз лопату держу.

— Ну, смотри, — сказал Тариэл, — ты держишь лопату, как ложку.

Все рассмеялись. И неумелый паренек тоже рассмеялся. Светлана с улыбкой посмотрела на Тариэла и вдруг сделала для себя открытие: «А он красивый. Сильный... и красивый».

К работающим подошел, заложив за спину руки, Шалва Ломидзе.

— Привет трудящимся. И на вас накинута ярмо?

— Явился начальник работу принимать, — отозвался Гиви.

Тариэл, не выпуская из рук лопаты, подошел к Шалве:

— Что, не по чину работа?

— Болен я.

— Что-то не видать по тебе.

— А ты врач? — огрызнулся Шалва и пошел к воротам, словно все, что делали сейчас товарищи, его ни в какой мере не касалось.

Светлана отбросила кирку, поправила спадавшую косынку и, догнав Шалву, сказала с укоризной:

— Как не стыдно! Кроме тебя и Николая все работают. Бери кирку...

— Только этого не хватало!

— Это не по-товарищески, Шалва.

— Так и быть, поработаю немного, но только ради тебя, так и знай.

— Не ради меня, а ради дела.

— Ладно, не агитируй.

— Давай сюда молоток, — самоуверенно сказал Ломидзе и, скинув пиджак, полез по приставной лестнице. Добравшись до баскетбольного щита, стал прибивать кольцо, но обернулся неосторожно, оступился и полетел вниз.

— Светлана, врача! — крикнул Тариэл. Он поднял Шалву с земли, взвалил на себя и, пригнувшись, понес к скамье.

Студенты бросили работу, обступили Шалву. Не прошло и пяти минут, как прибежал, запыхавшись, старенький институтский врач. Чиковани, волнуясь за Шалву, отвел в сторону врача и тихо спросил:

— Серьезный ушиб?

— Да нет, пустяки, до свадьбы заживет, — шутя ответил тот.

Ребята вновь приступили к работе.

Перед закатом солнца баскетбольная площадка была уже готова.

— Поиграем, — предложил Тариэл.

Студенты шумно поддержали его.

* * *

Первый день пребывания в Тбилиси оставил в душе Тариэла глубокий след. Поведение Ломидзе на улице наводило его на мысль о том, что комсомольская организация должна интересоваться поведением студентов не только в институте, но и на улицах, в парках, скверах и других об-

ществленных местах. Но с чего начать? Тариэл посоветовался с Гиви и Светланой.

— Начнем патрулировать на улицах, — предложил Гиви.

— Военные порядки ввести задумали? — недоверчиво произнесла Светлана.

— Я, Светлана, в смысле дежурства на улицах, — смущенно пояснил Гиви.

— А знаешь что, Гиви? Если нам с милицией дружбу завести, польза будет и нам и им. Представь себе — по проспекту шагают милиционер и студент с красной повязкой. Сам этот факт о многом говорит, — сказал Тариэл.

— Попробуем, — согласился Гиви.

Инициативу курсового бюро подхватили в комитете комсомола, и через три дня в актовом зале состоялась встреча работников милиции и студентов.

Секретарь комитета, Гедеон Гогичайшвили, смуглый, ладный молодой человек, составил список, затем сказал:

— О назначении групп соблюдения порядка говорилось немало, пора перейти к делу. На проспект Руставели выйдет дружина в составе Твилдиани, Кечхуашвили, Купарадзе. На улицу Ленина — Дзяпшипа, Вадачкория, Нахуцришвили. В парке имени Кирова — Хурция, Васадзе, Джикия.

— Вопросы будут? — спросил Гедеон.

— Желательно и девушек включить в списки. Они лучше нас смогут воздействовать на нарушителей порядка, — сказал кто-то.

— Правильно, правильно, — подхватили остальные.

— Кого бы ты хотел в бригаду, Твилдиани? — спросил Гедеон.

— Светлану Чиковани.

— А кто будет с вами? — спросил Гедеон у Дзяпшипа.

— Валентина Цховребова.

— А со мной Инесса Хубуа, — произнес Васадзе, командир третьей группы.

* * *

Проспект Руставели — краса и гордость Тбилиси. И нет ничего удивительного в том, что он — любимое место прогулок горожан. Помните, как у Николая Тихонова сказано:

Не буду с тобой совещаться о деле
И славить иль в честь твою пить, —
Я просто люблю на проспект Руставели
Без всяких забот выходить.

В шесть часов вечера Твилдиани, Кечхуашвили, Купарадзе и Чиковани пришли к театру оперы и балета и разыскали милиционеров.

— Товарищ Твилдиани, — сказал сержант милиции, — дежурить будем вместе, но знайте — хозяева вы, а мы так, вроде ваших помощников. Туго придется — зовите на помощь.

— Так будет лучше, — согласился Тариэл.

Казалось, все жители Тбилиси вышли сегодня на проспект погулять после работы, подышать воздухом. И только одна группа крикливо одетых парней нарушала вечерний покой. Среди них были и наши знакомые — Ломидзе и Цнобиладзе.

Они стояли на углу, у кинотеатра, глазели на девушек, задевали их.

Вот вдали показалась высокая, красивая девушка.

— Наконец дождались! — крикнул Ломидзе, рассчитывая привлечь ее внимание.

— Ну и ножки, это я понимаю! — произнес нараспев Цнобиладзе.

Девушка бросила на хулиганов презрительный взгляд и прошла мимо.

Из магазина вышла полная женщина. Один из «стиляг» поднял руки и произнес под смех своих дружков:

— Смотрите, глобус проглотила! Женщина обернулась, покачала головой и пошла дальше.

В это время к ним подошли Тариэл и его друзья.

— Сейчас же по домам, или я вызову милицию! — потребовал Тариэл. — А вам, Шалва и Коля, придется еще ответ держать.

* * *

Профессор Чиковани прервал свою лекцию и с высокой кафедры внимательно и строго посмотрел на двух студентов. Им не сиделось. Он давно обратил внимание, что они то и дело поглядывали на часы, переговаривались и всем своим видом показывали, что им скучно. Чиковани сделал им замечание и велел после лекции зайти в деканат.

У себя в кабинете Чиковани еще

раз оглядел парней с ног до головы и спросил:

— На кого вы похожи?

— Как на кого? На самих себя, — нерешительно пролепетал Ломидзе.

Цнобиладзе потупился и молчал.

— Неспроста я вас вызвал, ребята, — сказал Чиковани. — Хочу понять, почему вы скучаете на лекциях. И еще хочу спросить вас: вы студенты или нет? Ваша внешность раздражает всех, вызывает презрение к вам. В трехдневный срок приведите себя в порядок. И прежде всего постригитесь.

— Ох и придира! — сказал Шалва, когда они вышли из кабинета.

— Много ты понимаешь. Он добра нам желает, — тихо ответил Николай.

— Что, пасуешь?

— Нет, не пасую, а правду говорю.

Несколько дней Шалва и Николай не появлялись в институте. Узнав от Тариэла об их поведении, Чиковани решил поговорить о них с Кавтарадзе, который вел курс древнегрузинской литературы.

— Ничего их не интересует, Андрей Степанович, — сказал Кавтарадзе. — Цнобиладзе хоть спортом увлечен, а этот Ломидзе — просто пустое место...

В кабинет заглянул Гургенидзе.

— Заходите, заходите, Савле Поликарпович, кстати, вы нам нужны. Мы о Ломидзе и Цнобиладзе беседуем. Что скажете о них? — обратился к нему Кавтарадзе.

— Не понимаю вашего вопроса. Я ведь не воспитатель детского сада, а лектор высшего учебного заведения. Нам уже давно пора покончить со школярством.

— Савле Поликарпович, лектор, не видящий за конспектами живых людей, не интересующийся жизнью студентов, заслуживает серьезного порицания, — возразил Чиковани.

— Вы слишком многого требуете от лектора, — спокойно и примирительно сказал Гургенидзе. — Но вы же сами знаете, что не все способны на подвиги. Большинство просто работает, просто выполняет свой долг.

— Теперь второй вопрос, — неожиданно меняет Чиковани тему разговора. — Мне не хотелось говорить об этом: дело как будто личное. Но

всякое личное в той или иной мере связано с общественным. Я имею в виду вашу вступительную лекцию, Савле Поликарпович.

Гургенидзе вздрогнул. Он не ожидал такого поворота и явно растерялся.

— Я ничего плохого не сказал тогда, Андрей Степанович! Я лишь высказал свою точку зрения. А я не попугай, чтобы повторять чужие мысли.

Чиковани усмехнулся.

— Спорить мы можем сколько угодно и где угодно. Без споров, без критики наука не может двигаться вперед. В спорах рождается истина, но спорить с отсутствующим противником и оскорблять при студентах его достоинство — это не очень благородно. Коли на то пошло, давайте проведем дискуссию.

* * *

На перемене Тариэл подошел к доске и объявил:

— Сегодня в три часа состоится курсовое собрание. На повестке дня один вопрос: о недостойном поведении Ломидзе и Цнобиладзе.

Затем он разыскал Чиковани, Узнадзе и Гургенидзе и попросил их присутствовать на собрании.

— Некогда мне, и к тому же я давно не комсомолец, — с ехидной усмешкой произнес Гургенидзе. Чиковани же и Узнадзе сказали, что с удовольствием придут.

Тем временем Шалва Ломидзе тоже по-своему готовил собрание. Он подозвал к себе своего однокурсника Микадзе, показал кулак и прошептал:

— Останешься на собрании — плохо тебе будет!

Выбирая слабохарактерных, Шалва, то угрожая, то льстя, говорил им одно и то же:

— Собрание нужно сорвать. Нужно!

Кое-кто робко пытался возражать Шалве. Были и такие, которые давали ему решительный отпор.

После лекций к Тариэлу подошел Микадзе и, страдальчески сморщившись, спросил:

— А обедать когда будем? Все у нас лекции да собрания. Так и с голоду помереть можно.

— Перекусим в буфете, — сказал Тариэл. — Не каждый день у нас собрания.

И все же многие однокурсники не пришли. В тягостном ожидании прошло минут двадцать.

Убедившись, что кворума не будет, Чиковани посоветовал:

— Не печалься, Тариэл, мобилизуй актив, растолкуй товарищам, что так поступать нельзя.

— Курсовое собрание — наша семья. Хотелось по-товарищески поговорить о недостатках, но раз так, курсбюро не боится вынести, как говорится, сор из избы. Завтра выходит стенгазета. Мы дадим статью о Николае и Шалве.

Тариэла очень огорчила неудача с собранием. «Ну и люди! Да и сам я хорош! Пустил дело на самотек!»

Во дворе к Тариэлу приблизились два незнакомых парня: один в клетчатой ковбойке, другой — высокий франтоватый юноша в новом чесучевом костюме.

— Можно вас на минутку? Нет, не здесь... Пройдемте лучше в сад. Мы вас долго не задержим. Два слова — и все.

— Пожалуйста, — ответил Тариэл и последовал за ними.

Они прошли в сад, остановились у обрыва. Парень в ковбойке схватил Тариэла за воротник.

— Тебе здесь не Сванетия! Понял? Еще раз заикнешься о Ломидзе, голову сниму!

— Убери руки! — спокойно сказал Твилдиани.

— Мы из тебя лепешку сделаем, — сказал франт в чесучевом костюме и дернул его за нос.

Тариэл неожиданным ударом сбил франта с ног. Тот растянулся во весь рост. Парень в ковбойке, струсив, побежал к выходу.

Тариэл презрительно посмотрел ему вслед и направился к троллейбусной остановке.

«Литературный листок», орган курсбюро, выходил еженедельно.

Редколлегия в составе Гиви, Светланы, Веры Кенчадзе и Дмитрия Кипшидзе настойчиво, упорно трудилась над каждым номером, стараясь, чтобы газета и внешним видом привлекала внимание студентов.

В этот день на заседании редколлегии с самого начала разгорелся спор.

— Я еще раз повторяю, что мы должны непременно поместить статью не только о Ломидзе, но и о Цнобиладзе, — настаивала Светлана.

— Нет, Светлана, почему ты не хочешь понять, что Цнобиладзе пропускает лекции лишь потому, что он день и ночь тренируется или участвует в соревнованиях на первенство города, защищая честь института, — горячо возражал Кипшидзе.

Светлана покачала головой.

— Мне, Дмитрий, тоже приятно, когда я вижу Николая на площадке с мячом. Играет он хорошо, я не спорю. Но неужели вы не желаете увидеть его с раскрытой книгой, неужели не хотите услышать его доклад на семинаре? Ломидзе и Цнобиладзе вместе хулиганили, не стоит их разлучать и на этот раз.

— Нет, ребята, Ломидзе с Цнобиладзе не сравнить, — вмешался в спор Тариэл: — Я уверен, что с Николаем легче будет. Он честный парень, но попал под влияние Ломидзе. По-моему, надо дать ему возможность исправиться, спешка тут может только повредить.

* * *

Ломидзе схватил Тариэла за руку и сказал гневно:

— Идем!

— Пошли, — согласился тот, и они быстрыми шагами направились к стенду, где толпились первокурсники, читая газету.

Скрипнув зубами, Шалва взглянул на Тариэла:

— Чьих это рук дело? Только и умеете наговаривать на людей... Тем только и занимаетесь, что клевете.

— А где здесь клевета? — спокойно спросил Гиви.

— Тебя не спрашивают, так помолчи, а то получишь по шее, — пригрозил Ломидзе.

— Сейчас потолкуем насчет статьи, а о шее — потом, — ответил Гиви.

— Ты что, в телохранители к Тариэлу нанялся? Ну, так знай — дорого это тебе обойдется.

— Какого дьявола ты горячишься, Шалва? — спросил один из студентов. — Что ты и Цнобиладзе лекции пропускаете и хулиганите, ни для кого не секрет.

— Чего вы все хотите от меня?

— Ничего особенного, чтобы ты

за ум взялся, — и только, — ответил Микадзе.

— Шалва, как видно, хочет дать в газету опровержение, — сказал один из студентов, подмигнув товарищам.

— Ну и карикатура! Прямо для «Крокодила!»

Студенты звонко рассмеялись.

— А-а, теперь понятно, чем Шалва недоволен, — воскликнул Микадзе. — На карикатуре его изобразили в клетчатой сорочке, а он больше голубые любит.

Понимая, что никто ему не сочувствует, Шалва криво усмехнулся и быстро пошел к выходу. В дверях он встретил Цнобиладзе и с издевкой бросил:

— Полюбуйся, что с нами сделали!

Беседа с Чиковани, резкая газетная статья о Ломидзе, насмешки товарищей заставили Николая Цнобиладзе призадуматься. Он убеждался в том, что товарищи не хотят ему зла. Но как открыться им, сказать всю правду? Поймут ли?

Чужая душа — потемки. Нет, надо все объяснить им, они ребята хорошие, не осудят. И решив поговорить откровенно с Тариэлом, он отвел его в сторону.

— Не мила мне учеба. Не хочу учиться, не хочу! На завод тянет.

— Зачем тогда в институт поступая, чужак?

— Мать настояла.

— Мать?! Она за тебя будет экзамены сдавать, что ли?

— Так и буду сдавать с грехом пополам.

— Тянет на завод — иди! И сейчас еще не поздно, — сказал Тариэл.

— Поздно. Поздно и неудобно, — глухо произнес Николай. — А я, знаешь, с детства мечтаю о заводе. У нас во дворе токарь жил, дядя Онисим, замечательный человек, на все руки мастер. Дома у него верстачок стоял с тисками, и он все что-то мастерил — любо было мне смотреть на его умелые руки. Сперва я только присматривался, потом решил сам взяться за дело. Однажды я сделал замок. Дядя Онисим улыбнулся и сказал: «Ты, Коля, пятого разряда достоин». Так я втянулся в работу, но

вскоре все кончилось: мать моя как-то узнала о моем увлечении. Помню, под вечер, она, растрепанная и злая, влетела к дяде Онисиму с криком: «Как ты смеешь издеваться над моим сыном!» Я обнял маму и говорю: «Зачем ты так, я сам сюда пришел». Мать взяла мою руку, увидела на ладонях мозоли и зарыдала. Прибежали соседи, принялись уговаривать ее, но мама — ни в какую. Потом дядя Онисим переехал на новую квартиру, а я и по сей день живу мечтой научиться токарному делу, работать на заводе.

Тариэл посоветовал ему учиться и работать, так будет лучше.

— Институт оставлять не стоит. Ни в коем случае.

* * *

Николай вернулся домой поздно вечером. Мать сидела за столом, мрачная, взволнованная.

— Что с тобой? — спросил Николай, обнимая мать.

Сердце у Марии Григорьевны сжалось.

— Николинька, — тихо произнесла она и робко взглянула на сына. — Ты ведь не помнишь отца. Ты был совсем крохотным, когда он скончался. Он трудно умирал, очень трудно, и все умолял меня: «Сына воспитай, дай ему высшее образование». А ты?..

Николай слушал молча. Что он мог сказать матери? Что обманул ее надежды? Ведь она с утра до вечера работает. Себя не жалеет. И все для сына. А он... — Николай сглотнул горький комок, застрявший в горле.

— Мама, ну зачем же слезы! Можно учиться и работать! Многие так делают.

Мария Григорьевна вытерла слезы.

— Я тебя об одном прошу. Подумай сначала хорошо. Я тебе только добра желаю.

Николай обнял ее.

— Милая мама! Спорить с тобой трудно, но я-то сам знаю, в чем и где мое счастье. Только ты не плачь, пожалуйста, мама, вот увидишь, все будет хорошо.

В субботу Цнобиладзе вышел на проспект Руставели и на обычном месте встретил ребят. Один из них

ქართული
ბიბლიოთეკა

ПОРТРЕТ УШАНГИ ЧХЕИДЗЕ

Из работ худ. Кетеван Магалашвили

ПОРТРЕТ ЭЛИСО ВИРСАЛАДЗЕ

развернул перед Николаем курсовую стенгазету и произнес самодовольно:

— Видал?

— А кто тебя просил?

— Долг дружбы. Хотел услужить тебе.

— Услуга за услугу! — вскричал, выйдя из себя, Николай и ударил его по лицу.

Через несколько минут явился Ломидзе.

— Что случилось? Почему носы повесили?

Узнав обо всем, Ломидзе рванулся вслед за Николаем. Догнал его на трамвайной остановке:

— Ах ты, предатель! К Тариэлу подлизываешься?

— При чем тут Тариэл? Я и сам прекрасно все понимаю.

Ломидзе внимательно оглядел Николая и заговорил тише:

— Завтра, Коля, состоится финальная встреча по баскетболу. Ты притворись больным. Пусть узнают, что без тебя — грош им всем цена.

— Нет, подвести свою команду я не могу. Это нечестно, Шалва.

— С каких пор это ты о чести стал говорить?

— А с тех пор, как решил больше не дружить с тобой.

* * *

На баскетбольном стадионе в парке имени Кирова чувствовалось предыгровое оживление. Зрители с нетерпением ждали выхода команд.

Баскетболисты института тревожно переговаривались. Тренер команды то и дело поглядывал на часы.

— Где Цнобиладзе? Я вас спрашиваю, где Цнобиладзе?

Игроки беспомощно пожимали плечами. Капитан институтской команды предложил тренеру:

— Цнобиладзе, как видно, уже не придет. Андрей Георгиевич, выведите Тариэла. Его никто не знает. У него точные броски, пока наши противники очнутся, он наберет немало очков.

Время не терпело, и тренер, скрепя сердце, согласился на эту замену.

На площадку вышли двое судей в белых брюках и синих теннисках. Раздался свисток, громкий, протяжный, и команды под аплодисменты болельщиков выбежали из тоннеля.

Еще свисток, и финальная схватка

началась. Боевая пятерка «Молнии» широким фронтом ринулась в атаку.

Студенты института на трибунах всполошились.

— Где же Цнобиладзе?

— Час назад я видела его с чемоданчиком, — недоумевала Светлана.

— Все! Прощай первое место, — решительно заявил Кипшидзе.

— Николай теперь никогда не будет играть за институт, — торжественно сказал Шалва Ломидзе. — Расплачивайтесь теперь за газету, редакторы!

— А, вот оно что! Значит, мстите нам. Всему коллективу мстите, — возмутился Гиви...

На площадке завязалась упорная борьба. Игроки института, словно сговорившись, одновременно усилили темп. Игра стала острой, стремительной. Последовал рывок Тариэла, и мяч, едва коснувшись щита, тихо нырнул в сетку. С трибун послышались радостные возгласы.

Игроки «Молнии» не пали духом. Несмотря на первую неудачу, они смело и решительно бросились к щиту соперников. Их капитан красивым броском метров с восьми сравнял счет.

Ко второй половине игры команда «Молнии» вышла вперед и оторвалась от институтской команды на десять очков.

Неопытность Тариэла сказывалась все явственней: он получил четвертое замечание и покинул площадку.

Но тут над стадионом пронесся ликующий возглас, по западной трибуне прокатилась волна рукоплесканий. На площадке показался Цнобиладзе. Он на ходу натягивал майку с номером. У болельщиков института отлегло от сердца. Никто из товарищей даже не спросил у Николая, почему он опоздал.

А случилось вот что: когда Николай с чемоданчиком в руке шел на игру, у тротуара неожиданно остановилась «Победа».

— Садись, подвезем! — пригласили его «друзья» по проспекту Руставели, открывая дверцу машины. Цнобиладзе сел в машину. На площади Героев «Победа» неожиданно повернула в сторону Сабуртало и понеслась по Военно-Грузинской дороге.

Цнобиладзе все понял. Он рванул дверцу, но чьи-то сильные руки пригвоздили его к сиденью. А водитель все жал и жал. Николай просил, умолял, требовал остановить машину, но каждый раз слышал в ответ: «Иуда! Изменник!»

Ссадили его далеко от Тбилиси, почти у самого Мцхета, рассчитывая на то, что Николай уже никак не успеет к игре. К счастью, его подобрал какой-то грузовик и довез до Дома специалистов. Здесь Николай пересел в такси. Он подоспел как раз ко второй половине игры.

Николай упорно рвался к щиту соперников, увлекаемая товарищей за собой. За несколько минут до финального свистка команде института удалось сравнять счет. Наступил решительный момент. Истекала последняя минута. Институтские игроки, владея мячом, держались в отдалении от щита противника, ждали последних секунд для прорыва и завершающего броска. Осторожно играла и «Молния». Напряжение росло. Когда до конца оставалось всего-навсего секунд пятнадцать, с трибун послышались выкрики: «Бросок! Время!»

И тут Цнобиладзе, ускользнув от двух защитников, оказался под щитом. Бросок — мяч затрепетал в сетке.

Аплодисментами проводили зрители команду института.

* * *

После обеда Андрей Степанович прилег отдохнуть, но ему не спалось. Хотя за плечами у Чиковани и была многолетняя практика по подготовке аспирантов, все же приказ министра просвещения о его назначении научным руководителем аспиранта из Польши озаботил его. Владеет ли Завадский русским языком? А если нет, как с ним работать? Андрей Степанович подошел к книжному стеллажу, поднялся по лесенке, достал самоучитель грузинского языка, русско-грузинский словарь.

На следующий день он сам вместе с заместителем директора по административно-хозяйственной части подобрал для нового аспиранта комнату в студгородке, небольшую, светлую, обставленную необходимой мебелью.

Владислав Завадский приехал к обеду. Это был человек лет двадцати пяти, высокий, с тонким умным лицом. Оказывается, он неплохо владел рус-

ским и даже имел довольно солидный запас грузинских слов. На вокзале Завадского встречали студенты-активисты: Гиви, Тариэл, Светлана.

Они отвезли гостя в студгородок, помогли ему устроиться и предложили показать город.

— Я столько слышал о фуникулере, — робко сказал Завадский.

— Поехали, — в один голос воскликнули Гиви и Светлана.

Поднявшись на плато горы Мтацминда, они подошли к гранитному парапету. Весь город лежал перед ними, как на ладони. По длинному желобу тянулась, извиваясь и блестя, полноводная Кура.

— В Советском Союзе, друзья мои, я всего пять дней, — сказал Владислав. — Смотрю на размах строительства и думаю, что приехал на электровозе, а уеду на атомовозе. Не за горами время, когда в моей Польше то же самое произойдет...

— Успехи ваши, Владислав, радуют нас, — сказал Гиви и, как положено гостеприимному хозяину, спросил у товарищей: — Что еще покажем нашему гостю?

— Может, покатаемся на карусели? — неуверенно предложил Тариэл.

— Кататься, кататься, — радостно поддержал его Владислав.

Все рассмеялись. Мужчина с заткнутым в карман пустым рукавом, в выцветшей гимнастерке и диагональных брюках, усадив всех, имеющих билеты, включил мотор. Машина загудела, карусель медленно тронулась. Лодка качнулась и накренилась, словно ее спускали на воду. Железные прутья самолета звякнули, тело его лихорадочно задрожало, казалось, заработал могучий мотор. Кони, лодки, самолеты набирали скорость. Все оживились: и катающиеся и зрители.

Владислав Завадский как-то очень легко, быстро включился в жизнь института. О его успехах в изучении грузинского языка все говорили с изумлением. Владислав строго и неуклонно придерживался выработанного распорядка дня и не выпускал грузинских учебников из рук. По вечерам на фуникулере, на Комсомольской аллее, в парках, на улицах, он, усталый, с отяжелевшей головой, прислушивался к грузинской речи, к пес-

ням молодежи. Ежедневно в утренние часы он подсаживался к радиоприемнику и, слушая отчетливый голос диктора, запоминал особенности грузинского произношения. И даже отдыхая со своими новыми друзьями, он тоже учился. Друзья все время слышали от него: «А как это по-грузински? А это?»

* * *

Приближалась страдная пора — зимняя экзаменационная сессия. Для подавляющего большинства студентов это было время напряженного труда, а для Ломидзе и его дружков — неприятной необходимостью. Январская сессия напоминала им затянувшийся дождь, когда временно прекращаются прогулки и игры.

22 января студенты сдавали последний экзамен — введение в языкознание.

Светлана, робевшая до входа в аудиторию, выпорхнула из нее, сияющая. Вслед за ней вышли Тариэл и Цнобиладзе.

Тариэл поднял руку, показал растопыренные пальцы.

— Теперь захожу я, — сказал Ломидзе, — смотри, Николай, в оба. Как только махну рукой, ты забежишь в аудиторию и скажешь: «Директор вызывает Ломидзе». Понял? А то на моих двойках далеко не уедешь.

— Оставь меня, Шалва.

— Вот ты какой стал! Ну что ж, и без тебя обойдемся. — Шалва побежал по коридору и минуты через три вернулся с какой-то девушкой в розовом платье. Он решительно перешагнул порог. Несколько минут Шалва разглядывал билет, затем махнул рукой.

В аудиторию тотчас же вбежала девушка и, задыхаясь, выпалила:

— Савле Поликарпович, директор вызывает Ломидзе.

— Скажите, что он сдает экзамен и придет минут через десять.

— Так и сказать, что вы не отпускаете?

Гургенидзе замялся. Озорной огонек вспыхнул в глазах девушки:

— Директор почему-то такой сердитый... такой сердитый, что ужас.

Гургенидзе едва заметно вздохнул.

— Ломидзе, можете идти.

Выйдя из аудитории, Шалва схватил у товарища книгу и стремглав

кинулся по коридору. Вернувшись через полчаса в аудиторию, он сел на прежнее место и затарахтел пулеметной очередью.

Гургенидзе почти не слушал Ломидзе. Его мысли были заняты другим.

— Тройка, — произнес Гургенидзе мягко, словно извиняясь перед Ломидзе.

* * *

Настала долгожданная пора каникул. Студенты ходили в театры и музеи, готовили вечер отдыха с большой и интересной программой.

Светлана принимала горячее участие во всех этих развлечениях и делах, но сегодня выдался явно неудачный день.

С утра время ползло улиткой. Светлана решила дочитать новый роман, который понравился ей с первых страниц, но сейчас он вдруг показался ей скучным и растянутым. Девушка то и дело поглядывала на часы. Как только пробило шесть часов, Светлана вскочила, побежала умываться, подошла к высокому зеркалу, стоящему в простенке. Расчесав волосы, она самой себе показалась гораздо красивей и привлекательней. Светлана любила красное шелковое платье, но сейчас она почему-то решила надеть голубое со стоячим воротником. Затем девушка подошла к окну и долго смотрела на высокий платан, у которого Тариэл обычно поджидал ее.

* * *

Часовая стрелка медленно приближалась к восьми.

Светлана надела пальто, спустилась на улицу, постояла минут десять у платана и нехотя пошла к трамвайной остановке.

Вот и знакомые ворота института. Актный зал на втором этаже ярко освещен, из широко распахнутых дверей слышна музыка и беспечный смех. Студенческий бал в разгаре.

Светлана сдала пальто гардеробщице. К ней подошел Николай. Оркестр играл вальс Штрауса.

Светлане хотелось спросить: «А где Тариэл?», но что-то удерживало ее. Робость? Обида? Никогда еще она не испытывала ничего подобного...

Тариэл пришел с опозданием. Окинув танцующих настороженным взглядом, он увидел Светлану и невольно прикусил губу.

Николай, вальсируя, приблизился к Тариэлу.

— Рановато пришел, — с упреком сказала Светлана.

— Я в райкоме был, Светлана.

— Что случилось?

— Дзядиша перевели в Сухуми, меня рекомендуют секретарем бюро факультета.

— Поздравляю, поздравляю, Тариэл.

— Спасибо, дорогая. — Он назвал ее так впервые, и ему стало как-то неловко, словно он чем-то обидел или оскорбил девушку. Жаркий румянец выступил на щеках Тариэла.

Они танцевали. Тариэл чувствовал дыхание девушки, ровное и глубокое. Светлана ему друг — верный, надежный — в этом он не сомневался. И все же... Все же он хотел большего. Он хотел любви, потому что сам горячо любил Светлану.

Поздно вечером Тариэл проводил Светлану до подъезда.

— До свидания, Света.

— До свидания, Тариэл.

Прощальные слова прозвучали глухо, отрывисто. Юноша не двигался с места.

— До свидания, Тариэл. Я спешу, меня ждут.

— До свидания, Света, — ответил он, протянув руку.

Тариэл шепотом, волнуясь и торопясь, сказал:

— Света, дорогая! — и нерешительно приблизился к девушке.

— Не надо, не надо, Тариэл, — еле вымолвила она и уронила голову к нему на грудь.

* * *

Профессор Чиковани уже много лет переписывался с Туманяном, крупным кавказоведом.

Еще 20 лет назад, после успешной защиты докторской диссертации, Чиковани получил от Туманяна первое письмо с просьбой сообщить ему происхождение трех сванских слов. Чиковани незамедлительно, в тот же вечер, дал подробный, исчерпывающий ответ. Через месяц, когда Чиковани готовил учебник по общему языкознанию, он навестил Туманяна в Ереване. Поездка, как и ожидал Чиковани, оказалась полезной, результативной: из подготовляемого к изданию учебника он выбросил неудачные места, дополнил труд новой главой о сопо-

ставительном изучении неродственных языков.

В последнее время Чиковани вынашивал замысел о дальнейшем расширении связей между кафедрами обоих институтов.

Подготовив проект письма от имени всех членов кафедры грузинского языка в Ереванский институт, Чиковани предложил Гургенидзе:

— Прошу вас, ознакомьтесь.

Гургенидзе читал вслух, и брови его сдвигались, собирая на лбу складки.

— Я против. Категорически. Между нашими кафедрами нет ничего общего. Только попусту уьем время!

— Посмотрим, что скажут члены кафедры. Созовите заседание, обсудим этот вопрос.

Гургенидзе был удивлен, что его решительный отказ не произвел на Чиковани никакого впечатления.

Заседание началось в пять часов. Чиковани ограничился краткой вступительной речью и зачитал проект письма. Все слушали его с нескрываемым интересом, один лишь Гургенидзе кривил губы, поминутно пожимал плечами.

— Кто желает высказаться? — спросил Чиковани.

Идея Чиковани настолько привлекла Владислава, что он не вытерпел и попросил слова.

— Можно только приветствовать этот смелый, хорошо обдуманный шаг.

— Правильно, правильно!

Владислав заметил сочувственные улыбки, сам радостно улыбнулся и стал говорить увереннее, смелее.

— Наша кафедра, как и кафедра армянского языка Ереванского института, изучает вопросы иберийско-кавказского языкознания. Работая сообща, рука об руку, устраивая совместные заседания, научные конференции, мы лучше изучим их.

— Должен вас огорчить, — прервал его Гургенидзе. — Науке нужен риск, самостоятельность, дерзание, ей нужно отдавать все. Многие замечательные ученые прошлого, делая открытия, не ломались в двери к ученым других стран. Они трудились в четырех стенах. А то посудите сами — возникла у тебя идея, вети в Ереван проверять.

— Глупости! — крикнул, не вы-

терпев, Узнадзе. — Чепуху городите, Савле Поликарпович.

Чиковани быстро поднялся со стула, предупредил Узнадзе:

— Не горячитесь, Павле Самсонович. Спорить-спорьте, но грубить, оскорблять коллегу не позволю никому.

— Простите, Андрей Степанович. Но я никак не мог сдержаться.

Все, кроме Гургенидзе, поддержали предложение Чиковани. В тот же день кафедре Ереванского института было послано специальное письмо.

Уже давно перевалило за полночь, а Чиковани по-прежнему сидел за письменным столом, упорно вылавливая в гранках корректурные ошибки. Своей новой работе он придавал большое значение. За последнее время накопилось много интересных данных. Все ли он сказал? И, главное, — так ли сказал, как хотел и как задумал? Новая книга должна научно обосновать и доказать положение о родстве хеттско-иберийской семьи языков, казавшееся многим ученым сомнительным. «Эта семья языков совершенно самостоятельна», — утверждал из года в год Чиковани, несмотря на неодобрительные отзывы Гургенидзе и некоторых других ученых. «Интересно, что скажут они теперь, прочитав эту книгу».

Единственным уязвимым местом нового труда Чиковани все же считал раздел о происхождении древнеармянских слов. Месяц тому назад он послал Туманяну письмо с просьбой проверить эти места, однако ответ, к его удивлению, задержался. А издать книгу без проверки, ему не хотелось: это могло губительно отразиться на всей работе, могло бросить на нее тень. «Надо еще раз беспокоить Арташа. А может он болен? Попробую утром вызвать его по телефону. Это самое верное дело», — решил Чиковани и, погасив в кабинете свет, лег спать.

Рано утром звонок у двери издал слабый, глуховатый звук, словно извиняясь за беспокойство.

Чиковани открыл дверь.

— Арташ! И вправду говорят: легок на помине.

— Гаумарджос, гаумарджос, дорогой Андрюша. Письмо твое получил с большим опозданием, только позавче-

ра: был в командировке, а мои — в Баку у родичей.

— Спасибо, друг, ты вовремя приехал, — сказал Чиковани, пожимая ему руку.

— Блестящая идея, Андрюша! Наш институт приветствует ваш смелый почин.

Шестидесятилетний ученый Арташ Аветикович Туманян широкоплеч, высок, с круглым лицом, утопающим в седеющей бороде. Опершись о стол локтем, он медленным движением пальцев теребил пышные усы.

— Извини, Арташ, я на одну минуту, только приготовлю ванну, — сказал Чиковани, — потом закусим по-холостяцки. Мои — в доме отдыха.

После завтрака они внимательно разобрали те главы книги, в которых говорилось о происхождении древнеармянских слов.

— Напрасно ты волновался, — сказал Туманян, — все в порядке... Да, как Владислав Завадский поживает?

— Талантливый юноша, все схватывает на лету.

* * *

В понедельник Чиковани зашел к директору издательства. Это был, как говорится, человек тише воды, ниже травы, с покорным и уступчивым характером.

— Ваша книга, — как-то застенчиво произнес он, доставая с полки последнюю корректуру работы Чиковани, — по приказу директора института идет в разбор.

— Что, — еле сдерживая гнев, сказал Чиковани, — в разбор? Почему?

Чиковани решительным шагом направился к Циклаури.

— Мне, Ираклий Бахвович, непонятно, — сказал он еще с порога, — почему вы запретили печатать книгу, предусмотренную планом издательства.

— Фантазируете вы, Андрей Степанович, увлекаетесь какими-то мертвыми языками: баскским, этрусским. Я и решил...

— Специалисты одобряют книгу, рекомендуют к напечатанию, имеется решение редколлегии. Вот... — Чиковани достал выписку из поста-

новления Ученого Совета, протянул Циклаури.

— Гургенидзе против, а он заведует кафедрой.

— Но вся кафедра «за».

— Я читал фантастические романы Жюль Верна, Беляева, Абашели. Но фантастических научных работ еще не встречал. Я не хочу, чтобы мой институт стал посмешищем.

Чиковани глухо произнес:

— О хеттско-иберийской семье языков мы проведем дискуссию. Спорить будем там.

— Спорьте с кем угодно. Дело ваше. Но книгу мы не издадим — я против, и делу конец!

* * *

В день открытия научной сессии актовый зал, где работала языковедческая секция, наполнился до отказа. Приехали все члены кафедры армянского языка Ереванского института во главе с профессором Туманяном, профессор Бабаев из Баку, профессор Акиев из Дагестана.

Свой доклад «Вопросы изучения хеттско-иберийских языков» Чиковани начал тихо, вполголоса:

— Основная задача, стоящая перед сравнительно-историческим языкознанием, состоит в том, чтобы вскрыть и показать историческую общность хеттско-иберийского языкового мира. Живые иберийско-кавказские языки (картвельские и горские кавказские языки) равно, как и баскский язык, относятся к обширному кругу языков, носители которых населяли, кроме Кавказа, всю Малую Азию, Месопотамию и Средиземноморское побережье.

— Фантазия! — выкрикнул с места Гургенидзе.

— Не перебивайте, — негодуяще произнес кто-то сзади.

— Не спешите с выводами, — заметил Чиковани, но Гургенидзе не сдавался.

— Еще нет сравнительно-исторических грамматик хеттско-иберийских языков. Пока их нет, теория ваша висит в воздухе, — кричал он с места.

— Примитивная аргументация. Разрешите, Савле Поликарпович, задать вам один вопрос? — мягко произнес Чиковани. — С какого года считается установленным родство индоевропейских языков?

— С 1816 года.

— А когда вышла в свет первая «Сравнительная грамматика индоевропейских языков»?

Гургенидзе молчал, глядя поверх очков.

— Прошу вас, Савле Поликарпович, ответить на мой вопрос.

— В 1833 году. Ну и что же?

— Уточним. Первая «Сравнительная грамматика индоевропейских языков» Боппа в трех томах, действительно, начала выходить в 1833 году, но была закончена спустя 19 лет, только в 1852 году.

— Итак, выходит, — продолжал Чиковани уверенно, — у специалистов, владеющих материалами исследуемых языков, определенное убеждение складывается в процессе исследовательской работы еще до составления сравнительно-исторических грамматик. Скажу прямо, оно, это мнение, должно сложиться раньше, иначе и не может быть! Пока нет историко-сравнительной грамматики хеттско-иберийских языков, но имеется решение узловых моментов.

Чиковани подошел к доске и стал писать примеры. Родство языков доказывалось поразительно легко и доходчиво.

Не успел Чиковани сесть, как поднялся Гургенидзе:

— В труде Чиковани, что ни слово, то ошибка. У него априорные, декларативные заявления. Проблема о родстве иберийско-кавказских языков с языками Передней Азии должна быть немедленно снята и исключена из планов научно-исследовательских работ. Ученый совет института допустил серьезную, я бы сказал, непоправимую ошибку, утвердив планы, в которых сравнительно-историческому анализу этих языков уделяется одно из ведущих мест. Вместо серьезных исследований, здесь толкут воду в ступе.

Из задних рядов, где сидели студенты, послышался смех.

Гургенидзе, не обращая внимания, продолжал:

— Пока на книжных полках не появятся книги по всем перечисленным Чиковани языкам, его теория пуста и бесплодна.

Слово взял профессор Бабаев из Баку. Его выступление, длившееся более часа, было выслушано с большим вниманием и интересом.

— Вопрос о родстве иберийско-кавказских языков с языками Передней Азии поставлен еще в XIX веке. Отец грузинской историографической науки, академик Джавахишвили, в 1937 году призвал языковедов и историков выяснить природу и родство картвельских и кавказских языков и их отношение к другим языкам этой группы.

Бабаев достал из портфеля рукопись книги Чиковани и брошюру Гургенидзе.

— Это капитальный труд, — сказал Бабаев, подняв над головой книгу Чиковани, — разрешающий спорные вопросы. У Гургенидзе — голое отрицание фактов. Родство абхазского языка с картвельскими языками доказано у Чиковани очень убедительно. Памятники классической литературы подтверждают правоту Чиковани.

В прениях выступил также и Владислав Завадский.

— О кавказских языках читал я в Польше немало, — сказал он, — но все же иберийско-кавказское языкознание оставалось для меня чем-то недоступным. Здесь, в Грузии, я изучил фактический материал, и теперь передо мной стройная система. И невольно напрашивается вывод: чем глубже мы изучаем прошлое этих языков, тем больше убеждаемся в их близости.

В заключение выступил Туманян:

— Задача, стоящая перед нами, вполне осуществима. Я уверен, что проведенная дискуссия станет новым мощным стимулом к дальнейшему развертыванию исследований, как кавказских, так и других переднеазиатских языков. Я полностью разделяю взгляды профессора Чиковани.

* * *

Ночь. Шалва Ломидзе ворочается в постели, не может уснуть.

В последнее время мысль об успехах Тариэла, как заноза, застряла в его голове и не дает покоя. К тому же он уже совершенно ясно видел, что Светлана для него потеряна, потеряна навсегда. И виной этому все тот же Тариэл. Сегодня ночью у него внезапно созрело решение: «Я напишу анонимное письмо. Попляшете вы у меня».

Не раздумывая, он подошел к сто-

лу и, прищурив глаза, стал писать: «Секретарем комсомольского бюро филологического факультета является Твилдиани, отъявленный карьерист, неисправимый пьяница, безнравственный негодяй». Тут Шалва приостановился, подумал и, решив, что хватил через край, хотел зачеркнуть последнее слово, но чувство ненависти к Тариэлу взяло верх. «Раз клеветать, так клеветать до конца,» — сказал он себе.

Шалва представил, как дней через пять комиссия райкома нагрянет на факультет. Начнутся проверки, опросы, а самое главное, пойдут разные пересуды, слухи, злые, смешные, друг другу противоречащие. Весь институт заговорит о проверке, о секретаре бюро комсомола, и это сделает он, Шалва, это сделает его письмо.

* * *

В этот день Тариэл с группой соблюдения порядка заглянул в студгородок.

— Слушай, не могу понять, что тут творится, — встретил их в дверях Николай, — один половую щетку мастерит, другой пол моет, третий с тряпкой в руке.

— Самообслуживание, Коля!

— Интересно. А надолго?

— Навсегда.

К ним подошел студент:

— Завтра же выбросим в окно вещи Хасая, — сказал он сердито. — Видите ли, этот поэт считает зазорным для себя пол подмести. Какая персона!

Но он напрасно горячился. В комнату тут же заглянул сам Хасая в простых брюках, с засученными рукавами. Он поднял половую тряпку и произнес хрипло:

— Не слушай его, Тариэл, вот вещественное доказательство.

— Давно бы так, — проговорил Тариэл, улыбнувшись.

* * *

Гургенидзе зашел в полупустую аудиторию, поднялся на кафедру, бережно раскрыл старые, уже лоснящиеся конспекты. Гургенидзе давно уже заметил, что студенты пропускают его лекции, но это его мало трогало. «Ведь я читаю лекции студентам, а не школьникам,» — рассуждал он. Когда на собраниях, на заседаниях ученого совета звучали

трезвые голоса об улучшении воспитательной работы среди студентов, Гургенидзе ехидно посмеивался. «Вуз дает студенту знания, и только, — рассуждал он про себя. — Так же, как от коровы нельзя получить ни меду, ни вина, от вуза, кроме знаний, ничего не получишь». Больше того, даже значение слова «дать» он рассматривал ограниченно, своеобразно. «Яблоня, — говорил он, — дает плоды, но не само же дерево разносит их по домам. Человек подходит к дереву, срывает их. Вуз — это яблоня со спелыми яблоками». Гургенидзе сам непоколебимо уверовал в правильность и незыблемость таких умозаключений.

О методах чтения лекций Гургенидзе нередко заходила речь и среди студентов.

— Ну, скажи, что нового узнаешь на его лекциях? Он от точки до точки пересказывает учебники.

— Даже примеры те же самые.

— Всю книгу знает наизусть, вот это ученый!

— В том-то и беда, что он, как патефон, перепевает учебники.

Шалва Ломидзе каждый раз подробно пересказывал ему все эти разговоры. Особенно много внимания он уделял высказываниям Тариэла, который не скрывал перед товарищами своего отношения к Гургенидзе.

Наконец чаша терпения переполнилась. Вне себя от гнева, Гургенидзе ворвался в кабинет директора.

— Выбирайте, Ираклий Бахвович, или я, или этот анархист Твилдиани. Подумать только, он издевается над нами, лекторами, неуважительно говорит о начальстве.

— Мне он тоже не нравится, — сказал Циклаури и, указав на письма, лежавшие отдельно на письменном столе, добавил: — Смотри, аноним на него: оказывается, ко всему он еще пьяница и хулиган.

— Исключите этого щенка, или моей ноги не будет в институте.

Циклаури постучал пальцем по столу, словно отсчитывая время пребывания Твилдиани в институте.

— Над этим надо подумать, — сказал он решительно.

В тот же день секретарь парткома Варлам Шелия имел беседу с Чиковани.

— Не ожидал от вас, Андрей Степанович, испугались трудностей, — укоризненно покачал он головой, — отступили...

— Что вы имеете в виду? — спросил Чиковани.

— Вашу книгу, Андрей Степанович.

— Рукопись охотно принимает издательство Академии наук, так что...

— Нет, нет. Институт начал ее печатать, институт и закончит.

Чиковани сослался на отказ директора. Шелия обещал побеседовать с Циклаури. Разговор состоялся на следующее же утро.

— Много у нас, Ираклий Бахвович, показного, — начал Шелия. — Снаружи все блестит и сверкает, а заглянешь вглубь — не то.

— Например? — спросил Циклаури, хмуря брови. В глазах у него появился мрачный блеск.

— Издание книги Чиковани предусмотрено планом, утвержденным во всех инстанциях, а постановление отменяете вы, единолично. Как-то странно, и к тому же не этично.

Циклаури вспыхнул, он уже не в силах был сдерживать гнев.

— Пока что руковожу институтом я. И прошу вас, товарищ Шелия, занимайтесь своим делом. У вас есть свой участок работы, у меня — свой.

Но Шелия тоже вспыхнул.

— Не забывайте, товарищ Циклаури, — решительно произнес он, — что мы живем в эпоху, когда многое приходится переоценивать.

Шелия потер виски и, перехватив взгляд Циклаури, добавил:

— Так или иначе, но многое в нашей работе надо исправлять, Ираклий Бахвович.

* * *

Секретарша факультета вызвала Светлану и передала ей письмо. Девушка отошла в сторону, нетерпеливо вскрыла конверт. «Дорогая Светлана, — прочла она на первой странице, и сердце ее замерло. А дальше шло что-то ужасное. — Вы связываете свою судьбу с Тариэлом. Но не могу не предостеречь вас от опасности и соблазна, которые тянут вас в какую-то мрачную, темную и глубокую пропасть. Я не знаю, о чем он вам говорит, но он обманывает вас. Тариэл злорадно смеется над вашей

доверчивостью и наивностью. Не могу не открыть вам правды, не имею права не сообщить, что он женат и имеет сына. Одумайтесь, пока есть время, пока не поздно. Доброжелатель».

С этого дня Светлана стала избегать Тариэла.

А тот лишь издали следил за ней испуганными глазами, не мог понять, что же с ней произошло. Почему это вдруг Светлана стала такой холодной, такой чужой.

Однажды Тариэл набрался смелости и спросил ее:

— Не пойму, Света, что с тобой?

— Уходи, уходи от меня, — крикнула она и убежала.

Девушка в светлом, коротком платье, с небольшим чемоданом в руке, резко позвонила в квартиру Ломидзе. Лидия Петровна открыла дверь, пригласила ее войти.

Девушка поставила у двери чемодан и вдруг выпалила:

— Тамара Хачапуридзе, ваша невестка.

Лидия Петровна отпрянула от двери.

— Чья невестка?

— Я жена Шалвы, вашего сына.

Лидия Петровна побледнела и бессильно опустилась на стул. Услышав шум, в комнату вбежал Шалва:

— Оставь нас, мама. Я сам все улажу.

Тамара бросилась Шалве на шею, прошептала:

— Наконец мы вместе, мой дорогой!

— Пошла вон! — Шалва схватил чемодан, выставил его в коридор.

Тамара подошла к нему и вне себя от гнева пригрозила:

— Так вот ты как! Я тебе покажу, как над слабой женщиной издеваться. Сейчас же пойду в милицию, в суд, в прокуратуру. Я тебе покажу! — и девушка, закрыв лицо руками, выбежала из комнаты.

Шалва с тревогой смотрел ей вслед: «Куда она побежала! Неужели и вправду в милицию?»

Он увидел поднимающегося по лестнице Николая Цнобиладзе и постарался взять себя в руки.

— Заходи, Коля, заходи.

Цнобиладзе вошел в комнату, поздоровался и начал с упреков:

— Ты опять меня подвел, заставил ждать целый день.

Шалва, хмурый и злой, тупо смотрел на улицу.

— Что с тобой, Шалва?

— Да так. Ничего страшного, семейные неприятности.

Из другой комнаты послышался крик Лидии Петровны.

— Извини, Коля, я сейчас, — сказал Шалва и плотно закрыл за собой дверь.

Николай от нечего делать подошел к письменному столу, заваленному книгами и журналами. Он наугад раскрыл книгу. Из нее выпал небольшой, сложенный вдвое листок. Николай прочел: «Вы сближаетесь и связываете судьбу свою...» и вздрогнул. Он медленно сложил письмо, спрятал в нагрудный карман и, не ожидая возвращения Шалвы, вышел на улицу. Он вспомнил заливающуюся слезами Светлану, которая недавно в порыве откровенности показала ему анонимное письмо.

«Какое ничтожество, какая подлость», — думал Цнобиладзе по дороге в институт. Не спрашивая разрешения, он зашел к Шелия, положил письмо ему на стол:

— Я нашел анонимщика, — процедил он сквозь зубы.

Товарищеский суд разбирал дело Ломидзе. Вечером, часов в восемь, на сцену актового зала вышли судьи; собравшиеся встали.

Подойдя к столу, Кавтарадзе, избранный председателем суда, кивнул головой и произнес:

— Садитесь.

Вслед за ними вышел с опущенной головой Ломидзе. Подняв глаза, он увидел сердитые и насмешливые лица присутствующих. В зале было много знакомых, товарищей, но сейчас, находясь на скамье подсудимых, он не рассчитывал на их сочувствие.

«Дальше здесь жить невозможно. Уехать, уехать», — подумал он.

Секретарь суда зачитал обвинительный акт: «В товарищеский суд педагогического института поступило заявление студентки Светланы Чиковани с приложением двух анонимных писем. Указанные в письмах факты не подтвердились и являются злонамеренным вымыслом, клеветой. В процессе расследования установлено, что Ломидзе за три месяца на-

писал много клеветнических писем в райком, горком, министерство. Он клеветал на Шелия, профессора Чиковани, доцента Узнадзе и многих других».

В зале послышались голоса, полные гнева и негодования.

Кавтарадзе привстал, позвонил, призывая публику к порядку.

«Ломидзе показал, — продолжал секретарь, — что он написал только две анонимки в адрес Светланы. Что касается других анонимок, то якобы он их не писал и ничего о них не знает».

Кавтарадзе размашисто провел карандашом по бумаге, спросил у Ломидзе:

— Признаете ли вы себя виновным?

Не поднимая головы, Ломидзе ответил резким голосом:

— Я уже давал показания. Об остальных анонимках я ничего не знаю.

— Скажите, пожалуйста, — спросил член суда, — с какой целью вы писали анонимные письма студентке Светлане Чиковани?

У Ломидзе сжалось сердце. Он ждал этого удара, но сейчас с особой силой почувствовал его тяжесть.

— Не мучьте, не терзайте меня, я больше не могу. Вынесите решение, — выкрикнул он, багровея.

— Суд ждет ответа, — напомнил председатель.

Шалва еще ниже опустил голову.

— Тогда прошу ответить на такой вопрос: какую цель преследовали вы, когда писали клеветнические письма на своего товарища Цнобиладзе? — спросил Кавтарадзе.

— Цнобиладзе мой товарищ детства, мы вместе учились, вместе гуля-

ли, спали под одним одеялом, так что клеветнических писем на такого человека, вы должны это понять, я не мог писать.

Кавтарадзе взял заключение экспертизы и с резкостью, не свойственной ему, произнес:

— Доказано, что анонимки писались одной рукой. Вы признаете, что две анонимки написали вы, но поскольку они писались одной рукой, то и остальные фабриковались вами.

Ломидзе молчал.

* * *

В доме профессора Чиковани большая радость: их приемная дочь Светлана вышла замуж за Тариэла Твилдиани.

Гостей собралось много.

— Просим за стол, — любезно пригласила Екатерина Семеновна.

Все направились в просторную столовую, расселись.

Чиковани поднял бокал:

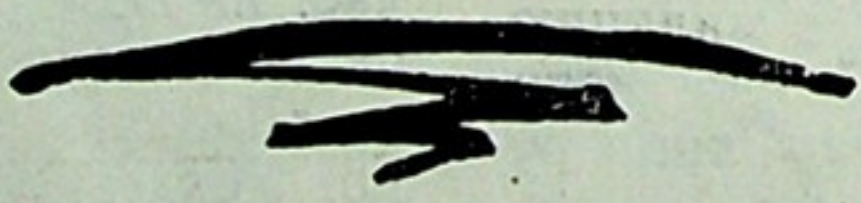
— За Ваню Шелия, тамаду сегодняшнего стола, — сказал он.

— Гаумарджос, гаумарджос, — поддержали присутствующие.

Шелия наполнил рог.

— За счастливую супружескую чету, за здоровье Тариэла и Светланы. Живите мирно, в полном согласии. Трудом, упорством вы завоевали вашу любовь, и потому мне приятно выпить за вас. Но помните, что вы только-только вступаете в жизнь, можно сказать, что вы и в жизни первокурсники. Пройдите же весь свой путь так, чтобы достойно продолжить дело ваших отцов!

На другом конце стола Хасая вполголоса затянул грузинскую застольную — «Мравалжамиер», ее подхватил Цнобиладзе, затем все остальные.

Матэ Мирианашвили,
проректор Тбилисского государственного
университета, член-корреспондент Акаде-
мии наук Грузинской ССР.

К вопросу о подготовке научных кадров

Опубликовав статью Э. Л. Андроникашвили «Наука и общество», журнал «Литературная Грузия» начал важный и своевременный разговор о развитии науки и организации научной работы в нашей республике.

На примере развития физики и смежных наук в Грузии профессор Андроникашвили высказал свои соображения о целом ряде насущных проблем. На одной из них мне и хочется остановиться подробнее.

Вместе с углублением специализации и развитием новых, ранее совершенно неизвестных направлений, сейчас происходит весьма важный процесс взаимного проникновения наук. Это особенно ясно видно на примере проникновения математических и физических методов исследования в другие естественные и даже гуманитарные науки, в широком использовании физических измерительных приборов. Но гораздо важнее то, что в эти науки проникают математические и физические методы мышления и обнаруживаются закономерности в сущности своей математические или физические. Это и заставляет отыскивать общие основы и общие закономерности для самых различных наук.

Развитие этой тенденции в науке приведет к большему взаимопониманию ученых самых различных отраслей; и математик, и физик гораздо лучше пой-

мут тогда химика, биолога, экономиста и даже лингвиста. Мне кажется, что эта тенденция «математизации» и «физизации», если можно так выразиться, наук в будущем проявится еще более четко и определенно.

Это — одна из основных характерных черт развития науки за последние годы, которая настоятельно требует перестройки существующей системы подготовки научных кадров.

Я хочу особо подчеркнуть, насколько важна солидная физико-математическая подготовка в воспитании будущих научных работников.

Однако эта необходимость еще не до конца понята, и поэтому перестройка системы их подготовки протекает крайне медленно. Создание специализированных институтов, занимающихся проблемами биофизики, агрофизики, биохимии, математической экономики, математической лингвистики и т. п., — это только одна сторона дела. Не менее важно, на мой взгляд, пересмотреть программу подготовки ученых в самой основе — в вузах страны и, главным образом, в университетах. И это нельзя сделать лишь путем увеличения или углубления курсов математики и физики на химическом, биологическом, экономическом и других факультетах. Необходимо выделить небольшие группы студентов, которые с первого же года обучения будут осваивать специальность по соответствующему учебному плану. В настоящее время уже кое-что сделано в этом направлении. В Тбилисском государственном университете созданы специальные группы

Продолжаем разговор, начатый в статье Э. Андроникашвили «Наука и общество», опубликованной в № 10 журнала «Литературная Грузия» за 1961 год.

по математической лингвистике, по физической кибернетике, по механизации и автоматизации вычислительных работ (на экономическом факультете). Однако все это еще слишком незначительно и главное — развитие этого процесса очень затянулось. Возникло немало тормозов на пути претворения этих мероприятий в жизнь. Один из них — это скептическое отношение некоторой части нашей научной общественности к научно-исследовательской работе в вузе, в частности — в университете. Научно-исследовательские институты Академии наук Грузинской ССР еще более или менее удовлетворительно снабжаются оборудованием и материалами, и их материально-техническая база в значительной мере оснащена всем необходимым для исследовательской работы. Создание же проблемных лабораторий, научно-исследовательских секторов и научных кабинетов при университете сопряжено с такими затруднениями и сложностями в снабжении их элементарным оборудованием, что даже трудно говорить о наращивании темпов и увеличении научных исследований на современном уровне развития науки. А в этом — основное условие подготовки квалифицированных научных кадров.

Самого серьезного внимания заслуживает вопрос финансирования научно-исследовательских работ в вузах. Высшее учебное заведение непременно должно располагать средствами, необходимыми для создания проблемных и других исследовательских лабораторий, для расширения материально-технической базы, короче говоря, для того, чтобы иметь самые элементарные условия для проведения научных исследований. В нашей стране ежегодно создаются сотни научно-исследовательских организаций, однако очень редко они возникают при вузах.

А ведь именно в вузовском научном институте, при широком привлечении к решению самых серьезных проблем как педагогов, так и студенческой молодежи, могут готовиться высококвалифицированные научные кадры. Вот почему было бы правильнее создавать научно-исследовательские институты, главным образом, при вузах, а не самостоятельно. Вуз — научно-исследовательский институт — это тот реальный путь, который поможет устранить разрыв, образовавшийся между научным учреждением и вузом. А это явление небезопасное как для учебного заведения, так и для научного института.

Ясно, что создание проблемных и других исследовательских лабораторий следует проводить по хорошо продуманному плану, с учетом координирования проблематики работ в других научных учреждениях. В работу проблемных лабораторий должны включаться сотрудники соответствующих кафедр, а это неизбежно повлечет за собой сокращение их педагогической нагрузки, которая в настоящее время еще слишком велика. Это произойдет совершенно безболезненно, если привлечь к преподавательской деятельности сотрудников проблемных лабораторий, которые оказали бы добрую услугу, установив тесную связь лабораторий со студенчеством. От этого и научно-исследовательская работа и педагогический процесс только выиграли бы.

Я коснулся только некоторых вопросов развития научно-исследовательской работы в вузах, в основном, на примере физических наук. Думаю, что дальнейший деловой разговор вокруг проблем, связанных с развитием советской науки, перед которой поставлены такие большие задачи в новой Программе КПСС, принесет большую пользу делу.

Н. Новицкий

К НОВЫМ СВЕРШЕНИЯМ

РЕПОРТАЖ

В СТАРОМ ЧИКАГО И В НОВОМ ТБИЛИСИ

Лет двадцать с небольшим тому назад, перед войной, в Чикаго в маленькой конторе Амторга на набережной озера Мичиган сидел молодой советский инженер Николай Северьянович Кизивадзе и просматривал проспекты американских фирм, договоры с ними, накладные...

Вместе с группой советских специалистов Николай Северьянович был послан за океан, в США, для закупки металлорежущих станков (особенно повышенной производительности и квалификации), которых Советский Союз в ту пору производил еще недостаточно. А тбилисский станкостроительный завод имени Кирова, где после окончания института Кизивадзе работал мастером цеха, делал в ту пору болторезные станки. Это то, что сейчас в ходе производственного обучения готовят некоторые наши ремесленные училища. Завод же производит теперь...

Да, двадцать лет прожиты недаром... Я подумал об этом, когда в один из дней второй половины октября 1961 года вошел в скромный номер на двадцатом этаже московской гостиницы «Украина», где жил делегат XXII съезда КПСС, директор тбилисского станкостроительного за-

вода имени Кирова Николай Северьянович Кизивадзе.

Было 7 часов утра по московскому и 8 часов по тбилисскому времени, когда обычно начинается новый рабочий день. В этот час через проходные тбилисского завода тоже вливается поток рабочих и служащих. Там, в Тбилиси, директор в это время ходит по цехам, вызывает людей. Здесь, в Москве, он тоже уже работал. Номер гостиницы напоминал его кабинет на заводе: на столе — раскрытый блокнот, чертежи, металлические детали. Шел телефонный разговор с Тбилиси.

— Это ты, Михаил Ноевич? Здравствуй. В дополнение к тому, что я сказал ночью, обрати особое внимание на точность выверки последнего узла по чертежу. Я еще раз просмотрел его копию и опасаюсь, как бы не оказалось хоть маленького просчета. Станок должен быть отправлен в безупречном состоянии. «Советское — значит, отличное». Это Никита Сергеевич вчера сказал на съезде. Приеду, обо всем расскажу подробно. А пока попрошу, чтобы начальники сборочного и механических цехов были у телефона в 2 часа по Москве. Хочу послушать их доклад о ходе выполнения плана...

Закончив разговор с главным ин-

женером завода, Николай Северьянович пояснил, что речь шла о станках для Кубы, которые должны быть отгружены в эти дни.

— Для Кубы?

— Да, наши тбилисские станки появились и на американском континенте. Собственно, еще раньше их стали покупать Аргентина, Бразилия... Словом, посылаем свою продукцию в те страны, где еще недавно единственным поставщиком металлорежущих станков были США. А всего завод отправляет теперь станки более чем в 30 стран мира. Вчера, сидя на съезде, я вдруг вспомнил, как два десятка лет назад скромно сидел в Чикаго и отгружал американские станки в Советский Союз, и мне показалось, что у меня выросли крылья и что я поднялся выше самых высоких небоскребов Мичиган-авеню. Никита Сергеевич Хрущев доложил съезду, что в настоящее время Советский Союз уже опередил Соединенные Штаты по объему добычи железной руды и угля, производству кокса, сборного железобетона, магистральных тепловозов и электровозов, пиломатериалов, шерстяных тканей, сахара, животного масла, рыбы и некоторым другим продуктам и изделиям. Перегоним и по станкам! Ведь за годы своего существования завод перешел от выпуска простейших болторезных станков к производству первоклассных металлорежущих станков, в том числе универсальных токарных и широкой гаммы специальных по классу самой высокой сложности.

Николай Северьянович помолчал какую-то долю минуты, а потом, поднявшись со стула, сказал:

— Извините, пожалуйста, но мне надо поспеть к утреннему заседанию съезда. День уплотнен до предела, расписан по минутам.

В послесъездовские дни мы встретились с Николаем Северьяновичем уже на заводе. Я наблюдал, как он обходит цехи, присутствовал на проводимых им совещаниях, слушал его выступление на общезаводском митинге с рассказом о работе и итогах XXII съезда партии.

Много раз директор раскрывал тот самый блокнот, который я видел у него в Москве, и, справляясь со своими записями, советовался с людьми по разным вопросам заводской жизни. И всегда нетрудно было подметить

то новое, с чем вернулся директор из Москвы со съезда.

— Никита Сергеевич сказал, что нужно проверить на каждом предприятии, как обстоит дело с новой техникой; от старья — освободиться, где нет поточных линий — установить. Как ты думаешь, Михаил Ноевич (вопрос к главному инженеру завода), не составит ли нам помесичный план окончательной ликвидации старой техники на заводе?

— Хочу знать ваше мнение, Леонид Димитриевич (вопрос к начальнику СКБ завода Куликову), по вопросу об упрощении названия наших станков. Это хорошо, что мы отправили сейчас Первоуральскому новотрубному заводу 35-тонный станок «2К85», последний станок барабанного типа в серии, освоенной нашим заводом. Но не лучше ли нам как-то по новому называть и «2К85», и «163», и другие станки. Вот у меня записана одна из реплик Никиты Сергеевича на съезде, едко высмеивающая все эти мудреные, зашифрованные цифрами и буквами названия станков, машин, агрегатов. Право, «Тбилиси», «Грузия» или «Дружба» куда лучшее название для станка, чем трехзначное или пятизначное число...

Побывал Николай Северьянович и в Совнархозе Грузии.

— Вопросом вопросов назвал Никита Сергеевич капитальное строительство. А вы, товарищи (это сказано в укор работникам Совнархоза), мало еще помогаете заводу в скорейшем окончании нового строительства, быстрейшем вводе в действие новых площадей, особенно корпуса тяжелых станков. Ведь у порога — четвертый год семилетки, год, когда заводу предстоит решать еще более сложные задачи. В 1961 году, году созыва XXII съезда партии, он стал главным предприятием страны по производству всей гаммы трубных станков со своим специальным конструкторским бюро. В будущем году он впервые перейдет от выпуска отдельных станков к производству законченных автоматических и полуавтоматических линий. Так завод начинает великое двадцатилетие.

...Делегат вернулся со съезда с новыми замыслами, планами, наметками. И он умеет заражать своим

боевым настроением всех окружающих.

ЭЛЕКТРОВОЗ, ЛЕТИ ВПЕРЕД!

«Делегату XXII съезда КПСС. Уважаемый товарищ! Министерство путей сообщения приглашает Вас посетить Выставку новой техники железнодорожного транспорта».

Владимиру Елизарашвили, рабочему-прессовщику тбилисского электровозостроительного завода имени В. И. Ленина, вручили этот приглашенный билет в Кремлевском Дворце съездов. Это было после одного из утренних заседаний. Выйдя из Троицких ворот и сев в машину для делегатов, Елизарашвили по дороге в гостиницу вновь внимательно перечитал приглашение. По существу оно представляло собой красочный проспект с иллюстрациями, с длинным перечнем новых локомотивов, вагонов и другой техники, которой все больше становится на наших железных дорогах и о которой говорилось на съезде.

Тепловозы, газотурбовозы, электросекции, вагоны с раздвижной крышей и с увеличенным объемом кузова, электробалластер, скоростной путеизмеритель, цистерна для перевозки цемента, трехроторный снегоочиститель...

— Наши! — громко воскликнул Елизарашвили, дойдя до раздела электротяги. И тут же пояснил товарищам: — На выставке представлены электровозы тбилисского выпуска — серийный Н-8 и созданный в этом году Т-8.

— Не ты один пойдешь смотреть как выглядит под московским небом продукция родного предприятия, — сказали ему друзья-делегаты.

— Я собираюсь на выставку мебели, — тут же поделился с товарищами Элгуджа Бадридзе с Тбилисского мебельного комбината. — Этой выставке целиком отведен большой четырехэтажный дом. Одна из трехкомнатных квартир в нем обставлена мебелью с маркой нашего комбината.

— А я пойду на выставку строительной индустрии, куда наш Тбилисский керамический комбинат послал образцы санитарной техники, — сказал инженер Вахтанг Чепходзе.

Как ни уплотнено было время, а все же делегаты от нашей республики выкраивали час-другой для того, чтобы побывать там, где была представлена для широкого показа новая промышленная продукция Грузии. Хотелось послушать, что говорят о ней другие делегаты съезда, учесть замечания и пожелания всех посетителей, а потом рассказать об этом в своих производственных коллективах.

Мне довелось побывать с делегатами на некоторых из этих выставок. И даже, в воскресный день, на Химкинском водохранилище, куда в дни работы съезда по водной дороге длиной более чем в три тысячи километров прибыл созданный в этом году грузинскими судостроителями морской катер на подводных крыльях.

Морское судно совершенного типа, мощные электровозы, точные приборы, высокопроизводительные станки и машины, широкий ассортимент новых товаров народного потребления... Все это, присланное Грузией в дни съезда для показа в Москве, явилось живой, наглядной иллюстрацией к словам, которые произнес с трибуны XXII съезда партии первый секретарь ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе о нашей республике, активно участвующей в создании материально-технической базы коммунизма.

Вернусь к Владимиру Елизарашвили. Мы приехали с ним на выставку новой техники железнодорожного транспорта в такой неожиданный для глубокой московской осени яркий солнечный день, будто и он был прислан из Грузии. Выставка разместилась неподалеку от Рижского вокзала и, разумеется, прямо под открытым небом. Я бы сказал, что наши тбилисские электровозы, вместе с новочеркасскими, находились на самом видном месте, да это и понятно: сегодняшней и завтрашней день железнодорожного транспорта принадлежат электрической тяге. В отчетном докладе Центрального Комитета XXII съезду партии Никита Сергеевич Хрущев отметил, что после XX съезда, за шесть лет, в стране электрифицировано более 10 тысяч километров железнодорожных магистралей, и половина всех перевозок уже осуществляется электровозами и тепловозами. Еще более высокие темпы электрификации транспорта намечены на ближайшие годы. На во-

стоке страны, на самых, как говорят железнодорожники, грузонапряженных магистралях, с каждым месяцем становится все больше и грузинских электровозов. Вот и сейчас один из тех, что демонстрируется на площади у Рижского вокзала, Н-8, «задержан» в Москве по пути следования на восток, в депо назначения. Этой зимой он уже будет тянуть тяжеловесные составы на Братскую ГЭС или какую-либо другую стройку Сибири.

Не только для выставки доставлен в Москву и Т-8. После выставки этот электровоз, целиком сконструированный и созданный в Тбилиси, должен пройти государственные испытания на одной из электрифицированных линий. А дальше — подготовка к серийному выпуску этого мощного локомотива, развивающего скорость до 100 километров в час, более экономичного и техничного, более удобного для управления, чем нынешний серийный электровоз Н-8. И мы бы добавили: более красивого. Да, Т-8 более красив, красив своими современными формами и линиями, как красивы наши космические корабли, Кремлевский Дворец съездов... Знамение времени, дух эпохи.

Заметив приколотый к отвороту пальто Владимира Елизарашвили значок тбилисских электровозостроителей, в точности воспроизводящий эмблему завода на локомотивах (электровоз на фоне Мтацминда с высоко взметнувшейся телевизионной башней), посетители выставки, среди которых было немало специалистов — железнодорожников, обступили молодого рабочего и попросили его:

— Хотели бы послушать вас...

И Владимир Елизарашвили, не долго думая, стал у лесенки, ведущей в кабину машиниста электровоза Т-8, и рассказал о родном заводе, о его людях и их работе над созданием новой великолепной машины. Рассказал, пожалуй, все, что хотел бы рассказать с трибуны съезда. Недаром каждый день он ходил на съезд с папкой, в которой хранил записи о тех мыслях и чувствах, с которыми приехал в Москву.

— Грузинские электровозы, — говорил Елизарашвили, — это детище тбилисских рабочих, которые, почувствовав новые веяния в технике, са-

ми взялись делать эти прекрасные машины и делают их так, что заслужили похвалу Никиты Сергеевича. Молодой завод борется за звание предприятия коммунистического труда, стремится выполнить семилетку за шесть лет, готовится создать новый, на этот раз пассажирский электровоз...

— Помните, — уже в Тбилиси в послесъездовские дни сказал мне В. Елизарашвили, — какой интерес был проявлен в Москве к нашему новому электровозу Т-8? Но то был первый и пока единственный экземпляр новой машины. Сейчас завод собирает еще две. Это как-то отразилось и на моей судьбе...

И он сообщил, что его вновь послали работать в прессовое хозяйство. Вновь — потому, что до этого он возглавлял бригаду резчиков изоляции. Вытянул бригаду, создал большой запас изоляции и теперь — опять на тот участок, который важнее всего для производства. Завод расширяет с будущего года выпуск электровозов и ему нужен для этого большой задел прессованных изоляционных манжет тяговых двигателей. После съезда Елизарашвили изготовил их столько, что этих комплектов хватит на пять локомотивов. А когда прессовое хозяйство перейдет в новый корпус, где и техника будет поновее, работа прессовщика ускорится еще больше.

Новые корпуса, новая техника! Завод в пути. Завтра он уже будет не таким, каким мы его видим и знаем сейчас. Вместе с поселком это будет чудесный уголок нового, коммунистического Тбилиси. Стройка развернулась огромная. И неудивительно: ведь поставлена задача перегнать к концу семилетки по производству электровозов Францию — страну, имеющую особенно большой опыт в этой области. И это должны сделать, главным образом, такие молодые люди, как Владимир Елизарашвили...

У Лермонтова есть стихотворение «Поэт». В его черновиках упоминается некий Геург:

В серебряных ножнах блистает мой
кинжал,
Геурга старого изделия.
Булат его хранит таинственный закал,
Для нас давно утраченное зелье.

Ираклий Андроников пошел по следам этого известного лермонтовского стихотворения и установил, что Геург, тифлисский мастер клинка, был замечательный оружейник Георгий Елизарашвили.

Елизарашвили — коренные тбилисцы, фамилия эта нераспространенная, и в этой семье и поныне хранятся воспоминания о дедах и прадедах, умевших плавить и обрабатывать металл. По всей вероятности Владимир — наследник лермонтовского Геурга. И в этом есть что-то символичное... Более ста лет назад тифлисское оружие славилось на всем Востоке. Ныне на весь мир идет слава о тбилисских станках и электровозах. Традиции металла остались и приумножены.

Владимир Елизарашвили пришел на завод несколько лет назад после окончания средней школы. Это путь многих — на заводе сотни таких рабочих. Теперь он на пороге втуза. Для этого не нужно даже выходить за ворота завода. Вечерний филиал института поможет Елизарашвили и многим его сверстникам стать инженерами. А пока надо много трудиться и упорно учиться...

В электровозе — 5 575 узлов. Около 80 процентов этого количества изготавливает сам завод. По сравнению с первыми тбилисскими электровозами, для которых лишь 35 процентов узлов подготавливалось на месте, сделан большой шаг вперед. С будуще-

го года начнется вторая фаза строительства и реконструкции завода, после завершения которой, примерно через два года, тбилисские электровозы на все 100 процентов, до самых последних винтиков, будут изготавливаться на месте. Незадолго до конца 1961 года, в послесъездовские дни, завершён технический проект пассажирского электровоза Т-40. От альфы до омеги — это оригинальное творение конструкторской мысли. Новый электровоз будет оснащен мощнейшим тяговым двигателем, иметь привлекательный вид современной машины и развивать скорость до 160 километров в час. К первой годовщине со дня созыва XXII съезда КПСС, 17 октября 1962 года, новый электровоз должен быть уже на рельсах!

Вот в каких больших делах предстоит принять сейчас участие делегату съезда Владимиру Елизарашвили и всему заводскому коллективу! Поистине широко шагают строители грузинских электровозов! Поэтому понятна та особая гордость, с которой они подняли на территории своего молодого, растущего предприятия плакат со словами Никиты Сергеевича Хрущева, сказанными им в докладе о Программе КПСС:

«Я помню, в молодости мы пели: «Наш паровоз, вперед лети! В коммуне остановка». Теперь же мы и вся социалистическая система движемся вперед не на паровозе, а на могучем электровозе...»

Наталия Чхеидзе

Художественный перевод и критика

Обмен культурными ценностями между народами Советского Союза в период развернутого строительства коммунизма приобретает все более яркие и многообразные формы. Процесс взаимовлияния и взаимообогащения литератур — один из важнейших факторов развития советской литературы, привлекающий сейчас внимание писательской общественности. Уже назрела необходимость, решая актуальные вопросы советской литературы, учитывать опыт всех народов Советского Союза. Этот вопрос был поднят на Третьем съезде писателей СССР, с обстоятельной статьей по этому поводу выступил в журнале «Дружба народов» К. Л. Зелинский. Практически в порядок дня ставится план развития сравнительно-исторического комплексного литературоведения и критики путем включения в круг научных обобщений материала разных литератур. И тут встает «во весь рост» роль художественного перевода как базы, на которой строится изучение литератур в сравнительно-историческом плане. В статье Зелинского говорится: «Точность (мы бы сказали: верность) перевода — это идеал для всякого переводчика. Для литературоведа и критика точность перевода — это гарантия научной ценности его обобщений». И далее, развивая мысль о возможности суждения об оригиналах по их иноязычным эквивалентам, автор продолжает: «Следовало бы проделать такой экспери-

мент для еще ненаписанной книги «Гносеология переводов»: сравнить литературно-критические разборы, сделанные по переводам, с разборами, сделанными по подлинникам».

Мысль, безусловно, актуальная и очень нужная, но тут возникает вопрос: а много ли мы видели за долгие годы интенсивного развития советского переводческого искусства таких разборов, сделанных по переводам? Их в наличии — буквально единицы. Обратимся к грузинской литературе.

За последние двадцать пять лет на русский язык переведены почти все значительные образцы грузинской поэзии и прозы от пятого века до наших дней — явление беспрецедентное в истории литератур. Значение этого факта особенно показательно, если принять во внимание несхожесть грамматических форм грузинского и русского языков, различие их эмоционально-образного строя, литературных традиций — при полном отсутствии какого-либо переводческого опыта в прошлом. Работать творчески в этой области — значит, в подлинном смысле этого слова быть новатором своего дела.

Итак, нашими переводчиками проделана огромная работа. Но какая? На этот вопрос мы не найдем ответа ни в одном печатном органе, ни на одной дискуссии (это, прежде всего, касается переводов прозы).

Ведь нельзя же всерьез назвать критикой беглые реплики в статьях,

разбирающих то или иное переводное произведение, или вылавливание в нем различных ляпсусов. Конечно, выявление любой ошибки любого перевода — дело полезное, но лишь при условии, что оно не становится самоцелью и подчиняется основной направленности анализа, а также если выявленные в текстах ошибки исправляются для будущих изданий. Но в том-то и беда, что критические замечания, высказанные по тому или иному случаю в адрес переводчиков, отходят в область предания, а повторные издания нередко грешат ошибками предыдущих.

Обычно, разбирая оригинальное произведение, критик анализирует содержащийся в нем конкретный, фактический материал и делает те или иные выводы. Когда же дело касается перевода, критик не считает себя обязанным вникать в сущность переводческого процесса, сопоставлять перевод с оригиналом и вообще оперировать фактами. Он безапелляционно заявляет — «перевод плохой», гораздо реже — «перевод хороший», и читатель должен поверить ему на слово. И тут сказывается глубокое противоречие между нашими декларативными заявлениями о большом значении художественного перевода в развитии советской культуры и действительным отношением к нему, мягко говоря, — неуважительным.

В нашей печати не сыщешь статей или рецензий, посвященных переводам даже классиков грузинской прозы, не говоря уже о произведениях современных писателей.

В 1955 году в издании Гослитиздата вышел трехтомник «Грузинской прозы». Он вместил почти все значительное, что создала грузинская проза от пятого до начала двадцатого века. Но как отозвалась на это монументальное издание критика? Всего-навсего маленькой заметкой М. Заверина в газете «Заря Востока» да статьей Г. Цицишвили. Оба автора разбирают сборник с историко-литературной стороны и почти не касаются перевода.

Обойдены молчанием в прессе многолетняя деятельность Елены Гогоберидзе, поднявшей в переводах огромный пласт грузинской классической и отчасти советской прозы, а также работа Элизбара Ананишви-

ли, с равным мастерством переводящего и поэзию и прозу и очень много сделавшего в этой области.

Немало сил отдали переводу грузинской прозы также Н. Аккерман, Б. Абуладзе, С. Кавтарадзе, Ф. Твалтвадзе, М. Кахидзе, Т. Гвелесиани, Р. Абрамия и молодые литераторы: М. Лохвицкий, А. Зурабов, А. Джапаридзе и другие. Нельзя также не отметить плодотворную деятельность В. Киреевой, которая до сих пор занималась, в основном, обработкой переводных текстов, а сейчас, по мере овладения грузинским языком, начинает переводить непосредственно с оригиналов. Словом, люди поработали немало, каждый в меру своих возможностей и сил, но заговор молчания критики вокруг переводов прозы не удалось пока нарушить никому.

Именно в силу этого установились следующие предвзятые взгляды, имеющие, к сожалению, большую живучесть: грузинская-де поэзия переводится талантливыми поэтами и потому она представлена по-русски блестяще, а вот с переводами прозы дело сплошь обстоит плохо, так как их осуществляют рядовые работники.

Попробуем разобраться в этом вопросе. Прежде всего вряд ли целесообразно противопоставление двух жанров литературы (в переводе или оригинале); ведь у каждого из них свои закономерности развития, и мы судим о них, исходя из особенностей того или иного жанра.

Далее. Действительно ли так слабо, серо, нехудожественно все, что сделано в области перевода грузинской прозы?

Каждый художественный перевод, будучи производным от языка подлинника и сохраняя в себе его национальные и авторские черты, становится в то же время фактом литературы языка, на который перевод сделан.

Поэтому, когда к переводному тексту, скажем, с грузинского языка на русский, предъявляются требования подлинной художественности, мы, с одной стороны, стремимся уяснить верно ли этот текст отражает черты оригинала, с другой — созвучен ли он опыту русского литературного языка, русской литературы, а также — какие оттенки образного, лексического и тонального характера

может привести этот текст в новую языковую среду.

В пояснение этих слов приведу два отрывка из переводов грузинской прозы. Первый — из повести Ильи Чавчавадзе «Человек ли он?» (перевод Елены Гогоберидзе. Издательство «Заря Востока». Тбилиси, 1950). В тексте дается фрагмент характеристики главного персонажа повести — Луарсаба Таткаридзе.

Грузинская классическая проза XIX века в лице И. Чавчавадзе, Д. Чонкадзе, Л. Ардазиани, Г. Церетели, А. Казбеги, Э. Ниношвили, Важа Пшавела, Д. Клдиашвили отразила в своем развитии в основном те же социально-психологические и бытовые сдвиги, происшедшие в жизни Грузии с 1861 по 1905 гг., что в отношении России того же периода дала русская классическая проза. Таким образом, средства художественного переключения грузинской прозы на русский язык мы черпаем из богатейшего языкового и стилистического арсенала русской литературы с ее великолепными основами народности. Это отнюдь не означает прямого копирования или заимствования стилистических особенностей тех или иных русских авторов, тех или иных образцов. Поиски художественных соответствий связаны с процессом отбора и воссоздания в новой языковой среде стилистических элементов, отвечающих идейно-художественной сущности оригинала. Вот фрагмент повести Чавчавадзе:

«Князь Луарсаб Таткаридзе был настоящий старозаветный грузин: упитанный, круглый, точно — не в обиду ему будь сказано! — хорошо откормленный боров. Внешность у его сиятельства была весьма почтенная: голова такая огромная, что, казалось, под бременем ее толстая, как колода, шея целиком ушла в плечи; щеки красные, точно ярко алеющее турашаульское яблоко. Обвисший тремя складками пухлый подбородок, большие глаза, вечно налитые кровью, как будто кто-то петлею стянул ему шею; толстое, раздавшееся в ширину, почтенное и достойное всяческого уважения брюшко, короткие, точно обрубки, налитые жиром волосатые руки и, наконец, култышки ног — все это само по себе составляло достойную оболочку души князя

Луарсаба, которую «вдохнул в него господь». Присутствие же этой дарованной ему души невозможно было обнаружить: она заглохла, растворившись в жиру его сиятельства. Истый грузин не любит ни того, что приносится ветром, ни того, что ветер уносит, — так не за дуновение ли ветра принял наш князь эту душу, которую «вдохнул в него господь»?

Наукам Луарсаб, слава богу, не обучался никаким, ибо — учись он, не разжиреть бы ему до такой степени. Обычно ведь, когда увядает душа, расцветает плоть, праздная свои именины; когда же расцветает душа — плоть хиреет. Оттого-то, говорят, худые, чахлые люди особенно умны. По-видимому, наш Луарсаб именно на этом основании отнюдь не скорбел душой о том, что остался непричастным к наукам.

— Все это язвы нынешнего времени! — твердил он горестно, как бы болея о человечестве, зараженном подобным недугом.

Конечно, его сиятельство был вполне прав. Он полагал, что человек — это нечто вроде бездонного кувшина, в который необходимо ежедневно сыпать корм и лить питье без всякой, однако, надежды когда-либо его наполнить. Его сиятельство знал по себе, что человек и не учась прекрасно выполняет это предназначение, особенно будучи обладателем стад и крепостных, мало чем отличающихся им от скотины.

— Времена переменчивы, — говорит, вздыхая, Луарсаб. — Переменчивы времена! С той самой поры, как завелись у нас эти чертовы школы, грузины уже не знают сладости жизни. И на что они теперь похожи! Ни поесть, ни попить толком уже не умеют — разве это люди? Грамоту знают? А вот ежели я грамоты не знаю, не человек я, что ли, и шапки нет у меня на голове? Как бы не так! Я и в теле, и румянцем бог не обидел! Да разве пристало мужчине возиться с книгой? Это женское дело! Честь и хвала старому доброму времени! Порядок был, всякий знал свое место — честь и хвала! Добрый конь, надежное ружье, крепкая рука — вот и славен был человек!

Эх, мой Луарсаб, знаю, ты чисто-сердечен, как все старозаветные грузины, но напрасно вздыхаешь ты о

минувших временах! Ты ведь даже толком не знаешь, что было завидного в старину. Разве в наши дни перевелись кони? Разве ружье не бьет и нынче в цель? Мало разве осталось на свете людей с крепкой рукой? Все это и в наше время водится, только нет того сердца, нет той пылкости сердца, той самоотверженной преданности родине, которые и доброго коня и доброе ружье направляли на благое дело. В былые времена человек украшал собою и коня и ружье, а нынче конь и ружье украшают человека. Хороша была старина, но и эти слова Виссариона Габашвили не дурны: одно «имею» лучше, чем тысячи «имел». Скажем и прикусим язык, а не то...

Хотя Луарсаба и печалили язвы нынешнего времени, однако лицо его неизменно сияло одною и тою же — чрезвычайно глупой — улыбкой. Сказано: «В паре бык у быка либо масть, либо нрав переймет». Никогда мне не приходилось видеть, чтобы эта поговорка оправдывалась так, как оправдалась она в доме князя Луарсаба. Его дражайшая супруга княгиня Дареджан была достойной половиною своего супруга и, поистине, они являли собой «един дух и едину плоть», согласно реченному в священном писании. И до какой степени! Та же округлость форм, та же тучность, та же улыбка на лице и почти та же глупость. Чета этих прелестных голубков, с единой душой и с единой плотью, пребывала в удивительно сладостной гармонии вдали от низменной мирской суеты».

Русский текст повести И. Чавчавадзе живо вводит нас в атмосферу грузинской крепостнической среды прошлого века. Перед нами возникает нарисованный точными, полновесными словами, свойственными перу замечательного писателя, социально-психологический портрет, вызывающий в нашей памяти аналогичные образы русской классической литературы. Грузинские идиомы и реалии естественно вжились в русский текст, и весь перевод пронизан уничтожающим сарказмом оригинала, столь родственным могучей социальной сатире Гоголя и Щедрина.

Обратимся теперь к современному произведению.

Перед нами отрывок из повести Д. Шенгелая «Клад», рисующий гро-

зу на Черноморском побережье Грузии (перевод Э. Ананиашвили, Издательство «Заря Востока». Тбилиси, 1959).

«Шумная весенняя гроза пронеслась с барабанным боем и грохотом над деревней, окутала ее сумраком, наполнила шорохом и плеском. Дороги размякли, огромные лужи блестя, словно озера, среди кукурузных полей. Вдосталь нашумевшись и набуянив, ливень, как ни в чем не бывало, прекратился так же внезапно, как начался.

Небо просветлело. Тяжелые капли на листьях заблестели под солнечными лучами. Черными островками рассыпались в синем небе клочья дождевых туч и разбежались в разные стороны. Одна такая туча, побольше других, проплыла над Надарбазеви, омрачив ее своей широкой тенью. Умытое дождем яркое полуденное солнце пробиралось среди толчеи рваных облаков. Ручьи мчались с гор, сломя голову, журча и воркуя стекали они по склонам, а внизу, в овраге, диким ревом ревел бешеный поток».

Общеизвестно исключительное богатство русской пейзажной литературы. Русские писатели, начиная с Пушкина и Лермонтова и кончая нашими современниками — Шолоховым, Пришвиным, Паустовским и другими, нарисовали в своих произведениях замечательные по красоте и лиризму картины русской природы.

Но вот перед нами описание грузинского пейзажа, и мне кажется, что подобные картины, отличные от пейзажных зарисовок русских писателей (как отличается от русской природы сама природа Грузии), могут привнести своеобразный динамический оттенок в богатейшую палитру русской пейзажной литературы.

Я уже не говорю о картинах природы, нарисованных в произведениях наших классиков и, прежде всего, в поразительных по своему величю и жизненности «очеловеченных пейзажах» Важа Пшавела. Человек и природа, говорящие одним языком, являются у Важа Пшавела гениальным выражением первоизданной стихии чувств, детской чистоты и мудрости человечества.

Таким образом, художественный перевод, воссоздающий на новом языке произведение той или иной ли-

тературы, выполняет не только эстетическую и познавательную функцию, он служит также целям взаимообогащения литератур.

Очень увлекательна также задача проследить, с какой гибкостью отражает русский текст стилистические оттенки таких разных по содержанию, словесной фактуре и тональности произведений Чавчавадзе, как «Записки проезжего», «Рассказ нищего», «У виселицы», «Сцены из времен крепостного права» и другие.

К достижениям переводов художественной прозы относятся и работы Гогоберидзе над переводами произведений Саба-Сулхан Орбелиани, Казбеги, Ниношвили, Важа Пшавела, Киачели и других. На подлинно художественном уровне стоят работы Э. Ананишвили — такие, как «Сурамская крепость» Д. Чонкадзе, «Заря Колхиды» К. Лордкипанидзе, «Давид Строитель» К. Гамсахурдиа, «Человек Гор» Л. Киачели, «Бесики» А. Белиашвили, упомянутый выше «Клад» Д. Шенгелая и ряд других.

Образцом истинно творческой работы может служить перевод романа Д. Шенгелая «Санавардо», принадлежащий покойному Н. Чернявскому. Стилистически безусловно созвучен оригиналу перевод повести Ардазиани «Соломон Исакич Меджгануашвили», выполненный Н. Долидзе и В. Киреевой. Список положительных примеров в области переводов прозы можно значительно увеличить.

Однако это, конечно, не означает, что в упомянутых работах нет отдельных ошибок фактического или принципиального характера, нет спорных моментов. Они неизбежны в каждом новом деле.

Но так или иначе, если бы наша критика занялась разбором уже имеющегося на русском языке большого фонда грузинской переводной прозы, она бы неизбежно пришла к выводу, что в лучших своих образцах эти переводы, верно отражая оригиналы, безусловно, удовлетворяют и художественные нормы русской литературной речи. Это то, что подразумевал Белинский, когда говорил, что работа переводчика «усвоила русской литературе» произведения иноземного писателя и что для него являлось мерилом эстетической и общественной ценности перевода.

Наши друзья, талантливые русские поэты, вот уже более четверти века переводят на русский язык грузинскую поэзию, внося этим большой вклад в дело ее популяризации в Советском Союзе и за его рубежами. Переводам поэзии критика как будто уделяет больше внимания. Но и здесь, в сущности, имеются лишь единичные статьи, посвященные работам М. Лозинского, Н. Заболоцкого, Б. Пастернака, А. Межирова, Е. Евтушенко. А ведь их опыт, как и опыт многих других русских поэтов, переводящих поэзию братских народов, заслуживает всестороннего изучения. Думается, что о таких крупнейших художниках перевода, как М. Лозинский, С. Маршак, Н. Заболоцкий, М. Бажан, М. Рыльский, В. Левик, Г. Кикодзе, К. Чичинадзе и некоторые другие, — давно уже пора писать не только статьи, но и целые монографии, творческие портреты и научные диссертации.

Насколько мы, в самом деле, ленивы и нелюбопытны к вопросам художественного перевода говорит уже один тот факт, что даже такое выдающееся явление, как перевод на русский язык поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре», не получило у нас соответствующей общественной оценки. На русском языке существует шесть переводов великой поэмы — Бальмонта, Петренко, Цагарели, Нуцубидзе и два перевода Заболоцкого, но критика до сих пор не дала сколько-нибудь существенного анализа этих переводов с точки зрения их эстетической и общественной ценности.

Таким образом, приходится с сожалением признать, что критики, призванной творчески разбирать те или иные переводные образцы, освещать общие процессы развития перевода, воспитывать новые кадры, направлять организационную сторону этого важного раздела литературы, — такой критики пока у нас не существует, и это наносит серьезный ущерб делу.

Не этим ли объясняется наличие у нас, наряду с бесспорными достижениями в области перевода прозы, и очень больших и существенных недостатков, тормозящих развитие переводческого процесса и снижающих его общий уровень.

Не в этом ли причина тех много-

численных отклонений от здоровой реалистической линии перевода, тех нарушений национальной и авторской специфики, какие наблюдаются при ближайшем ознакомлении с иными переводами грузинской прозы. Дело ведь не только в нарушении тех или иных языковых или стилистических особенностей оригинала, а в том, что эти нарушения, подчас пронизывающие весь перевод, как своего рода система работы — неправильной, ложной в своей основе — создают искаженное представление о произведении в целом и нередко и о творческом лице самого автора.

Грузинская проза в значительной мере насыщена локально-бытовым материалом и теснейшим образом связана с идиоматическим строем языка. Трудность преодоления этой стороны оригинала создают при переводе (как это прослеживается в текстах) в основном три момента отклонения от реалистического стиля: грузинизмы, или подчинение русского текста грамматическим и образным нормам грузинского языка, выхолащивание народного колорита при передаче его неким универсальным переводческим языком и руссицизмы, то есть замена грузинской народной специфики средствами русской народной специфики.

Первая форма имеет целый ряд градаций от легкого грузинского акцента, окрашивающего интонацию фразы, до буквалистского подчинения перевода нормам оригинала, что приводит к искажению смысловой и образной стороны текста, а нередко и отраженной в ней реальности. Вот фраза перевода: «Иуда-предатель, — называли они его, — предать в своей подлости столько людей, чтобы почесать свое «закоптелое сердце»; между тем, как автор здесь говорит: «чтобы натешить свое подлое сердце».

Вот образец прямого натурализма: «Собственная его жена и сын, которых он раньше выжимал, как выжимают молодой сыр, теперь помыкают им, Иванэ».

Еще фраза: «Битва для него меджлис». Слово «меджлис» прямо перекочевало в русский текст — получилась бессмыслица, так как по-русски слово «меджлис» означает наименование турецкого и персидского парламента. А автор здесь говорит: «Битва для него — праздник».

Подобные нарушения, связанные с пороками буквализма, нередко пронизывают целые тексты, основанные на подстрочнике прозы, в такой степени, что количество здесь уже явно переходит в качество.

Существует немало переводов, в которых в значительной степени утрачены национальный колорит и творческая манера автора. Создается некий универсальный стиль, набор литературных штампов, позволяющих нередко оперировать чужеродными словами там, где им совсем не место... Так, в ранних переводах рассказов одного из видных представителей грузинского критического реализма Давида Клдиашвили¹ находим такие слова и выражения, как «порекомендуйте», «завоевал симпатии», «на эту тему», «ироническая усмешка», «мимические знаки», «дипломатически», «скандал» и т. д., в то время как они абсолютно выпадают из образно-лексической системы писателя, целиком построенной на народной основе, на имеретинских диалектизмах.

Примером нейтрализации авторского колорита может служить перевод рассказа Василия Барнова (переводчик Т. Барнавели) «Дэви елового бора», вошедший в тбилисское издание писателя, а потом перепечатанный в сборнике «Грузинские повести и рассказы» (Москва, «Советский писатель», 1951).

Историческая тематика, лежащая в основе произведений Барнова, и пронизывающий их патриотический пафос с оттенком идеализации прошлого определили сложную стилистическую структуру писателя. В разбираемом рассказе Барнова речь идет о замечательном зодчем, строителе древнего храма. Вот небольшой диалог из рассказа:

«— Да, лишь обладая безупречным глазомером и безошибочным чутьем можно заметить эту кривизну. Едва различимая ныне, она когда-нибудь, с течением веков, поколеблет весь купол. Здесь нельзя отклонить ни единой линии, ибо малейший изъян может нарушить строй всего здания».

Д. Клдиашвили. Избранное. Перевод А. Неймана. Закгиз. Тбилиси.

— Как неверный звук — строй согласованной песни?

— Именно так: «ведь купол — это каменная песнь, возносящая человека ввысь».

Этот диалог передан в разбираемом переводе следующим образом:

«Да, это не всякий глаз может заметить. Кривизна почти незаметная, но она очень опасна. Малейшее искривление здесь может повредить зданию».

Нетрудно заметить, что здесь утрачены и образный орнамент и романтическая приподнятость стиля оригинала. К тому же опущено сравнение купола с каменной песней, возносящей человека ввысь, — сравнение, чрезвычайно характерное для образной системы Барнова.

Еще два отрывка из рассказа:

«Прибывшие гости осмотрели строящийся храм, и восторгам их не было конца. В особенности привел их в восхищение купол, хотя он и не был полностью освобожден от лесов».

«Внимательно осмотрев здание, Бакур остался доволен произведенными работами. Он велел только заново перебрать основание для установки купола, представляющее собой широкий пояс, покоившийся на массивных колоннах».

Как видно, в переводе преобладает шаблонный лексикон — «прибывшие гости», «не был полностью освобожден от лесов», «восторгам их не было конца», «привел всех в восхищение», «остался доволен произведенными работами». В оригинале же нет ни одного из этих выражений.

Подобных моментов в русском тексте немало. В результате рассказ с переводом на русский язык приобретает новый стилистический строй, не передающий ни оригинального образного мира, ни музыкальной интонации Барнова. Это язык литературных штампов, своего рода переводческое эсперанто.

Обеднение авторского и национального колорита наблюдается нередко даже в переводных текстах, благополучных с точки зрения русского литературного звучания. Перевод романа М. Джавахишвили «Арсен из Марабды» (пер. Б. Корнеева), выпущенный Госиздатом Грузии, в основном отвечает широкому эпическому стилю оригинала. Однако народно-лексическое начало, пронизывающее

это монументальное произведение, вплоть до органического вплетения в его ткань известной фольклорной «Песни об Арсене», в переводе оказалось в достаточной степени урезанным, обедненным.

На тот факт, что перевод выглядит беднее оригинала именно с точки зрения «максимального приближения его к сокровищнице фольклора», указывал в свое время и сам автор романа М. Джавахишвили в статье «Как писался Арсен из Марабды», опубликованной в минувшем году в газете «Вечерний Тбилиси». Вот что пишет Джавахишвили о переводе:

«По существу все осталось по-прежнему. Но лексика и орнамент во многом изменились. В переводе теряются многие черты оригинала. Особенно это ощутимо для насыщенного фольклором произведения. В общем «Арсен» обеднился».

Переходя к третьему роду отклонений от реалистической линии перевода — к так называемым руссизмам, следует отметить, что в переводных работах они встречаются сравнительно реже. Это случаи, когда грамматические формы, междометия, идиоматические сращения оригинала в виде поговорок и пословиц заменяются специфически русскими — например, восклицание «гей», глагольные формы вроде «глядючи», идиоматические выражения — «не дай боже никому таких страстей», «и мы не лыком шиты», «не суйся с суконным рылом в калашный ряд» и т. д.

Необходимо лишь подчеркнуть, что наиболее резкие отклонения от подлинника, как я уже сказала выше, наблюдаются (прежде всего, в виде грузинизмов и руссизмов) в переводах, сделанных по подстрочнику прозы.

Обычно говорят о подстрочнике вообще, не делая различия между подстрочником поэзии и прозы. Между тем, это различие на деле существует: поэзия значительно менее, чем проза, связана с идиоматическим, локально-бытовым своеобразием языка. Подстрочник поэзии теряет атрибуты стиха, но может, в основном, довольно правильно передать смысловую и образную сторону оригинала. И все же нельзя порой не удивляться творческой интуиции, мастер-

ству и трудолюбию, с какими поэты-переводчики воссоздают по-русски на основе подстрочника грузинские образцы, достигая при этом положительных, а подчас хороших и даже блестящих результатов. Но разве мало наблюдается при этом отклонений и вольностей и даже прямых переделок, иногда в корне меняющих смысл и форму оригинала!

Освоение же подстрочника прозы в силу указанной связи с идиоматикой языка представляет гораздо большие трудности.

Я не берусь утверждать, что таким способом в области прозы нельзя добиться никаких результатов. Отдельные положительные достижения здесь имеются, но не благодаря, а вопреки подстрочнику.

Постепенное преодоление, изживание подстрочника — прежде всего в прозе — неотложная задача работающих в области художественного перевода.

И надо прямо сказать, что естественное развитие переводческого процесса в нашей стране, вопреки утверждениям сторонников подстрочной системы, направлено именно в эту сторону. Это направление подсказано всей тенденцией развития литературы социалистического реализма, основанной на дружеских связях народов.

За последние годы в Тбилиси появились молодые русские литераторы, владеющие грузинским языком, связанные с грузинской жизнью, есть и писатели-грузины, свободно овладевшие русской литературной речью.

Значительное улучшение организации творческого процесса перевода наблюдается в издательстве «Заря Востока». Это улучшение произошло, главным образом, за счет преодоления, так называемого соавторского способа, в основе которого лежит подстрочник, либо сырой, творчески незавершенный перевод, обрабатываемый потом соавтором-стилистом. Сейчас редактирование переводов совмещается с творческой и научной работой по сличению их с оригиналами, чего не было, когда преобладал соавторский способ. Известно, что подстрочный перевод плохо ладит и с творческим, и с научным началом в работе...

Нельзя не подчеркнуть, что развитие повседневной, действенной кри-

тики отстает не только от практики художественного перевода, но и от разработки его теоретических основ.

Прежде всего, несколько слов об отношении к теории перевода. Дело в том, что не только в широких общественных кругах, но и в нашей литературной среде из уст самих писателей, критиков и даже переводчиков можно услышать заявления такого рода: «Перевод — это дело таланта, интуиции. Надо хорошо переводить, а чего уже там говорить о теории перевода. Этому делу не обучают».

Выходит, что теория перевода — это нечто вроде школьного букваря, по которому кто-то кого-то думает обучить искусству перевода, который еще Пушкин считал труднейшим из родов литературы.

Теория перевода — это осознание творческих принципов нашей работы. Нет ни одного теоретического вопроса перевода, который бы не был непосредственно связан с практикой этого дела, и наоборот — каждая, казалось бы малозначительная, деталь нередко сама как бы стучится в двери теории.

За последние годы в области разработки теоретических основ перевода наблюдаются значительные сдвиги. На страницах журналов, и в первую очередь «Дружбы народов», появилось немало статей, в которых мастера перевода делятся своим творческим опытом.

В Москве вышла вторым изданием книга Федорова «Введение в теорию перевода», выпущены сборники «Вопросы художественного перевода» и «Мастерство перевода», куда входят статьи С. Маршака, И. Кашкина, В. Левики, Л. Соболева, П. Топера, В. Россельса и других известных деятелей перевода.

Дискуссия о принципах поэтического перевода развернулась в минувшем году на страницах журнала «Литературная Грузия».

Хочу коснуться вопроса о многообразии форм в искусстве перевода, поднятого в ходе обсуждений молодым критиком Михаилом Завериним.

В своих статьях по вопросам эстетики литературы и перевода (вышел из печати небольшой сборник этих статей) М. Заверин убежденно обосновывает творческую сущность художественного перевода. В этом же

направлении развивает он свою мысль в дискуссионной статье. Однако, проводя аналогию между понятиями творческим и арифметическим (а единица и части единицы — это область математики), критик как будто забывает об основной направленности своих изысканий. Части единицы, арифметического целого, отличаются друг от друга только размером, только количественно (будь даже единица выражена не в отвлеченном арифметическом понятии, а в реальном предмете, скажем, в яблоке). Когда же мы говорим о многообразии форм в искусстве, ведущем к гармонии целого, то имеем в виду многообразие качественное.

Заверин конкретно обосновывает мысль о многообразии методов перевода, прослеживая различие способов, с каким выполнены молодым поэтом Евтушенко два стихотворения — одно эпического, другое лирического характера («характер стихотворения диктовал и метод его перевода» — слова Заверина). Однако, между тем, как выполнены тот и другой перевод, нет методологической разницы, различие способов работы отражает здесь лишь жанровое различие двух стихотворений.

Разговор о многообразии путей в развитии переводческого искусства естественно начать с выявления творческих индивидуальностей переводчиков. Н. Заболоцкий, Н. Тихонов, П. Антокольский, А. Кочетков, С. Шервинский, В. Державин, А. Межиров, М. Максимов, Е. Евтушенко — всех перечислить трудно — отдали немало сил и вдохновения переводам грузинской поэзии. Но ведь каждый из названных поэтов — особый тип художника-переводчика, имеющий свои творческие вкусы, свои навыки работы, теснейшим образом связанные со всей литературной деятельностью каждого из них.

Всесторонний разбор поэтических переводов именно в свете раскрытия авторских индивидуальностей — вот что, в первую очередь, может дать богатый материал для суждений о

разнообразии форм в развитии перевода. И даже анализ отклонений, наблюдаемых в иных текстах, мог бы дать немало поучительного. Если в переводе исключить основу основ, порождающую эти отклонения, то есть подстрочник, то мы увидим, что отступления в работе, скажем, Балмонта над поэмой Руставели, есть результат субъективизации материала, свойственной всей литературной деятельности этого поэта. Отступления, встречающиеся в переводах Е. Евтушенко, следует, видимо, объяснить присущей молодости «болезнью роста».

В заключение необходимо упомянуть о таком значительном факте в развитии нашего переводоведения, как выход книги Гиви Гачечиладзе «Вопросы теории художественного перевода».

Появление этого исследовательского труда, сборника статей Заверина, дискуссия и ряд статей по вопросам перевода, опубликованных в печати, говорит о значительном оживлении теоретической мысли вокруг переводческих проблем в нашей республике.

Однако процесс теоретических обобщений не может протекать нормально вне критического разбора материала. Таким образом, переводческие образцы, хотя и «со скрипом», но все же вовлекаются в сферу критического анализа.

Очень тяжело работать на протяжении десятков лет в атмосфере удушливого молчания критики. Это подтвердит каждый из деятелей перевода. Непосредственное обращение к переводческим образцам, процесс сопоставления переводов с оригиналами — вот что позволит нам перейти от общих слов и предвзятых мнений к подлинно-критической оценке огромной по масштабам переводной литературы, созданной за годы Советской власти и все же еще не получившей должного освещения. Только процесс критического освоения переводов даст ясную картину, существующую в этой области, и послужит стимулом к овладению новых высот в искусстве перевода.

Первая классическая опера во Вьетнаме

Ханой — город-парк. Светлые двух и трехэтажные дома утопают здесь в тропической зелени. В центре города высится красивое по архитектуре, комфортабельное здание большого городского театра, построенное в 1911 году. Но еще ни разу на его сцене не была поставлена классическая европейская опера. Правда, здесь выступали с концертами приезжающие из Европы артисты, ставились скэтчи, водевили. Но даже эти представления были доступны только европейцам, а не широким слоям местного населения.

Талантливый, одаренный вьетнамский народ был лишен возможности приобщиться к мировой музыкальной культуре.

И вот наконец впервые в истории Вьетнама, да и всех стран Индо-Китая, 20 мая 1961 года была показана премьера шедевра мировой оперной классики «Евгений Онегин» П. И. Чайковского.

Это событие знаменательно и тем, что все артисты, занятые в опере, — вьетнамцы и в своем подавляющем большинстве — молодежь. Опера идет на вьетнамском языке.

Партию Татьяны исполняет талантливая 25-летняя артистка Нгок Зау, обладающая прекрасным глубоким и выразительным голосом. Поражает ее умение вжиться в образ Татьяны.

С большим благородством исполняет партию Онегина Фам Куй Зыонг.

Запоминается низкий, грудной, сильный голос Вьен Лы, выступающей в роли Ольги.

Хороши также Ленский — Чан Тят, Гремин — Чан Хью, Трике — Тхань Динь и другие. Удачно поставлены танцы, слаженно звучал хор и оркестр под управлением дирижера Ву Лыонь.

Постановка оперы «Евгений Оне-

гин» — большое событие в культурной жизни Вьетнама.

Неоценимую помощь в этом вьетнамским друзьям оказал народный артист Грузинской ССР, солист Большого театра Союза ССР Давид Георгиевич Бадридзе.

Приехав во Вьетнам с целью содействия нашим друзьям в развитии вокального искусства, он не ограничился прямой своей обязанностью преподавателя Ханойского музыкального училища. Бадридзе проделал огромную работу по подбору первого в истории Вьетнама оперного коллектива.

Сотни певцов были прослушаны им в ансамблях, на концертах самодеятельности для отбора наиболее одаренных. Много потрудился Давид Георгиевич над правильной постановкой голосов вьетнамских певцов.

С помощью начинающих вьетнамских артистов и режиссеров Д. Бадридзе осуществил также постановку балетных номеров в оперном спектакле. Под его руководством были нарисованы декорации, сшиты костюмы. Внимательно прислушивался к его советам и молодой дирижер.

Большую поддержку вьетнамским друзьям в постановке оперы оказало Министерство культуры СССР, приславшее партитуру, парики, эскизы декораций и костюмов.

Постановка оперы «Евгений Онегин» во Вьетнаме, осуществленная с бескорыстной помощью Советского Союза, свидетельствует о крепкой дружбе народов стран социалистического лагеря.

Теперь в Демократической Республике Вьетнам создан постоянный оперный коллектив, молодые и талантливые члены которого влюблены в свое дело и полны творческих планов.

В. ФРАНГУЛЯН

г. Ханой.

Неизвестные документы о Кюхельбекере

В сентябре 1821 года в Тбилиси приехал В. Кюхельбекер, направленный сюда в качестве служащего канцелярии главноуправляющего Грузии генерала Ермолова. Здесь В. Кюхельбекер встретился с А. Грибоедовым, только что вернувшимся из Персии и собиравшимся служить у того же генерала Ермолова. Кюхельбекер и Грибоедов были знакомы и раньше, они даже служили вместе в коллегии иностранных дел. Здесь же еще больше сдружились.

По сей день не выяснено, что послужило причиной приезда Кюхельбекера в Грузию. Известно, что после публичных выступлений за границей он находился в опале. Есть предположение, что его друзья, опасаясь репрессий со стороны правительства, сами устроили его на службу к генералу Ермолову, воспользовавшись пребыванием «проконсула Кавказа» в Петербурге.

По свидетельству Н. Муравьева, такое назначение следует рассматривать как тайное приказание правительства изолировать «опасного вольнодумца».

В «делах» Центрального государственного исторического архива Грузии мною обнаружены весьма интересные документы, оставшиеся до сих пор неизвестными. Они проливают свет на некоторые факты, связанные с пребыванием Кюхельбекера в Грузии.

Так, найдены два прошения Кюхельбекера Ермолову: одно — о поступлении на службу (от 3 августа 1821 года), другое — об уходе (от 26 апреля 1822 года). Теперь стало возможным уточнить

дату пребывания Кюхельбекера в Грузии.

Но особый интерес вызывает другой документ, находящийся в том же «деле», — это черновик «Аттестата» о прохождении службы, выданного Кюхельбекеру генералом Ермоловым.

Как известно из «записок» того же Н. Муравьева, причиной ухода со службы Кюхельбекера послужила его ссора с племянником генерала Ермолова — чиновником Похвисневым, которая кончилась дуэлью.

Обнаруженный в «деле» черновик «Аттестата», как установлено по почерку, целиком составлен Грибоедовым, который в ту пору был секретарем генерала Ермолова. Как видно из этого документа, первоначально Грибоедовым была составлена следующая аттестация: «...исполнял делаемые ему поручения с усердием при похвальном поведении». Затем эта фраза была зачеркнута, вероятно, не по собственному желанию Грибоедова, и сверху надписана другая: «...мало употребляем был в должности, и потому собственно по делам службы способности его не изведаны».

В такой редакции «Аттестат» и был выдан Кюхельбекеру. Подобная характеристика фактически закрывала путь дальнейшей его службе.

Попав на каторгу в Сибирь после восстания декабристов, Кюхельбекер не переставал надеяться, что с помощью Грибоедова ему удастся несколько облегчить свою участь.

И. ЕНИКОЛОПОВ

Содержание журнала „Литературная Грузия“ за 1961 год

	Журн.	Стр.		Журн.	Стр.
К НОВЫМ УСПЕХАМ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА			Г. Дзугаев. Письмо. Рассказ	III	44
Ир. Абашидзе. Наш ответ пар- тии	VI	3	Э. Зедгинидзе. Солнце в дороге. Рассказ	VIII	46
М. Асланян. В дружбе наша сила	VI	7	О. Иоселиани. Семья. Рассказ	I	21
С. Клдиашвили. Мудрое слово	VI	3	Р. Канделаки. Сезам, отворись! Рассказ	III	32
Э. Фейгин. По долгу сердца и совести	VI	5	С. Клдиашвили. Приморская весна. Рассказ	II	24
С. Шаншиашвили. Высокая оцен- ка	VI	6	И. Лисашвили. Верность. Гла- вы из романа	V	49
НАВСТРЕЧУ XXII СЪЕЗДУ КПСС			К. Лордкипанидзе. Калотубан- ская невеста. Из цикла «Вол- шебный камень»	IV	5
М. Давиташвили. Зерна жизни	VIII	61	Э. Майсурадзе. Гардатенские дружки. Рассказ	XI	47
И. Мухадзе. В Ширакской степи	VI	66	Г. Натрошвили. Бронепоезд. Рассказ	V	49
В КАНУН ВЕЛИКОГО СЪЕЗДА			С. Пхакадзе. На улице Орпи- ри. Быль	IV	49
С. Еркоманшвили. За высокую культуру животноводства	IX	7	С. Сартаков. Любовь. Главы из романа		
Г. Натрошвили. Читая проект Программы...	IX	3		Часть вторая VIII—3; IX—42	
Н. Новицкий. Странички с вы- ставки. Репортаж	IX	13	Б. Сейранян. Родные. Рассказ	IX	38
СЪЕЗД КОММУНИЗМА			А. Сытин. Ночь на озере Пале- остоми. Этюд	XII	44
Э. Бекоев. Мир—первое усло- вие	X	7	Гр. Чиковани. Кривая лестни- ца. Рассказ	VI	12
А. Белиашвили. Великие пер- спективы	X	3	Д. Шенгелая. Февраль. Рассказ	V	23
Х. Берулава. Источник радости и вдохновения	X	4	СТИХИ И ПОЭМЫ		
Коммунизм — наше светлое завтра	XI	3	Гр. Абашидзе. С высокой пира- миды. Стихи	II	29
РОМАНЫ, ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ			Мать. Драматическая по- эма	VI-53; VIII-34; IX—53	
А. Белиашвили. Швидкаца. Повесть Часть первая I—5; II—3; V—31; VI—36			Ир. Абашидзе. Корни. Хвам- ли. Опустевшая дача. Памя- ти невысказанных стихотво- рений. Стихи	V	26
К. Гамсахурдия. Часы. Бессмер- тие. Новеллы	VIII	21	По следам Руставели. Стихи	VIII	19
Т. Гурджуа. Соперники. Рассказ	X	48	Р. Асаев. Братский привет. Стихи	V	46
Г. Голетиани. Первокурсники	XII	51	Слово о Грузии. Волга. Сти- хи	VIII	58
М. Джавахишвили. Судьба жен- щины. Роман			Х. Берулава. Долорес Ибарру- ри в Тбилиси. У памятника Адаму Мицкевичу. Стихи	IV	15
			К. Бобохидзе. Памяти Патри- са Лумумбы. Стихи	IV	48
			Родной партии. Стихи	X	52
			А. Венцлова. Песня у костра. Стихи	V	18

И. Гришашвили. Ленин. Стихи	X	9
Х.-М. Дзудцати. В ореховых деревьях за окном... Стихи	VIII	60
Т. Джангулашвили. В. Г. Берлинскому. Стихи	VI	65
Съезд коммунизма. Стихи	IX	20
К. Каладзе. Абхазская песня. Стихи	I	3
Старый сад. Стихи	XII	44
М. Кахидзе. Край родной. Стихи	IV	3
М. Квливидзе. Береза в Хлебникове. С тех пор... Бегство от тебя во Мцхета. Стихи	II	32
Баллада о солдате. Чаргали. Стихи	XII	49
Г. Леонидзе. Неумирающие строки. Стихи	VII	6
Иду по моей земле. Стихи	X	53
С. Ломинадзе. Ветви марта простодушно голы... Стихи	III	41
Р. Маргиани. Почему-то припомнилось. В дни жатвы. Стихи	I	29
Из книги лирики. Возжаждал я простой грузинской речи... Снилось мне... Свадеб-пиров дочерям не устрою... Горные вершины... Стихи	VI	9
А. Мирцхулава. Грузия любимая. Стихи	III	3
К. Надирадзе. Стихи разных лет	III	30
Вечер на Сатаплии. Знаю город мой... Снег идет	III	41
С. Нариманидзе. Дуб. Река. Стихи	IX	20
И. Нонешвили. Звездным братьям. Стихи	VI	34
Б. Окуджава. Новые стихи. Карти. Весна. Колыбельная	V	17
М. Рыльский. Радянській Грузіі		
Стихи		
Б. Слуцкий. Человек. Поэзия — не мертвый столб... Иваны. Хорошо, когда хулят и хвалят... Стихи	I	27
Л. Сулаберидзе. У этой трибуны. Стихи	XI	5
А. Сулакаури. Так ночь настает в Алазанской долине. Стихи	III	41
Г. Табидзе. Из рассказанного луной... Все желтое становится желтей... Стихи	II	22
И. Тарба. Сакартвело. Стихи	II	28
А. Тевзадзе. К звездам. Стихи	V	2
Н. Тихонов. К вершинам века. Стихи	V	16
П. Тычина. Давиду Гурамишвили. Стихи	V	16
Ф. Халваши. Грузия. Стихи	V	44
В. Цховребов. Колыбельный мастер. Стихи	VIII	59
Д. Чарквиани. Небо Грузии. Стихи	V	47
Т. Чилалдзе. Новые стихи. В старом Тбилиси. Перелетят, перелетят... Жинвали. Который раз... Луна выходит из Черкесии	XI	44

Б. Шинкуба. Я родился под солнцем Грузии.	V	45
С. Эули. Грузия родная. Стихи	I	20

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Б. Бахтадзе. Очерки о писателях-демократах	II	90
Г. Бебутов. Грузия в творчестве Ольги Форш	VIII	73
И. Богомолов. Слово дружбы	VII	66
Э. Галустова. В плену противоречий	XI	88
Г. Гвердцители. Герои и современность	VIII	67
Г. Джибладзе. Лео Киачели. Статья первая	I	76
Статья вторая	III	74
Б. Жгенти. Эпопея о национальном герое Грузии	IX	82
В. Имедадзе. Шевченко и Грузия	III	93
М. Квеселава. Горы, высокие горы...	VII	62
Г. Маргвелашвили. Жизнь, история, литература... Краткий обзор грузинской советской прозы и драматургии. Статья первая	IV	55
Статья вторая	V	89
Человек и эпоха. Заметки о новых произведениях русских писателей	IX	74
Вл. Мачавариани. Повесть о солдатах наших дней	II	87
Памяти Эрнеста Хемингуэя	VIII	72
Ю. Суровцев. Моя грузинская поэзия	II	77
Т. Тварадзе. О некоторых тенденциях в грузинской молодой прозе	IX	91
Н. Тихонов. Перевод и оригинал	I	72
С. Чиковани. Жизнь и творчество Важа Пшавела	VII	7
С. Чилая. Константинэ Гамсахурдиа	VIII	30
Мастер грузинской прозы (к 80-летию со дня рождения М. Джавахишвили)	XI	6
Н. Чхеидзе. Художественный перевод и критика	XII	82
А. Шариф. Ценный литературоведческий труд	III	89

ПУБЛИЦИСТИКА

Дары земли Грузинской. Беседа Председателя Совета Министров Грузинской ССР Г. Д. Джавахишвили с писателем Константином Лордкипанидзе.	V	4
Ир. Абашидзе. Америка с первого взгляда	III	56
Ч. Амирэджиби. Неоплаченный долг	X	85

Э. Андроникашвили. Наука и общество	X	77	У. Оболадзе. Новое о Луначарском	VIII	81
М. Гаприндашвили. Русские революционные демократы и грузинские просветители	VI	75	Б. Пирадов. Новые документы об А. М. Горьком	VI	87
К. Гардапхадзе. Тбилиси встречает славный юбилей	X	73	З. Швелидзе. Письма Н. К. Крупской и А. В. Луначарского	II	73
П. Гудушаури. Великий ученый и поэт	XI	71	Неизвестные фотографии Ладо Кецховели	V	84
Г. Гулям. Братский привет	V	20	Студенты-большевики	XI	94
Г. Кочар. Памятник братства.	V	21	Листая старые газеты. Обзор	V	85
Г. Курашвили. Дорогой славы	VI	71	ЖИВОЙ ВАЖА		
М. Мирианашвили. К вопросу о подготовке научных кадров	XII	75	Ш. Мгвимели. Друг мой Важа	VII	48
Э. Османчик. Новая книга джунглей	IX	67	В. Разикашвили. О моем отце	VII	46
Б. Пирадов. Важа Пшавела и революция 1905 года	VII	71	С. Саларидзе. Из воспоминаний	VII	52
Д. Шенгелая. Песня гор	VII	3	С. Шаншиашвили. О великом поэте	VII	53
В. Эсаиашвили. По советам великого Ленина	IV	52	ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПИСАТЕЛЯ		
ОЧЕРКИ			Важа Пшавела. Моя жизнь	VII	15
Ия Месхи. Кровное, родное...	XI	61	Рассказ косуленка	VII	19
В. Михайлов. По тропам Пшав-Хевсуретни	VII	59	Свадьба соек	VII	25
И. Мухадзе. Завет Ленина.	XI	67	Горы спят. Их мечтанья — счастье народное. Не тот герой, кто... Черная туча. Гора и долина. Завещание. Стихи	VII	31
Н. Новицкий. К новым свершениям	XII	77	Думы	VII	36
ВЕЛИКОЕ СЕМИЛЕТИЕ			ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ		
Л. Браиловская. Секретарь райкома	III	47	Важа Пшавела. Гиглия. Глава из поэмы	VII	39
Н. Внук. Огненных дел мастера	IV	70	Что называется свободой?	VII	42
Г. Гегешидзе. В преддверии славного юбилея	I	67	Что такое свобода?	VII	44
Т. Донжашвили. Чтобы звезды стали близкими	V	63	ИСКУССТВО		
В. Марганидзе. Люди и корабли	II	69	Н. Гурабанидзе. Важа Пшавела и грузинский театр	VII	74
Л. Ростовцев. Наследники	V	57	Э. Думбадзе. Хранительница сокровищ	IV	78
ГЕРОИ НАШИХ ДНЕЙ			Вл. Чиаурели. На грузинском экране	V	97
Р. Бежанишвили. На берегу большой Алазани	X	44	Н. Шалуташвили. Режиссер Дмитрий Алексидзе	II	92
И. Дубинский. Мы с тобой-коммунисты	X	34	СРЕДИ КНИГ		
Гр. Чиковани. Хозяйка зеленых холмов	X	11	Л. Барамия, Г. Мегрелишвили, А. Агладзе, С. Чхартишвили. Монография о грузинской социалистической нации	I	92
СТРАНИЦЫ БОРЬБЫ			Б. Бахтадзе. Новый труд по истории русской литературы	IV	89
К. Джапаридзе. Отстаивая завоеванное	V	82	Г. Вайс. Молодой, уверенный голос	IV	93
С. Кавтарадзе. Семнадцатый год в Грузии	V	77	А. Гребнев. След поэта	VIII	87
П. Шушания. День первый	V	80	Т. Доброва. Всегда в строю	VIII	86
ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ			Л. Долидзе. О времени и о себе	I	95
А. Луначарский. Коминтерн и педагоги	VIII	81	Э. Елигулашвили. Человек с авторучкой и его ответственность	IV	85

Н. Карашвили. «Земля большая»	VIII	89
К. Коринтели. Для самых маленьких	VI	90
М. Лохвицкий. Первая книга	IV	94
Вл. Татишвили. Повесть о пламенном революционере	IV	91
Г. Хухашвили. Сборник первый	I	93
Н. Чхеидзе. О теории художественного перевода	VIII	92
М. Эсакия. Горение поэзии	VIII	91

КОРОТКО О НОВЫХ КНИГАХ

Т. Амбарова. Путешествие по городам и дорогам республики	X	94
А. Николадзе. Книга о братстве и дружбе	X	91

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

Вл. Асатиани. Наши лекарственные ресурсы	VIII	75
И. Ениколопов. Неизвестные документы о Кюхельбекере	XII	92

И. Франгулян. Первая классическая опера во Вьетнаме	XII	91
---	-----	----

СПОРТ

А. Буслаев. На вершине шахматного Олимпа	VI	92
--	----	----

САТИРА И ЮМОР

Н. Думбадзе. Как воспитать ребенка	I	89
О религии	I	90

ХРОНИКА

Н. Аккерман. Произведения Важа Пшавела за рубежом	VII	78
---	-----	----

Н. Долидзе. Важа Пшавела и кино	VII	77
---------------------------------	-----	----

Книги к юбилею	VII	79
----------------	-----	----

Книги к 40-летию	V	108
------------------	---	-----

Подписано в печати 27 декабря 1961 г. 6 печ. листов + 2 вкл.

Формат бумаги 70x108^{1/16}.

Вакав № 1274

Тираж 2.500

УЭ 04807

Цена 40 коп.

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ხარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

ЖУРНАЛ

„Литературная Грузия“

(НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

знакомит читателей с лучшими произведениями прозаиков и поэтов Грузии, печатает стихи, повести и рассказы писателей Москвы, Ленинграда, братских республик Советского Союза и прогрессивных зарубежных авторов, а также очерки о строителях коммунизма, тружениках семилетки, литературно-критические статьи и рецензии на новые книги; ведет разделы «Искусство», «Спорт» и др.

В 1962 году в журнале будут напечатаны следующие произведения:

АКАКИЙ БЕЛИАШВИЛИ. «Швидкаца». Повесть. Часть 3 и 4.

РОСТОМ БЕЖАНИШВИЛИ. «Будем до конца откровенны». Роман.

ОРДЗ ДГЕБУАДЗЕ. «Похищение богородицы», «Королева зари». Из записок следователя.

КОНСТАНТИН ЛОРДКИПАНИДЗЕ. «Волшебный камень». Роман.

ВАХТАНГ ЧЕЛИДЗЕ. «Жизнь без конца». Исторический роман.

ЕВГЕНИЙ ЗАКЛАДНЫЙ. «Проснитесь, люди!». Научно-фантастическая повесть.

МИХАИЛ ЛОХВИЦКИЙ. «Неизвестный». Роман.

ЮРИЙ НАГИБИН. «Рассказы о Грузии».

ЗМАНУИЛ ФЕЙГИН. «Мальчик пляшет под дождем». Повесть.

НАДЕЖДА ЖИВОКИНИ-МАРДЖАНИШВИЛИ. «Воспоминания о Котэ Марджанишвили».

НОВЫЕ РАССКАЗЫ

Константинэ Гамсахурдиа, Николая Тихонова, Демны Шенгелая, Георгия Натрошвили, Анатолия Кузьмичева, Элизбара Зедгинидзе, Ивана Папаскири, Георгия Дзугаева, Фридона Халваши, Отиа Иоселиани и др.

ЦИКЛЫ СТИХОВ

Галактиона Табидзе, Ладос Асатиани, Георгия Леонидзе, Симона Чиковани, Павла Антокольского, Алио Мирцхулава, Ираклия Абашидзе, Карло Каладзе, Алекси Гомишвили, Ивана Тарба, Гафеза, Евгения Евтушенко, Отара Челидзе, Беллы Ахмадулиной.

ЖУРНАЛ ИЛЛЮСТРИРОВАН

рисунками Ладос Гудиашвили, С. Кобуладзе, И. Гурро, Т. Мирзашвили, Эристави, Д. Нодия, Т. Самсонадзе, З. Нижарадзе, З. Церетели и др.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ“

Подписная цена:

на год — 4 руб. 80 коп.

за 6 мес. — 2 руб. 40 коп.

в всех отделениях «Союзпечати».